

Наталья Новохатская

Гобелен
с пастушкой
Катей

Наталия Новохатская
Гобелен с пастушкой Катей

«Aegitas»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Новохатская Н. И.

Гобелен с пастушкой Катей / Н. И. Новохатская — «Aegitas»,
2019

ISBN 978-0-3694-0112-0

Наталия Новохатская Предлагает серию развернутых описаний, сначала советской (немного), затем дальнейшей российской жизни за последние 20 с лишком лет, с заметным уклоном в криминально-приключенческую сторону. Главная героиня, она же основной рассказчик – детектив-самоучка, некая Катя Малышева. Серия предназначена для более или менее просвещенной аудитории со здоровой психикой и почти не содержит описаний кровавых убийств или прочих резких отклонений от здорового образа жизни. В читателе предполагается чувство юмора, хотя бы в малой степени, допускающей, что можно смеяться над собой. Даже когда грустно.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-3694-0112-0

© Новохатская Н. И., 2019
© Aegitas, 2019

Содержание

Дилетант по найму	6
Часть первая	6
Часть вторая	33
Часть третья	44
Главный дурак	59
Гобелен с пастушкой Катей	85
Краткая справка	86
Часть первая	87
Глава 1	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Наталья Новохатская

Гобелен с пастушкой Катей

© Новохатская Н.И., 2019

© Издательство «Aegitas», 2019

Дилетант по найму

Часть первая

Представления не имею, с чего начать... Не пересказывать же последние 20 лет своей жизни, потому что с подругой Верой мы знакомы без малого двадцать лет.

С пионерского лагеря. Горн и барабан, запах склада, где хранится казённая форма – белый верх, темный низ, чудовищный покррой. Далее мы с Верочкой тянем за веревку флага (это большая честь, между прочим) и кто-то из нас тихо шепчет: «А если мы обе бросим веревку, он, интересно, полетит вниз или нет?», и начинаем давиться от непочтительного смеха.

Нет, безусловно, надлежит начать с самого начала, но не нашей с Верочкой дружбы, а безумной истории, свалившейся нам на головы летом 19.. того самого года. С которого много чего началось не только с нами.

К сожалению, у заявленной истории не получилось драматического начала, оно нудное, как осенний дождь, такое же мелкое, скучное и незаметное.

Итак. Начнем, пожалуй, с того, что я приехала из Юрмалы и стала звонить Верочке. Ну, не совсем так.

Я приехала и неоднократно звонила Верочке, поскольку чувствовала себя виноватой. Теперь надо объяснить, отчего я так себя чувствовала. Совсем девушка, то есть автор, запуталась. На самом деле автором быть ещё не приходилось, обычно я с ними работаю, поскольку служу в издательстве «Факел» в должности редактора. И до сих пор не знала, какая это докука быть автором, им следует больше сочувствовать, но это к слову.

Таким образом лучше начать с того дня, как я собралась в Юрмалу, а не когда приехала обратно.

Короче говоря, однажды ясным летним днем я позвонила Верочке на службу и проинформировала подругу.

– Знаешь, совершенно неожиданно мы с Сергеем едем в Прибалтику, отдохнем напоследок, а то скоро туда не пустят, будет, как заграница.

(Так делаются судьбоносные заявления, вроде бы от нечего делать. Скорее всего, у меня начал проявляться дар предчувствия, правда, в те времена я полагала, что это чувство юмора.)

После базового сообщения я стала вешать бедняжке Вере лапшу на уши. Относительно того, как было трудно выбить на работе к семи дням отгула еще два за свой счет. А начальство меня не отпускало, поскольку очень ценный работник. Суежилась я отчасти потому, что полагала себя виноватой, оттого явились лишние объяснения и нагромождение мнимых трудностей. Как обильно ни объясняйся, а Верочку я бросала на произвол судьбы.

Вера на днях отправила сынишку Сашу к свекрови, и мы планировали проводить свободные летние дни своим излюбленным способом. Не важно, каким, об этом после, важно, что она на меня рассчитывала, а я, понимаете ли...

Она мне, конечно, сказала, что я поганка, а я ей ответила, что хорошо планировать заранее отпуск со своим мужем, а вот когда не муж, вернее, муж, но не свой...

Подруга Вера вздохнула и простила.

– Бог с тобой, Малышева, езжай, так и быть, не забудь только привезти рижских духов на мою долю, – грустно промолвила она.

Так мы распрощались, она поникла в разочаровании и грусти, а я уехала со смутным ощущением вины.

Как я теперь понимаю, это было скорее предвкушение грядущих бед. Потому что, когда я вернулась, Верочки уже не было.

Я это поняла не сразу. Несколько дней подряд звонила ей домой ближе к вечеру – никто не подходил, даже ее муж. Потом стала звонить Верочке на работу, и кто-то в сомнении сказал, что она, кажется, в отпуске, а впрочем, точно не знает.

Я очень удивилась и еще несколько дней подряд звонила ей домой в разное время – пусто. Еще через пару дней мне, наконец, пришло в голову позвонить её маме, Анне Ивановне.

Вот тут я в первый раз насторожилась, потому что в ответ на мой вопрос Анна Ивановна заплакала.

Я спросила тетю Аню запросто:

– Вера давно уехала и куда?

А она в ответ вдруг стала всхлипывать. Понять я ничего не смогла, слова у тети Анечки расплывались в плаче, я разволновалась и тут же отправилась к ней.

Пока я бесконечно ехала разными видами транспорта, в голову приходили десятки предположений, начиная от несчастного случая и кончая бегством с гусаром.

Действительность оказалась обыденнее и страшнее: Верочка пропала, исчезла. Несколько дней тетя Аня так же тщетно, как и я, пыталась достать Веру по телефону, но беспокоилась не слишком. Лето, Сашенька у другой бабушки, дочка наслаждается свободой, с мужем, как всегда, в состоянии полуразвода.

Зачем ей сидеть дома, наверное, они с Катей ходят, гуляют по бульварам, едят мороженое на скамейках и болтают до одурения. (Такой у нас с Верочкой излюбленный вид летнего отдыха.)

Дней через пять тетя Аня начала потихоньку тревожиться, позвонила дочке на работу, но толку там тоже не добились: незнакомые голоса вразнойой сообщали что-то невразумительное и противоречивое – то ли Вера вышла и сейчас будет, то ли ушла в отпуск, то ли уехала в филиал.

И вот примерно через неделю после моего отъезда (мы с тетей Аней долго и бестолково путались в днях недели и датах, пока не вычислили примерное время с допуском в 1-2 дня), ей позвонил Витя, Верочкин муж, и как-то странно спросил, не знает ли она, где Вера.

Опять же толково пересказать разговор с зятем Анна Ивановна не сумела. Не в укор ей будет замечено, да и вряд ли кто сможет связно передать насыщенный разными чувствами неприятный диалог, лишь поделилась вынесенной из него информацией. Со слов тети Ани Виктор сообщил примерно следующее.

Однажды Вера просто не пришла домой. Не ночевала дома, не появилась ни следующим утром, ни днем, ни вечером. С собой ничего не взяла, ушла налегке. Виктор беспокоился и злился два дня, потом съездил в Шерстобитово к своей маме, где был сын Сашенька, но там, как он и догадался, Вера не появлялась.

Далее он обзвонил подруг жены – никто ничего не знал, а Катя Малышева (т. е. я) уехала со своим хмырем куда-то отдыхать. Это, по словам Веры, она раньше сообщила, до исчезновения, а он почему-то запомнил.

Тогда, набравшись храбрости, Виктор стал звонить в больницы и морги, но и там получил отрицательные известия – никаких неопознанных молодых женщин в последнее время не поступало, и Вера Согдеева ни в каких списках не упоминалась.

Нервы у Витюши сдали, он позвонил Анне Ивановне и, убедившись, что та ничего не знает, устроил скандал по моему поводу. Сюжет скандала был таков: если с Вашей дочерью ничего не случилось, то значит, она втайне от мужа махнула куда-то с этой Катькой Малышевой в черт знает какой компании.

Известно, что эта Катка (опять же я) поехала с мужиком, который вовсе не муж, небось, там и для этой дуры (для Верочки, его супруги) тоже припасли кавалера, а когда вернется – что-нибудь сочинит, Виктор не удивится.

Говорил же я (он, Витя), что нечего якшаться с этой Каткой Малышевой, разведенкой, она дуру-Верку с пути сбивает, а Вы (тетя Аня, конечно) ей и слова не окажете, а у нас сын, семья, и так далее и тому подобное.

Это объяснение, хотя бы и оскорбительное для дочери, Анну Ивановну слегка успокоило, тем тяжелее был удар, когда я позвонила и спросила, где Вера.

– Так куда же она делась, Катюша, куда делась? – в слезах спрашивала меня тетя Анечка, а у меня самой голова шла кругом и все сильнее нарастало чувство вины.

Я не могла себе простить, что меня не было в Москве в те дни. Что бы с Веркой ни случилось, что бы она ни собралась предпринять... Ах, Боже мой, была бы я на месте, то, конечно знала бы, где Верка и что с ней!

(Включая запой и бегство с гусаром. Исключая кирпич на голову, но ведь ни в больнице, ни в морге она не значилась, так что кирпич с крыши и машина из-за угла сами исключались.)

Так куда же она делась? И почему-то не поставила меня в известность...

Тетя Анечка беспомощно плакала, у меня в голове тревога гудела, как колокол, и я понимала, что сейчас необходимо звонить Виктору. Неважно, что отношения у нас вполне прохладные и даже более чем... Ничего не важно.

И вот, словно смотря со стороны сцену из фильма ужасов, я слушала, как тетя Аня говорила ему.

– Витя, Катя приехала, одна, нет, нет, Верочки с ней не было. Витя, где она?

Дальше были слезы, валерьянка, валидол, наш с Виктором бестолковый разговор, ну и я не удержалась, тоже разлилась ручьем. С Виктором мы договорились встретиться следующим утром.

Ночевать я осталась у тети Анечки, в Веркиной комнате, знакомой тысячей подробностей от мельчайшего гвоздя, до любого скрипа.

Верочка прожила здесь двадцать пять лет дозамужней жизни, сюда я в детстве и в отрочестве ездила в гости, на этом диване мы поверяли друг дружке сердечные тайны, в этом шкафу прятали первые сигареты, эти собрания сочинений – Бальзак, Стендаль, Мопассан – читали по очереди. На новую квартиру, где они жили с Виктором, Верочка своих вещей почти не брала, все осталось здесь.

Слушая, как в соседней комнате всхлипывает и не спит тетя Аня, я смотрела в потолок и никак не могла поверить, что происходящее и есть реальность.

Несколько лет назад мне случалось ночевать в Верочкиной комнате без неё. Были тяжелые нелады с мужем, своих добропорядочных и строгих родителей я стеснялась, а добрая тетя Анечка охотно пускала меня переночевать.

Ей было одиноко, Верка сидела в Буэнос-Айресе, письма от нее шли нечасто, и мы с тетей Аней всегда перед сном их читали и перечитывали.

Какое было чудесное время! Моя семейная драма и дешёвые к ней комментарии!

«Тетя Анечка, ведь мы уже не любим друг друга, зачем нам жить вместе?» – такими сентенциями я потчевала бедную тетю Аню на сон грядущий.

Подруга, вкушающая заграничную жизнь: «Малышева, ещё я тебе купила лифчик из коттона, с настоящим кружевом, в следующую зарплату куплю к нему прозрачную блузку. Приеду – найдешь себе другого мужа, гораздо лучше...» – так Верочка утешала меня из-за океана.

Последний курс института, упоительный первый год в редакции, когда выяснилась, что и я, девочка-дурочка, кое-что смыслю в деле. Правда, все-таки пришлось развестись – какая чепуха, в два счета найду себе другого мужа, гораздо лучше...

Так до сих пор и ищу, вернее, не очень-то и ищу. Вместо мужа у меня теперь Сережа – два визита в неделю, иногда уикэнд, если может вырваться, у него семья, двое детей. Насчет любви – спросите, что полегче, а он приходит, не гнать же его, вроде бы не за что...

А вот Верочка почти сразу после приезда нашла себе мужа – Виктора. Я говорила ей после, а она не спорила, что две ошибки подряд – это уже слишком.

Упаси Бог, я нисколько не завидовала, но вместо аспирантуры поехать иномашинисткой в Буэнос-Айрес – это ошибка номер один, хотя, как посмотреть, конечно.

Тетя Анечка зарабатывала у себя в детском ателье немного, квартира у них с Верочкой – полтора квадратных метра, а диссертация – куда она денется? Приедет Вера домой с деньгами, так и напишет: и кандидатскую, и докторскую. Однако вместо диссертации пришлось заняться нудными общественно-политическими переводами, потому что родился Сашка, а валюты, привезенной из Аргентины, на кооперативную квартиру не хватило.

Витюша, вторая Верочкина ошибка, наотрез отказался жить в крохотной квартирке вместе с тетей Аней. Тем более, что она зятя не прописала.

«Только через мой труп. Разведетесь через три года, он отсудит у нас комнату, как мы будем жить?» – твердила тетя Аня. Надо понимать, доверие тещи польстило Виктору бесконечно и обусловило их дальнейшие отношения. Витя был прописан у своей мамы в поселке Шерстобитово, 80 км от столицы.

Во всех этих квадратных метрах, прописках и взносах за кооператив незаметно, потерялись все супружеские чувства. На долгожданную квартиру Виктор с Верочкой переехали уже в состоянии взаимного раздражения, и если бы не Сашенька...

Тут нужно для справедливости отметить, что наши с мужем взаимные чувства потерялись в хорошей двухкомнатной квартире, которую мы впоследствии удачно разменяли. Каждому досталось по однокомнатной, родителям Леонида пришлось доплатить, ну, у них и денег было побольше.

Так что тайна супружеских согласий и несогласий, боюсь, кроется отнюдь не в квадратных метрах. Вере с Виктором их не хватило, чтобы наладить совместную жизнь, а нам с Леонидом оказалось достаточно, чтобы понять, насколько мы не созданы друг для друга.

Может быть, окажись у Веры с Виктором надобная жилплощадь сразу, они сообразили бы быстрее и не стали надеяться на семейную идиллию в отдельной квартире.

Я лежала, смотрела в потолок, мысли текли, разветвлялись, и подкрадывалась надежда, что всё далеко не так ужасно. В соответствии с ней я начинала воображать разные варианты и ситуации, при которых Верочка была жива и здорова, но обстоятельства складывались так, что она не могла дать о себе знать. Тем не менее, очень скоро она появится, все объяснит, и мы еще посмеемся над её мнимым исчезновением.

А как с работой при таком раскладе? А очень просто... Появилась на полчаса, очень попросила, и ей дали срочный отпуск. У них в конторе это можно, все-таки НИИ, а не завод-гигант, где отпуска рассчитаны на сто лет вперед, и в основном на зиму. Вариантов набиралось все больше, и они потихоньку успокаивали.

О других вариантах, с противоположным знаком, думать было страшно, и я изо всех сил гнала от себя мысли о неизвестных пьяных подонках где-нибудь на пустыре в их новом районе, и о спрятанном трупе в подвале или на чердаке.

«Не может этого быть,» – пыталась успокоить я себя. – «Потому что этого не может быть никогда». Антон Павлович Чехов был со мною солидарен, хотя он, скорее всего, имел в виду совсем иное.

Я не могу сказать точно, что снилось в ту ночь, а что грезилось наяву, но одной картины не представлялось, за это ручаюсь. Никаких подземных ходов, никакого мрака заточения, ни холодных капель по стенам, плавно переходящих в холодный пот на лбу. А если я потом при-

сочиняла что-то в этом роде, то исключительно от возбуждения задним числом, также для красоты слога.

Утром тетя Аня разбудила меня рано, она знала, что до работы мне надо встретиться с Виктором. Она меня, если так можно выразиться, делегировала со стороны Верочкиных прямых родственников.

У Вериного отца давно была другая семья в городе Североморске (он – военный, морской офицер, с тетей Аней они развелись, когда Верочка училась в школе, и за любовь ему пришлось расплатиться карьерой и столицей в придачу) его пока никто звать не стал. Кроме нас с тетей Аней родных у Верочки в Москве не было. Тетя Аня, я и Виктор. Еще сын Сашенька, разумеется, но в данном случае он в счет не шел, поскольку имелись в виду дееспособные родственники.

Утро намечалось чудесное, поэтому так ярко и запомнилось по контрасту. Витя ждал меня в сквере на подходе к месту службы. «Какой импозантный мужик!», – в который раз подумала я при виде его.

Мы с Веркой как-то додумались, что я выбирала себе спутника жизни по теоретическому, а она по декоративному принципу. И обе сели в лужу, прямо скажем.

Так вот Виктор мог украсить собою любой интерьер современной женской мечты. Здоровенный, почти двухметровый красавец, с резко очерченным лицом, на вид мужественный до жути – что называется, умереть и не встать!

В семейной жизни Витюша не оставлял попыток сделаться мелким домашним тираном, не брезгуя никакими средствами. Больше всего на свете ему хотелось добиться послушания от Веры и от сына.

Витя добивался своего мытьем и катаньем, ни детские, ни женские слезы его не смущали, даже наоборот. Хотя домашние плакали и дружно не слушались, чем соблазняли Витюшу на дальнейшие подвиги.

Правда, вполне возможно, что я немного пристрастна, ибо всегда слушала только одну сторону. Не его.

Наш разговор с Виктором начался вполне неприятно: он приступил к переговорам с того, что попытался высказать ту же версию Верочкиного исчезновения, которую ранее развивал Anne Ивановне. Он, красавец и умница, чуть ли не доказывал мне, что его жена без спроса улизнула ко мне, на прибалтийский курорт. Пришлось доказывать красавцу, что я не верблюду.

Когда мы с ним, наконец, условились, что не будем в данной беседе касаться моего морального облика (с его точки зрения) и его семейной жизни (с моей точки зрения), тогда истинное положение вещей предстало в своей леденящей крови очевидности. Может быть, бедняга упорно цеплялся за убеждение о беспутном поведении жены при моем подстрекательстве лишь для того, чтобы не оказаться наедине с фактами.

Короче, с эмоциональной стороной дела мы всё-таки покончили и перешли к интеллектуальному и информационному сотрудничеству при максимуме возможной откровенности.

Я рассказала, что, насколько мне известно, у Верочки не было намерений немедленно вступить в новый брак, Витя подтвердил отсутствие подобных подозрений со своей стороны. В свою очередь Виктор заверил, что ссоры между ними не было, все шло в рамках нормальных отношений вплоть до Верочкиного внезапного исчезновения.

Разговор у нас с Витей получался плохо, но в результате мы пришли к выводу, что пора обращаться в милицию с заявлением о пропаже. Виктор выразил желание, чтобы мы направились туда вдвоем, причем не откладывая. Я сбегала на минутку на службу, предупредила, что буду позже, и отправилась с ним. Нельзя же бросать человека в такую минуту.

Надо признаться, что и самой было в тот несчастный день крайне худо. Раньше несчастья случались только с другими. Оказывается, что эта леденящая мешанина надежд с отчаяньем превращает человека в безмозглую, от всех и вся зависимую букашку. Ты вроде бы находишься

вне обычной жизни, но не сверху, а снизу, и каждое прикосновение обыденности причиняет боль... Несчастье – это как кошмарный сон без пробуждения, а может быть, что кошмарные сны – это несчастья, закрепленные в генетической памяти предыдущих поколений.

Мы с Виктором ехали долго и с пересадками, о чем-то бестолково бормотали, не находя общего языка и нужного тона, пока не оказались наконец в райотделе милиции визави с человеком в форме. Он был, как положено, неопределимого возраста, не запоминаемой наружности и привычностью ко всему напоминал бывалую фельдшерицу в приемном покое.

В процессе разговора выяснилось, что Виктор привел меня с собой не для подкрепления моральных сил и не для дружеской поддержки. С места в карьер милый Витя принялся излагать человеку в форме все ту же осточертевшую историю: ему, мол, показалось, что Верочка уехала со мной и Сергеем, поэтому он не волновался, как положено хорошему мужу, а ждал возвращения блудной жены.

Несмотря на свое отчаянье, я жутко разозлилась на дурака, поскольку, признаюсь, мало приятно объяснять незнакомому милиционеру, кем мне приходится Сергей, и наотрез отказываться обнародовать его фамилию, отчество и координаты. Слава богу, представитель закона не фиксировал своего внимания на Витюшиной версии и в конце концов удовольствовался заверением, что Верочки с нами не было.

Однако, была минута, когда ощутила себя под подозрением, что радости отнюдь не прибавило.

(Что бы я стала делать, черт побери, если бы меня спросили всерьез: «А кто подтвердит, что Веры Согдеевой с вами не было?» Представляю, как бы обрадовался Сережа в случае внезапного вызова в органы и перемывания там его интимного белья.)

Зачем, спрашивается (это я о Викторе) представлять свою жену в таком свете? Чтобы милиция не очень волновалась? Мол, погуляет и вернется? Кстати, именно в таких тонах капитан Серёгин нас успокаивал, даже попросил подождать немного, прежде чем давать делу серьезный ход и объявить настоящий розыск. На прощание капитан сказал: «Будем искать, а пока вы нас информируйте, и мы вас будем информировать». Далее тщательно записал информацию о нашем визите в соответствующую бумагу, а мы расписались.

Итак, сирены не завывали, группа не отправлялась на поиск, никто в колокола не бил, а за нами в коридоре выстроилась очередь. Оказывается, наша беда была для большого города стереотипной, более того, случай даже не представлялся тяжелым. Вернется – информируйте, не вернется – будем предъявлять трупы для опознания.

Но я не капитан Серёгин, мне предстоял разговор с тетей Аней. Виктор, конечно, попросил меня, а сам пообещал связаться с тещей позднее. Естественно, ему тяжело.

Разговор по телефону с тетей Аней оказался душераздирающим, и, каюсь, на вторую ночь я к ней не поехала, а она особенно не звала, надо сказать. Все равно свинство с моей стороны.

Понятное дело, что после нашего визита в розыск пропавших ничего не изменилось и не прояснилось. Оставалось ждать. Мы и ждали, перезванивались, убеждались, что всё по-старому, и опять ждали.

Так прошла неделя. К концу ее я с ужасом осознала однажды ночью, что начала привыкать. Накануне вечером мы вели с Сергеем нежные телефонные переговоры, условились провести следующий вечер вместе, он достал какую-то модную книгу-ксерокопию, рвался привезти. Такая ревнивая забота о моем развитии тронула необычайно, было приятно, далее мысли соскользнули на житейские мелочи, я стала обдумывать меню ужина на двоих и мысленно заглядывать в гардероб, перебирая различные варианты вечернего туалета.

И вдруг в эти обыденные радости вторглась жуткая мысль, что всё так и будет, Верка не вернется никогда, а я стану жить, как ни в чем ни бывало и её потихоньку забывать.

Именно так и не иначе, если я ничего не сделаю. Я вскочила с кровати с отчетливой мыслью: «что-то надо сделать, причем немедленно, скорее, в ближайшие дни».

Спать я уже не могла, меня буквально раздирали два столкнувшихся в сознании потока; «что я могу сделать?» и я что-то должна сделать, должна догадаться, подумать и предпринять.

Это было похоже на приступ лихорадки. Я еле дождалась утра и ровно в восемь позвонила Виктору. Бедняга спросонья долго не мог понять, чего я от него добиваюсь, но согласился на встречу в обеденный перерыв.

В 13.00 мы с ним сидели на скамейке в скверике у Крымского моста, светило солнце, я в чем-то хотела его убедить, он на меня сердился, потом пытался быть логичным, сказал, что если Верочка в порядке, то она сама объявится, а если не дай бог, что-то случилось, то не в наших силах разыскать, что, где и когда.

Лично у него предположений нет, а мне, пожалуй, виднее, где и как моя подруга могла развлекаться без мужа, и что с ней в этом процессе могло случиться. Конечно, во всем виновата была я, без сомнений, и ушат помоев на свою голову, безусловно заслужила, еще эмансипация вместе со мной.

А потом Виктор распалил себя до состояния шипящей злобы и высказал заветное предположение.

– Я не стал говорить в милиции, но боюсь, если что и было, то не обошлось без Таиски, ну тогда черт с ними с обеими, жалеть не стану, а если подтвердится... – бормотал Витя в исступлении.

– Ты связывался с ней? – убитым голосом прервала я бессвязную речь.

– Нет, и не буду, – заявил Виктор. – Мне ещё сына растить надо, я в эту грязь мешаться не намерен. Если желаешь, ищи свою подругу там сама. Вечером позвони, дам телефон.

На том и распрощались, весьма друг другом недовольные. Надо было знать, кто такая Таиска.

Если за двадцать лет общения с Верочкой у нас бывали разногласия, почти ссоры, то исключительно из-за этой дамы. В конце концов я предъявила ультиматум: Верочка как знает, а я с Таиской общаться не намерена и прошу Верочку позаботиться о том, чтобы даже случайная встреча с нею была исключена. Верочка была недовольна, что я демонстративно брезгую ее приятельницей, в глубине души обвиняла меня в ханжестве, однако примирилась и в дальнейшем держала нас с Таиской в разных карманах.

Суть ситуации состояла в том, что Верочкина бывшая однокашница Тая давно избрала карьеру платной жрицы любви. До самого последнего времени сие древнейшее поприще было у нас окутано покровом негласности, тем не менее процветало. Днем Таиска работала приемщицей в меховом ателье, а по вечерам навещала некие рестораны в поисках клиентуры.

Ни особым шиком, ни внешними данными Тая не блистала, но имела, по Верочкиным словам, солидный приработок, исключая, конечно, накладные расходы: швейцары, официанты, неожиданно пустой вечер и т. д.

Как я понимаю, Таиска была гетерой не самого высокого класса, не на экспорт, а исключительно для внутреннего потребления.

К несчастью, однажды довелось увидеть Таиску почти за работой, что сделало отношение к ней абсолютно непримиримым, в результате чего был объявлен тот самый ультиматум. Не буду вдаваться в подробности, но я сгорела со стыда за весь род человеческий и за свою принадлежность к его так называемой прекрасной половине.

Я взрослый человек, понимаю, что всякая проблема имеет много сторон, в теории могу рассуждать о многом, никого, собственно говоря, не осуждаю, однако в компании подобных девушек бываю решительно отказываюсь. Дело вкуса, в конце концов. А также, могу сознаться, опасение, что кто-то может подумать, что я там не случайно оказалась.

Тем не менее, у Верочки с Таиской были давние и сложные отношения. Во-первых, Таиска была на несколько лет старше, первая обзавелась мужем и ребенком, уже в студенческие годы была взрослой и практичной, поэтому Верочка к ней тянулась.

Одно дело Катя Малышева, задушевная подруга, но в юности немного не от мира сего, со своими сложными книжными взглядами, оригиналка, хотя и любимая. Таиска была другая, очень даже от мира сего, и все у неё складывалось так, как Верочка хотела бы для себя.

Но до поры до времени. Когда Таискиной девочке исполнилось два года, врачи выяснили окончательно, что она дефективна, и притом безнадежно, сказали, что скорее всего это результат пьяного зачатия. Дочку пришлось отдать в спецзаведение. Муж Таиски, до того употреблявший умеренно, запил и загулял, а потом ушел от нее совсем. Таиска считала, что он её предал.

Я понимаю, что такие причины вполне могут привести женщину куда угодно, хоть на панель, на себя она махнула рукой, и ей никого и ничего не жаль.

А Верочка Таиску жалела. У неё был здоровый умный Сашенька, разногласия с мужем не выходили из обычных семейных рамок, Верочка чувствовала, что по сравнению с Таиской, ей немисливо повезло. По-моему, жалея Таиску и общаясь с ней, Верочка бессознательно пыталась откупиться от судьбы.

Я мало знаю Таиску, но боюсь, что её отношение к Верочке было не столь безгрешным. Мне трудно обосновать подозрения, тем более по отношению к человеку, столь обиженному судьбой, но меня не покидала мысль, что у Таиски есть в отношении моей любимой подруги свои планы. Трудно выговорить, но мне всегда казалось, что Таиска готовит Верочку себе в компаньонки, в напарницы по делу, а эта балда ничего не понимает.

Особенно я выходила из себя, когда Верочка начинала объяснять, что не видит в Таискином приработке ничего позорного или из ряда вон выходящего, мол, каждый занимается, чем хочет. На этом месте дискуссии у нас не единожды происходили жаркие перепалки. Однако в результате каждая оставалась при своем.

И вот теперь Виктор намекнул на Таиску, он хорошо знал обстоятельства, с её мужем они в свое время были приятелями.

Да, в ужасе размышляла я, такая версия не исключена. Мало ли куда Таиска могла затащить Верочку, а та её жалела и по доброте (и глупости) могла согласиться на какие-нибудь увеселения в Таискиной компании. Верочка почему-то не понимала, что Таиска не всегда желает ей добра.

Значит, надо звонить Таиске, может быть, встретаться с ней. Остаток рабочего дня прошел крайне тускло, до собственно работы руки не дошли, хоть и было её навалом. В основном я пила с нашими милейшими девушками чай, болтала о каких-то никчемностях, курила с младшим редактором Вандой сигарету за сигаретой, обсуждала с коллегой Викешей его жилищно-семейные проблемы.

Викеша недавно женился на прелестной девушке, но жить им предстояло с чьими-нибудь родителями. Для покупки кооперативной квартиры существовало препятствие в виде излишков квадратных метров, а менять квартиры никто из предков не хотел.

Так, промаявшись в чужих разговорах и мыслях, я с облегчением закончила условный рабочий день и направилась домой, где кроме свидания с Сережей меня ждала телефонная беседа с Таиской, буде названная дама окажется на месте.

Конечно, я не успела управиться до Сережиного прихода и встретила его в черт знает в каком виде, вся расстроенная и зареванная. То-то он обрадовался.

Из беседы с Таиской я вынесла одни отрицательные эмоции. Таиска клялась и божилась, что Верочку не видела и не слышала уже месяц как, поскольку, занявши у нее сто рублей три месяца назад никак не могла их отдать. Печально, но от Верочки я слышала то же самое и даже злорадствовала: вот она твоя Таиска, чего от нее ждать. И эта версия, хоть и не из приятных, отпадала.

А если всё же Верочкино исчезновение как-то связано с Таиской, то дело совсем худо. Или Таиска не знает ничего, или очень много, так много, что вынуждена скрывать, а это –

наихудшая из версий. Мне же, однако, не нужны ни истины, ни версии, мне нужна живая и по возможности здоровая Верочка. Сашеньке и тете Ане тоже. Возможно, что и Виктору.

Но с каждым днем надежда увидеть Верку живой и здоровой остановилась все призрачнее. Ситуация настаивалась как чай и начинала приобретать черты необратимости.

Сергей застал меня в тот вечер в слезах и соплях; я, вопреки сложившимся у нас традициям уткнулась ему в воображаемую жилетку и стала плакаться и просить совета. Все-таки, хоть ненадолго, а мужчина в доме, даже не совсем чужой.

Однако довольно скоро мой порыв увял, я поняла, что помощи или сострадания ждать не приходится. Сергей привык, что проблемы и его, и мои остаются за дверью квартиры, а мы встречаемся исключительно для взаимной радости.

(Мы встретились с Сережей в компании два года назад, сначала я общалась с Региной, его женой, приятной, дьявольски умной женщиной, частенько бывала у них дома, у нас завелись общие тряпичные интересы и источники, а дом у них был открытый. Через некоторое время, где-то спустя полгода, ненастным мартовским вечером Сергей великодушно вызвался отвезти гостью домой на личной тачке. Сказал, что у него есть еще дела в моих краях, предупредил жену, что, наверное, там задержится.

Однако, проводив меня до квартиры, Сережа заметил, что дела подождут и пригласился на чашку кофе. Бразильский кофе за 6 рэ. взбудрил Сергея настолько, что он признался мало того, что в обмане – никаких дел не существовало, но и в смелом намерении остаться у меня до утра. Другая бы стала скрывать, но одинокой холостой женщине сие не обязательно, поэтому я тоже признаюсь, что довольно быстро согласилась. Таким образом, роман наш тянется уже третий год, причем теплые отношения с Региной сохранились.

А насчет Сергея – я бы не хотела каждый день лицезреть в своем доме этого веселого мужественного сорокалетнего красавца. Сергей, как и Верочкин муж Виктор – явление чисто декоративное. И непригоден для тех минут, когда требуется плечо друга или жилетка, чтобы поплакаться. Мужество у них, боюсь, тоже декоративное, или исключительно для собственного употребления, в крайнем случае для внутрисемейного.

Ладно, довольно ненужных эмоций и воспоминаний, лучше я продолжу печальную повесть.

Так вот, обыденная благополучная жизнь коварно обтекала меня со всех сторон: и любимая работа, и первоклассный друг сердца. Не то, что с каждым днем, с каждой минутой ленивая душа спешила вернуться в привычное равновесие, успокоиться любой мелочью, которая упорно притворялась необычайно важной в каждое из мгновений.

Я с ужасом начинала понимать, что скоро смогу, по ядовитому определению Ларошфуко, мужественно перенести чужое несчастье. Держала меня одна лишь мысль более чем бредовая – если я сдамся, то надежды уже не будет, Верочка не вернется никогда.

В своем даром потраченном эмоциональном порыве я даже попыталась это соображение высказать Сергею, но он резона в подобной метафизике не нашел. Однако, кое-на-какие мысли Сережа меня натолкнул.

Не надо думать о нем слишком плохо, Серёжа с готовностью вник в ситуацию, проявил должное сочувствие, более того, давал житейски-грамотные советы. Он всего-навсего не пожелал осложнить свою жизнь ненужными проблемами.

Именно в тот момент, когда я его позицию уразумела, в голове мелькнула идея достаточно безумная, чтобы на нее посмотреть серьезно. А одновременно с идеей моментально возник план.

Я поняла, что мне нужен помощник, это раз, и тут же сообразила, к кому обратиться, имя и образ всплыли из памяти мгновенно, будто лежали там наготове и ждали нужного момента.

Сергей нежно попрощался, и не успела за ним захлопнуться дверь, как личные мыслительные способности, так долго дремавшие, всколыхнулись.

Отчетливо сформулировалось следующее: «Если кто и сможет помочь, так это Валька, Валентин. Не задаром, конечно, не из одних ностальгических воспоминаний о прошедшей юности, а за определенную сумму дензнаков, для начала в районе сотни.»

И тут же я начала прикидывать, когда и как к Валентину попасть. Сережа с тачкой условно отпадал, значит надо было дожидаться выходного и пилить в Хлебниково на электричке, далее на рейсовом автобусе, желательно по правильному маршруту, от остановки километра два своим ходом.

Причем необходимо учесть, что в последний раз я там была незнамо когда, помню, что еще не развелась и страшно шокировала Леонида (бывшего супруга) заявлением, что была в Хлебникове у старого приятеля.

Если бы мой бывший благоверный знал, что это был за приятель, то он развелся бы со мной на месте, тут же, не отходя от кассы.

У каждого живущего имеется свой демон сомнения, во всяком случае, хоть раз встречался на путях земного странствия. Демон не потому, что делал зло, это было бы слишком просто, скорее он вводил в искушения и переворачивал привычные представления наизнанку.

Таким вот образом в моей прекрасной юности однажды возник Валька Рыжий, так непочтительно именовался в нашей компании старший приятель. Он явился, как падший ангел местного масштаба, демон зла и сомнения в радиусе общения двух десятков юнцов и юниц, связанных воедино не дружбой, а незаконченным, по большей мере гуманитарным образованием.

Юнцы и их девушки давно выросли и, надо думать, теперь чрезвычайно благодарны судьбе, что в свое время нашелся некто, способный пробудить сомнения, заставить шевелить единственной извилиной, дабы в его демонском обществе не казаться полным кретином. Лично я чувствую нежную признательность и с годами все выше оцениваю влияние Рыжего Валентина в своем прошедшем времени. Тем более что в его демонизме не было ничего вульгарного или низкопробного, за единственным исключением – пристрастия к виртуозной матерщине, но это сходило за гусарство.

Если учесть, что домашним образованием Валя давал фору нам всем вместе взятым, то его общество следовало счесть полезным, потому что взирая на его кривую скептическую усмешку, мы начинали догадываться о бездне невежества, на дне которой барахтались, о чудовищной тривиальности наших мыслей и представлений.

В настоящее время в отличие от всех нас, бодро шагающих по проторенным дорожкам личного процветания (об этом позже, а может быть и никогда, поскольку процветание оказалось весьма относительным), Валентин жил в окрестностях поселка Хлебниково, в невообразимом строении на берегу полузросшего озера, по ночам сторожил вместе с овчарками неуказанный объект, а днями читал старинные, оставшиеся от предковской библиотеки разрозненные тома и регулярно пил отвратительный портвейн.

Разговаривать с ним всегда было интересно, ибо в основном он читал не беллетристику, а Шпенглера, Юнга и т. д., мог насмерть поразить любого стереотипно образованного современника, однако был напрочь лишен обычного тщеславия. Легализованное советское процветание и социальные гонки с препятствиями его не интересовали совершенно.

Тем не менее, авантюра, тем более прилично оплаченная, могла привлечь его снисходительное внимание. В довершение всего Валентин мог без тени снобизма вращаться в любом, в том числе и смешанном обществе. Я сильно подозреваю, что со своих надмирных высот Валентин не видел разницы между мною, скажем, и дамою, торгующей в местном сельпо, для него мы обе представлялись милыми, слегка надоедливими простушками.

Я не склонна идеализировать Валентина, я знала, что он может послать меня очень далеко и так же красочно, но может согласиться помочь – в зависимости от состояния духа. А может и продать за большую сумму, если представится удачный случай.

Зря я так долго объясняю понятное, по-моему, ясно, что для своего личного расследования я решила нанять частного детектива. Выбора у меня не было, так что пришлось остановиться на единственной доступной кандидатуре.

Еще немного о Валентине. По праву рождения он носил имя весьма известное. Двоюродная сестра его отца была одной из прославленных русских поэтесс, её громкую фамилию лучше опустить.

Родство накладывало отпечаток и создавало колорит. Имена Гумилева и Мандельштама я впервые услышала из Валиных уст. И дешевый портвейн тоже впервые пригубила в его обществе. Он же однажды, после пережитого мною сердечного разочарования, пытался сосватать меня какому-то торговцу – за комиссионные, а на мое гневное возмущение отреагировал крайне вяло: «не хочешь, не надо», и я перестала обижаться.

Валентин жил в своем мире, иногда снисходительно заглядывал в наш грешный, с удивлением посматривал на смешных обитателей, пожимал плечами и удалялся к себе, к заумным книгам и мерзкому портвейну. Соскучиться с ним было трудно, но полагаться на него я бы никому не советовала.

Во всем у друга Вали существовали свои правила, разительно отличные от общепринятых. Романа у нас никогда не было, Валечка не стеснялся утверждать, что я невежественна по части женских чар и не в его вкусе.

Однако что-то вроде расслабленной дружбы нас связывало много лет, естественно с оговорками и поправками на Валькины представления о человеческом общении.

И еще маленькая биографическая подробность, которой Валя ужасно гордился. Его дед, не помню с какой стороны, участвовал в Гражданской войне на стороне белых, потерпел поражение, отсидел сначала на Соловках, потом несколько раз на Колыме и вернулся к родным в весьма преклонном возрасте.

Возвращение деда и его последние годы пришлись как раз на детство Валентина, дедушка-белогвардеец и стал главной романтической фигурой, а также примером для подражания. Дед до самой смерти работал прорабом на стройке, вовсю злоупотреблял горячительным напитком, изошренно бранил советскую власть, а над всем остальным смеялся. Любимым ругательством у деда было слово «большевичок». «А вы, сударь, никак большевичок-с...» – произносил старик с невыразимым презрением, бояться ему уже не приходилось. А слушатели обмирали и млели, внимая красочным Валькиным рассказам. Но это еще далеко не все о нем.

Однако к делу. Скоро сказка сказывается, однако не скоро дело делается, и милого сердцу друга надо было отыскать на Подмосковных просторах.

Единственное, что я знала точно, так это то, что Валентин проживает все там же, поскольку он звонил месяца два назад. Мы с ним поимели беседу вполне ни о чем, но со множеством взаимных подначек. Он, как всегда, называл меня «прелестное дитя», очень обидно обыгрывая при этом всяческие подтексты, а я в ответ называла его «Отче Валентин». В гости он особенно не звал, хотя и сообщил, что живет на прежнем месте.

Тем не менее, в ближайшую субботу я, мысленно перекрестясь, отправилась в Отче-Валентинову обитель, причем без малейшей гарантии застать пустытника на месте или хотя бы в доступно трезвом состоянии. Являться туда надлежало после полудня, потому что по утрам, как всякий пьющий человек, Валентин бывал мрачен и необщителен.

Преодолев, в конце концов, пригородные расстояния и транспортные неувязки, пройдясь пешочком по размызганным проселкам, я достигла желанных берегов.

Более странного места я в жизни своей не встречала, потому что на берегу пасторального в левитановском духе овального озера, наполовину скрытого кувшинками и лилиями, стоял узкий трехэтажный домина из мрачного красного кирпича, будто выломанный из дымных кварталов лондонского Ист-Энда.

Кто, и руководствуясь какими соображениями, водрузил на низком берегу этот унылый, романтически безобразный сундук, мне было неизвестно. В доме кроме Валентина почти никто постоянно не жил, он же занимал две большие комнаты в нижнем этаже. Еще там была какая-то кухня, если память мне не изменяет.

Совершенно излишне уточнять, что ремонта строение не знало никогда, Валентин же к чистоте и порядку относился скептически. Да, нужно добавить, что ближайшее людское поселение отстояло от Валентиновых хором достаточно далеко, зато объект был близок – что-то просторно огороженное глухим бетонным забором, за которым шумно резвились Валькины овчарки.

Я полюбовалась бредовым видом на озеро с домом, вздохнула и на последнем дыхании здравого смысла пересекла топкую луговину перед крыльцом (светлая память моим почти новым беленьким кроссовкам). Далее поднялась на три ступеньки и толкнула дверь. У Валентина частенько, бывало, незаперто, на этот раз тоже, что обнадеживало.

Еще одна дверь, в нее я постучала и с облегчением услышала голос Валентина.

– Кто такой бесконечно церемонный? Заваливай. – Произнес хозяин дома.

Я зашла и тут же начала разяснять свою бесконечную церемонность.

– Привет, Отче, ты суров к гостям, как не постучаться, а если бы ты был не один, а скажем, с дамой? Хороша бы я была...

– Предположение, безусловно, лестное, хотя отнюдь не лишнее подхалимажа, – ответил Отче, он лежал на ветхом диване и курил в потолок. – Привет тебе, прелестное дитя. Рискну высказать соображанс, что тебе от дяди Вали что-то срочно нужно, иначе бы не перелась к черту на рога, не в обиду прекрасной даме будет сказано. Ну да ладно, не смущайся, садись. Пить будешь?

Отчасти обескураженная приемом, я подседа на краешек реликтового венского стула к дощатому деревянному столу и срочно стала вживаться в обстановку. Как и в предыдущие разы, жилище отшельника чистотой не поражало, стол изобиловал остатками пиршества, а в воздухе густо слоился дым.

Келья, правда, казалась большой и гулкой за счет высоких стен и потолков, что вкупе с помойной мебелировкой производила готическое впечатление. Мне кажется, Валентин такого ощущения добивался, а, добившись, всячески культивировал. Атмосфера тайны и порока присутствовала явственно, и кровавые лучи заходящего солнца её удачно подчеркивали.

Да, солнце уже садилось. Добиралась я, конечно, безобразно долго, правда, и встала не слишком рано.

Хозяин дома атмосфере соответствовал. Если в свое время, лет десять назад он всячески подчеркивал свое сходство с покойным Дж. Ф.Кеннеди, иногда сбиваясь на Дж. Г.Байрона (в зависимости от начитанности собеседника) и был недурен собою, то в настоящий момент его лицо более всего напоминало череп, плотно обтянутый желтоватой кожей. Хотя справедливости ради надо отметить, что следы былого очарования ещё проступали в виде модельно правильных черт. Однако на черепе это выглядело все равно страшновато.

Немного попривыкнув к новому Валькиному облику, я стала осваиваться, настраиваться на волну Валькиного общения, свыкаться с его аномальным миром, принимать нереальные условия игры, где не было белого и черного, правды и лжи, а была лишь одна истина – что все мы помрем однажды. Все остальное принималось за условности. Реальными были разве что полбутылки портвейна на столе и издевательская ухмылка хозяина дома.

Ну, собственно говоря, именно поэтому я сюда и приехала. К нормальному, положительному человеку с моей просьбой, увы, не подъедешь.

Чтобы не обидеть хозяина, я пригубила мерзкое пойло и без околичностей приступила к делу. Тем более что Валентин сразу догадался, что вовсе не трогательное желание выпить портвейну со старым другом привело меня на берега его озера.

Валентин слушал внимательно, только в середине рассказа деловито осведомился.

– Деньги есть? А то через полчаса закроется.

Затем отбыл на велосипеде времен царя Гороха. Вернулся он поразительно скоро с двумя крынками в авоське, поставил добычу на стол и стал слушать с того же места.

– Я все понял, – резюмировал он, когда я закончила описательную часть. – Кроме одного: на предмет чего понадобился аз грешный – ценного совета или непосредственного участия в поисках?

Не успели растаять звуки его голоса, как я поняла, что одно необдуманное слово – и всё, я в капкане. Валечка, мой милый друг, решил пошутить и поразвлечься, а может, я попала не в то настроение, тем более что бутылки уже у него на столе. Судя по глумливым ноткам в Валином голосе, он приготовил два варианта отрицательного ответа.

Вариант первый. Я говорю, как намеревалась – сделай, Ваня, то-то и то-то – сто рублей. А друг Валя отвечает весело-превесело; а шла бы ты, матушка, туда-то и туда-то. За каким, скажем, чертом буду я... И деньги твои так и растак. И наш разговор закончен.

Вариант второй: сообразивши про вариант № 1, я взываю, мол, помоги мне Валя, исключительно из гуманности, подскажи женщине бедной, неумной и одинокой, что делать-то. То бишь пришла за мудрым советом и вовсе не намерена совать отшельнику никакие презренные деньги. В этом случае Валентин принимает аристократический вид и цедит сквозь зубы текст вот такого типа... А почему, собственно сударыня, вы думаете, что меня может интересовать данная проблема? Откуда вы взяли, что я человеколюбив, всё это такие, видит Бог, пустяки по сравнению с вечностью. И тоже привет горячий.

Вот и крутись, как хочешь, мелькнуло у меня в голове, всегда ведь, мерзавец, был такой, любил человека озадачить и поставить в тупик. Оставалось действовать по вдохновению, и я залепетала совершенно искренне первое, что попало на язык.

– А я, собственно, и деньги захватила, на ресторан, на то, на сё... Ну, если ты занят, жалко, конечно, телефона у тебя нет, живешь ты далеко...

– При чем тут ресторан? – мгновенно обозлился Валька. – Ты мне еще ничего не предлагала, а я, между прочим, ни от чего не отказывался.

«Фу, до чего же тяжело с этим типом, но я молодец, сумела сладить,» – вздохнула я про себя, а вслух стала развивать мысль.

Состояла она в том, что я Таиске до конца не поверила. У меня оставались сильные подозрения, что она знает о Верочке больше, чем говорит.

Для выяснения истины мне понадобился Валентин. Таискина древнейшая профессия значительно облегчала общение с нею, поэтому Валентин мог без особого труда завязать знакомство и непринужденную беседу в нужном русле. Затем, не сразу, конечно, но со временем, сумел бы познакомиться с ее окружением, покрутиться, послушать, может, что и мелькнет. Естественно, накладные расходы сверх утвержденной сметы.

А вот и фотография: Верочка и на втором плане Таиска, именно – свадебная церемония, и я слева, да, этот громила – и есть жених, а ныне муж, кстати, сейчас выглядит не хуже.

Оказалось, что Верочку Валентин немного помнил еще с прежних времен.

– Красивая была девочка, на вид породистая, хотя все вы сейчас, в сущности, дворняжки, – заметил он. (Это я пропустила мимо ушей.)

– Ну что, возьмешься? – напрямик спросила я.

Валька, конечно, поломался, даже поторговался, всласть поиздевался над дамскими дружескими чувствами, не постеснявшись непристойными предположениями относительно их подоплёки, однако предложение принял и взял задаток. Я же знала, к кому ехать.

А пока то да сё, оказалось, что последний автобус уже ушел, и 25 км до станции – это вы уж меня простите, пешком не очень-то, особенно вечером и лесочком.

Так что переночевать мне пришлось в Валькиных хоромах, правда без ущерба для целомудрия; как я сообщала, Валька не находил меня привлекательной, Бог ему судья. Меня он тоже особо не интересовал.

Ночь я провела скверно, спалось на новом месте плохо, одолевали мрачные мысли и сознание своей беспомощности перед обстоятельствами и судьбой.

Особенно противно стало утром, настолько, что я даже начала бояться, что вся наша договоренность растаяла, как дым. Валентин проснулся весьма неохотно и в мизантропическом настроении, а я настолько пала духом при виде непрезентабельной обстановки и Валькиного состояния, что сама идея показалась мне отнюдь не безумной, а просто идиотской. Неприятные, скажем прямо, выпали полчаса.

Однако постепенно что-то стало налаживаться. Валентин глотнул из недопитой бутылки, вскипятил фантастического по крепости чайку, сервировал его в средней помытости чашках и олово за слово стал медленно превращаться в прежнего Вальку.

А меня вдруг пронзило; вот я пью чай вовсе не с реальным человеком, а с литературным образом своей юности, с демоническим скептиком и мизантропом, еще радуюсь, что узнаю его прежние повадки... Реального же человека напрочь видеть не желаю.

В реальности, в свете летнего утра демонический Валентин – всего лишь невзрачный мужик почти средних лет, жизнью битый-перебитый, оторвавшийся от своих корней, до кошмара одинокий.

Может быть, он достоин сострадания не меньше, чем исчезнувшая Верка (если жива, конечно), но ради неё я готова перевернуть небо и землю, а о Валентине забуду в тот момент, как необходимость в нем отпадет. Пока смотрю на него как на средство, интересуюсь мало, вернее, просто делаю вид – чтобы он не взбрыкнул и не заупрямился.

Между тем я отлично помню, что Иммануил Кант категорически требовал обратного. Каждый человек – есть цель, завещал он всем, а отнюдь не средство. У меня же на данный момент поиски любимой подруги – цель, а общение с Валентином только средство достижения её. Так думать о себе было неприятно, не люблю порицать себя, а приходилось.

Боюсь, что Валька иногда умеет читать мысли, потому что, заметив тем утром мою внезапную задумчивость, он с неизменной насмешкой высказался.

– Что загрустила, прелестное дитя? Обижаясь, что я не попробовал тебя обольстить? Так это можно исправить, подожди, вот чай допью и постараюсь...

Тем самым дал понять, что жалеть его незачем и сострадать он себе не позволит, полагая эти священные чувства вмешательством в его частную жизнь. Что ж, тем лучше.

Закончив утреннюю трапезу, Валентин пошел проводить меня до автобуса, и по дороге мы с ним обговорили детали. Он найдет Таиску в одном из названных мною ресторанов (сотню я ему загодя вручила), познакомится с ней и далее будет действовать по обстановке. Мой телефон ему известен, будут новости, он проинформирует, кончатся деньги – заедет.

Последний пункт меня обрадовал особенно. Я тут же представила, как Валентин, не заходя в указанные рестораны, хладнокровно пропивает мои денежки, потом является за следующей порцией. Контролировать его я не в силах, так что плакала моя шубка из рыжего волка (деньги назначались на меховой жакет, который третий месяц дожидался в шкафу у Регины, Сережиной жены. Ей жакет оказался маловат, и она любезно согласилась подождать, пока я насобираю две трети суммы).

Однако, до других вариантов я не додумалась, в конце концов подруга дороже, чем жакет, а кто не рискует, тот шампанского не пьет!

Валентин, по всей видимости, вновь прочитал нелестные мысли на свой счет.

– Я тебе счета представлю, хочешь? – сказал он, усмехаясь краем рта. – Интересно, твоя Таиска может выписать квитанцию? Да, с бухгалтерией будет вам, девушка, круто. Остается только работать на доверии, как в прачечной.

После бесконечного воскресного ожидания автобус, наконец, приехал, я погрузилась, помахала Валечке из окошка и поплыла к станции по немереным пригородным просторам.

Чем дальше я ехала, тем более неумным и ненужным представлялось начатое предприятие. Уже в виду станции я с горечью признавала, что затеяла дорогостоящую авантюру исключительно для того, чтобы отвлечься от безнадежной реальности и утешиться мыслью, что на поиски подруги не пожалела ни сил, ни денег. Да и чем, собственно говоря, поможет мне Валька Рыжий, даже если не обманет, что, впрочем, вероятнее всего? Химеры все это, глупые детские бредни!

В состоянии крайнего недовольства собою, усталая и голодная, прибыла я домой днем в воскресенье.

Не успела я сменить дорожное одеяние на домашний халат, как по телефону объявился Сергей и со второго слова выразил неудовольствие по поводу моего долгого отсутствия. Оказывается, его фамилия отъехала на дачу в субботу утром, и он тщетно искал меня, чтобы достойно провести холостой уикэнд.

В раздражении я посоветовала Сереже завести запасную подругу, предложение его отчасти утихомирило, и мы почти мирно договорились провести вместе оставшийся вечер. Вечер прошел, а за ним день, и еще один, и еще...

Время всё шло, дни летели, недели бежали, и я привыкала жить без Верочки, вернее, с мыслью об её жутком отсутствии. Томительно долго ничего не происходило.

Неожиданно события, поднакопившись, посыпались, как горох из худого мешка. В стремительном потоке меня закрутило, как щепку и понесло в непонятном направлении.

Первым объявился Виктор, Верочкин муж. Позвонил мне на работу и высказал категорическое пожелание.

– Катя, поезжай к Анне Ивановне, поговори с ней, – заявил Витюша. – Переживания само собой, но голову нужно иметь. По-моему, она свихнулась. Могут быть большие неприятности мне и Сашке, сыну. Это с квартирой. Ты умная женщина, убеди её, что сейчас не время сводить счеты. Очень тебя прошу. Когда Вера вернется, то мамашу не поблагодарит.

Больше он ничего объяснить не захотел, а я вытянуть из него не сумела, все-таки находилась на службе, телефон один на два стола. Разумеется, сослуживцев я нежно люблю, но тема оказалась не та, чтобы её обсуждать в кругу дружного коллектива.

После работы я срочно помчалась к тете Анечке. По дороге, естественно, кляла себя на все лады, что поехала не по зову сердца, по Витюшиной просьбе. Тетя Аня встретила меня рыданиями.

– Катя, это он, он убил Веру, я знаю, я пойду в милицию, я так и скажу, – твердила она сквозь потоки слез.

Пришлось долго отпаивать старушку валидолом и чаем по Валькиному рецепту, пока она оказалась в состоянии что-либо объяснить.

Произошло вот что. Прошел почти месяц Верочкиного безвестного отсутствия, Виктор ещё раз побывал в розыске пропавших, там наконец завели дело и выдали ему официальную бумагу, гласившую, что его жена Вера находится в неизвестности.

С этой бумагой Виктор явился к тете Ане и сказал, что ему нужно оформлять прописку в их квартире, где до того были прописаны лишь Верочка с сыном.

В правлении кооператива, и в милиции Витю проинформировали, что в квартире не может быть прописан один пятилетний ребенок. Необходим, если не хозяин, то опекун, местоблюститель. В противном случае, если Верочка не появится, квартира может пропасть, ему или тете Ане выплатят пай, а правление заберет квартиру – желающих много.

Чтобы этого не случилось, в квартиру должен прописаться кто-нибудь из взрослых родственников ребенка, Виктор, или тетя Аня. В правлении и в паспортном столе знают ситуацию

и пообещали пойти навстречу. Далее Виктор сказал тете Ане, что, поскольку вряд ли она захочет терять свою квартиру, прописаться нужно ему.

Вот тут с тетей Аней произошло помрачение, и она пришла к смелым умозаключениям криминального характера.

Вопрос прописки и квартиры всегда вставал в их семье очень болезненно, многие нелады Веры с мужем объяснялись тем, что она по примеру мамы не сочла нужным его прописать в новой квартире (по-моему, зря, но ей виднее).

Почему-то на этом пункте у них с тетей Аней что-то заклинивало, а может быть, они лучше знали жизнь. Сколько подобных случаев, сколько диких браков из-за прописки, горя и безобразия потом.

Так вот, уяснив ситуацию: Вера пропала и теперь Виктор пропишется в ее квартиру (где все заработано дочкиным трудом), тетя Аня вдруг сама додумалась до самого известного постулата римского права, что кому выгодно, тот и преступник.

Ей взбрело в голову, что Виктор убил Веру, закопал тело в ближнем лесочке и всё это для того, чтобы получить московскую прописку. (У него подмосковная: работать в Москве можно, но какие-то ограничения имеются.)

Не ограничившись подозрениями, тетя Анечка решительно заявила Виктору, что, если он начнет оформлять прописку, она пойдет в соответствующие органы, обнародует там своё мнение и возбудит уголовное дело по обвинению несчастного Витьки в умышленном убийстве. Сразу после этого Витюша вспомнил о моем существовании и обратился ко мне за помощью.

– Я знаю, он убил мою девочку из-за этой проклятой квартиры» – повторяла тетя Аня, заливаясь слезами.

У неё действительно что-то стронулось в голове, она рвалась рассчитаться с мнимым убийцей и больше ничего знать не хотела.

– Я мать, мне виднее, – иступленно рыдала она. Так не получит он этой квартиры, пускай пропадает...

– А Сашенька?» – спрашивала я. Где ему жить, что будет с ним, если Виктора посадят?

– Будет жить у меня, – тетя Аня уже успела всё продумать.

– Неужели вы думаете, тетя Аня, что можно убить жену из-за какой-то прописки? – риторически восклицала я.

– Ты, дочка, молодая еще, ничего в жизни не смыслишь, скажи прямо, это он тебя подослал? – упорствовала бедная тетя Аня.

Все разумные доводы натыкались на каменную стену подозрений, недоверия и жажды отмщения. Единственное, на что тетя Анечка согласилась, это подождать с возбуждением уголовного дела, если Виктор не станет оформлять прописку. Скажем честно, к Виктору я относилась без особой нежности, но тут пришлось ему посочувствовать. Мало того, что жена пропала неизвестно куда, теперь теща обвиняет его в убийстве, причем без реальных оснований.

Простая логика гласила, что Виктору, выгоднее жить в квартире непрописанным, чем рисковать свободой, убивая жену, все знают, что первое подозрение падает на самых близких.

Да будь он умнее хоть на каплю, она давно бы его прописала, притворился бы он в свое время хоть на полгода, была бы прописка у него в кармане! Так нет, ему мелкие капризы были дороже, он предпочел тиранить и попрекать бедную Верочку по всяким пустяковым поводам, оправдывая свое мелкое тиранство мужским превосходством.

Верочка неоднократно уверяла, что, пропиши она его, Виктор немедленно перестанет с ней считаться и не будет границ его капризам и самодурству.

Однако, я совершенно уверена, что и сейчас Витя мог бы добиться искомой прописки в любой момент. Немного ласки и здравого смысла, чуть-чуть уважения к жене вместо множества мелких попреков, и Верочка растаяла бы, и прописку ему обеспечила. Совсем не требовалось её для этого убивать.

Мне от души жаль бедную тетю Анечку, но тут она явно неправа, зашла в подозрениях слишком далеко. Виктора вполне можно понять, как ему не поторопиться с оформлением? Все возможно в нашем мире, пропадет квартира, где им жить о Сашенькой, где ждать Веру?

Здравый смысл и логика на его стороне. Господи, как всех жаль: и его, и тетю Аню, и Сашеньку, и меня...

Я ехала к Виктору от тети Ани и в голос ревела, силы мои кончились. Виктор встретил меня на пороге их квартиры весьма сухо.

– Ну вот, теперь и ты рыдаешь! – сообщил он. – А каково мне? Ты-то хоть не думаешь, что я Верку убил? С вашей сестрой никаких нервов не хватит.

Чуть-чуть придя в себя, я изложила неутешительный итог наших с тетей Аней переговоров. Пусть он подождет с оформлением, тогда она подождет с обвинением. Виктор остался нами обеими крайне недоволен.

Однако ездила я к нему не зря, Виктор изложил своё запоздалое наблюдение.

– Я долго думал, Катя,» – сказал он. – Вера никогда паспорта с собой не носит. В шкапулке, где всегда, его нету. И пропуска на работу тоже нету, а обычно он там же, она с собой не берет, их так пускают. Значит, она взяла с собой документы и коричневую сумку. Летом она ходит с цветной, матерчатой, она вон она, на вешалке. Не знаю, что и думать. По-моему, она куда-то собралась.

На том мы с Витей расстались. Ну почему мне так не повезло? Была бы я в Москве, то наверняка имела бы информацию из первых рук, куда собралась в тот злосчастный день Верочка и где её искать? Через три дня я это узнала.

В Марфино, 60 км от Москвы. На платформе в 16.00, 21 июня, в воскресенье. (Было это месяцем раньше.)

Случилась самая простая и невероятная вещь – я получила от Верочки письмо. Сначала, обнаружив в почтовом ящике конверт, надписанный явно Веркиной рукой, я обомлела от счастья и уже про себя стала бормотать о облегчении: «Вот чертова девка, что же она о нами сделала, а сама...»

Но в тот же момент радость подувяла, потому что, даже не вскрывая конверта, я сообразила, что с письмом что-то не то и не так. Слишком много штемпелей, потом мой адрес, написанный поверх другого чужим почерком, конверт какой-то затрепанный...

По прошествии минуты все встало на места: я поняла, что письмо Верочка послала в Юрмалу, скорее всего до своего исчезновения. Я вспомнила, что по приезде на курорт я ей звонила, сообщала адрес: поселок Керулты, почтовое отделение, до востребования.

А на почте в Керулты служит милая девушка, кажется, её зовут Бируте. Она помогала мне отправлять на московский адрес посылки с книгами, которые я приобретала в сельском культтоварном магазине, она знала, что я интересовалась письмами.

И когда письмо с опозданием пришло, она решила сделать мне любезность и переслала его по моему адресу. Откуда только она его взяла? Скорее всего, на почте остались копии квитанций на посылки. Так оно и было: я сверила квитанции на полученные недавно книги, и убедилась, что все надписи чернилами исполнены тем же красивым старательным почерком, что и адрес на письме.

Следовательно, Бируте переслала старое Верочкино письмо, не заставшее меня в Керулты. На свежие новости рассчитывать не приходилось, поэтому я вскрыла письмо с тяжелым сердцем. Оно гласило:

«Катюш, дела мои плохие. Как жаль, что тебя со мной нет. Наверное, все-таки придется разводиться. Всё, что угодно, но этого я терпеть не стану. Долго рассказывать, в письме не напишешь, как только его получишь, то срочно мне позвони, тогда будет все ясно. Завтра я поеду и все узнаю. Мне позвонили и сказали, чтобы я приехала в Марфино по Южной дороге

к четырем часам. Не знаю, чего и ждать. Все слишком сложно. Позвони сразу, я уже буду все знать. Обнимаю. Вера.»

Туман сгустился до сумерек, и в полумраке стали поблескивать тревожные молнии.

Из Верочкиного бессвязного письма стало ясно, что ее куда-то позвали. Пообещали разоблачения, как я понимаю, связанные с Виктором, иначе она не упоминала бы о разводе. Она взяла о собой документы (зачем?) и поехала на встречу, назначенную неизвестно кем.

Хорошо еще, что Верочка в свое время приобрела привычку датировать письма – на данном красовалась дата – 20 июня. На следующий день, надо понимать, должно быть двадцать первое число.

Среди мысленной возни с датами я вдруг наткнулась на главный вопрос: увернулась ли Верочка с этого загадочного свидания? Если да – то письмо значения не имеет, а если не вернулась? Если, скажем, кто-то донес, что Виктор ей изменяет (а она терпеть не намерена!), она едет в Марфино застаёт его с поличным... Он соображает, что все, теперь развод, потеряны квартира и проклятая прописка и (права тетя Аня) бьет жену тяжелым предметом по голове, далее зарывает труп в огороде. Потом разыгрывает перед нами неутешного страдальца, у него неведомо куда делась любимая жена... Боже мой, что же думать, что делать?

Идти к капитану, кажется, Серёгину с Веркиным письмом? Отдать письмо тете Ане, пускай она идет? Позвонить Виктору? А что у него спрашивать? У меня в голове все смешалось, как в доме Облонских, мысли резво разбежались в разные стороны, как вспугнутые ночью тараканы у них на кухне.

Я ухватилась за кончик здоровой мысли, позвонила Виктору (день был выходной, суббота) и спросила, помнит ли он точное число Верочкиного исчезновения. Он не помнил, но настоялся, спросил, для чего мне это надо. Я еле отовралась, зачем-то приплетая тетю Аню. Зря, это он может очень легко проверить.

Затем поизучала календарь: 21 июня приходилось тоже на субботу, т. е. Верочка не работала, а махнула в Марфино прямо из дому. Где тогда, интересно мне, был Виктор? Как она собиралась его уличить? Или ей любовные письма стали показывать? Бог ты мой...

Шерлок Холме из меня, скажем откровенно, не получался, мыслительный аппарат, увы, оказался не тот...

Может быть, умный человек и сделал бы надлежащие выводы из Веркиного отчаянного послания, может быть, и следовало мне обратиться к умным людям в форме, которые и не такие ребусы могут разгадать.

Но останавливало одно соображение: Виктор ведь может оказаться не при чем, а более умные люди, они на службе и могут посадить его в КПЗ до выяснения обстоятельств. Потом за неимением других версий там и оставят – дело-то надо закрывать.

Тогда у маленького Сашки не будет ни мамы, ни папы, ни квартиры – и всё моими стараниями. Да ещё, пожалуй, и детский дом в случае безвременной кончины тети Ани. (Вряд ли бедняжку отдадут на воспитание морально-неустойчивой тете Кате.)

Нет, такие дела с налету не решаются, не эмоции мне нужны, а исключительно здравые соображения. Только где их возьмешь?

Я рискнула позвонить Сергею, представилась сотрудницей, и его мама сказала, что он с семьей вчера уехал на дачу до понедельника. Мог бы, кстати, и предупредить.

Не оставалось ничего другого, как опять тащиться в Хлебникове к Валентину, к помощнику, от которого уже неделю ни слуху, ни духу. Выбор мною, конечно, был сделан не оптимальный, но и круг вариантов, прямо скажем, оказался неширок.

Имелся ещё один образ действий, традиционный, патриархальный. Можно посоветоваться с папой и мамой, моими, личными. То-то мои старосветские голубки обрадуются дочкиным проблемам. Папа у нас кроме того, что научный работник, еще и большой законопослушник, непременно пошлет меня в милицию и прочтет с пафосом лекцию о людях в белых

халатах, пардон, в милицейской форме, которые всегда стоят на страже и голубым платочком утрут все слезы.

Непрошибаемое поколение! Загипнотизировали их, что ли? Не живут, а спят на ходу и во сне мочалку, извините, благонамеренные мысли жуют.

Интересно, а со скольких лет я твердо знаю, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, причем во всех сферах жизни? Сдается мне, что именно Отче Валентин положил первый камень в фундамент моего просвещения.

Развлекая себя таким примерно ходом взбаламученной мысли, я нервно пересаживалась с одного вида транспорта на другой, пока не оказалась в Валькиных краях.

Была середина дня, озеро изумительно сверкало в лучах солнца свободной от части водной глади, а Валькины двери оказались напрочь запертыми.

Очень даже могло случиться, что мой частный детектив просаживал в это время на пару с Таиской (или без неё, что вероятнее) последнюю порцию выданного аванса.

Я села на крылечко и решила ждать Валентина до победного конца, до последнего автобуса. За полчаса до его (автобуса) прибытия я покину пост, но не ранее.

Так что почти четыре часа я могла посвятить игре ума. Не сходя с крыльца, я решила попробовать привести в порядок мысли и укротить воображение.

Погоды в те дни стояли изумительные, нежаркое солнце ласково пригревало, на крыльце было грязновато, но я подстелила под себя пакет с веселыми рисунками. И слава Богу, некому спросить, какого лешего я ошиваюсь у чужих дверей.

Я устроилась на поудобнее и приступила к мыслительному процессу, мучительно преодолевая непривычку к такого рода занятиям.

Соображение № 1. Можно с уверенностью предположить, что Верочка написала мне письмо, хоть и в душевном разладе, но ДО своего исчезновения – иначе не просила бы срочно позвонить ей домой.

Соображение № 2. Верочка отправлялась в Марфино узнавать нечто, чрезвычайно для себя важное и хотела поставить меня в известность о результате – опять же её настоятельная просьба о звонке. Следуя логике, возможно предположить, что, вернувшись, она нашла бы способ связаться со мной и сообщить, что она узнала. Верочка прекрасно понимала, что разволновала меня своим посланием и должна проинформировать о дальнейшем. Не дождавшись моего звонка (письмо ведь безобразно опоздало), она скорее всего дала бы телеграмму типа: «Малышева, поганка, жду звонка?». Или предприняла бы что-нибудь экстренное, чтобы меня проинформировать или успокоить, если тревога оказалась ложной. Я уверена на 100 %, что просто так Верочка не бросила бы подругу в неизвестности, да и ей самой необходимо было с кем-то поделиться.

Вывод: Верочкино исчезновение каким-то образом связано с ее поездкой в Марфино. Вероятнее всего, что она поехала в Марфино и именно там исчезла. Случайное совпадение двух событий; письмо накануне само по себе, исчезновение буквально в то же время само по себе в высшей степени маловероятно.

Мысль моя двигалась тяжело, со скрипом, по ухабам и колдобинам, но я не мистер Холмс и не патер Браун. К тому не обязана поражать самое себя элегантностью полета мысли, а никакой иной аудитории на крыльце не наблюдается.

Час размышлений у запертых дверей подарил моему мысленному взору такую картину: Верка пишет мне странное письмо, в котором сообщает, что собирается в Марфино выяснять нечто для себя очень болезненное, и после этого исчезает. Это раз.

Каким-то образом вся череда событий оказывается связана о Виктором, поэтому его свидетельские показания в данном случае ценности не имеют и вряд ли могут быть признаны достоверными. Это два.

Впрочем, может быть, и нет... А что, если кто-то захотел заманить Верочку в Марфино, он же приплел сюда и Виктора, а тот – ни сном, ни духом?

Но вот показывать письмо Виктору, или нет? Или в милицию? Вот в чем была моя главная головная боль.

Я, увы, уже не верила Виктору и еще менее верила в то, что в соответствующей органы беспристрастно разберутся и оставят Витюшу в покое, если он не виновен. Из пионерского возраста мы давно вышли, газеты иногда читаем.

Нет у меня в этом деле надежных союзников, нету вообще никаких, кроме циника Вальки, да и то за деньги! Серёжу мои проблемы не вдохновляют, а самая близкая подруга, которая не устала за 20 лет слушать меня, думать вместе со мною и плакать над моими горестями – так именно Верочка и потерялась!

Я готова была лить обильные слезы, а Валька все не шел. Мало того, что крыльцо было грязное, оно оказалось ещё и жестким. Хорошо было мистеру Холмсу на диванчике с трубкой!

Далее я собрала мысли в другом направлении и стала соображать, с чем я на этот раз прикатилась к Отче Валентину. Как оперативный сотрудник я сильно выросла над собою, поскольку к закату солнца у меня сложился план.

Следуя ему, Валентин прекращает бесперспективное общение о Таиской и в ближайшие дни отправляется в Марфино. Там он ведет открытый расспрос местных жителей. Легенду я придумала такую: незадачливый молодой человек рассорился с женой до такой степени, что своенравная бабёнка взбрыкнула и убежала жить к какой-то подруге, которая живет в Марфино, но адреса её бедный муж не знает.

Одумавшись после ссоры, обиженный, но любящий муж ходит по поселку и опрашивает всех встречных, не появлялась ли здесь в указанное время молодая женщина с такими-то приметам. Затем со вздохом и печалью демонстрируется фотография.

Есть надежда, что кто-то может вспомнить, появлялась ли в данной местности Верочка, с кем и при каких обстоятельствах.

План вырисовывался неплохой, не хватало только исполнителя. Я ждала его долго и упорно, но, увы, напрасно. Время уже подходило к критическому, а вокруг было пусто и тихо, никто к дому не шел, на допотопном велике не ехал.

Тогда я вздохнула, вынула из сумки маленький блокнотик и до возможности разборчиво изложила Вальке ситуацию и инструкции в письменном виде.

Для убедительности вложила в послание четвертной билет (так в классической литературе зовутся 25 рублей), подсунула рукопись под дверь и, несолоно хлебавши, отправилась через лес к автобусу.

Перспектива ночевки на крыльце меня не вдохновляла. Денег, конечно, было жалко, но подруга, как я уже успела отметить, несомненно, дороже.

Однако в транспорте, по-моему, в электричке, меня осенила идея, простая, как всё гениальное: зачем мне Валентин? В Марфино меня никто не знает, можно вести розыск неопознанной, кто мешает поехать туда самой, выйти в свободный поиск, слегка изменив легенду, вернее предельно приблизив её к истинной правде?

Мол, ищу подругу, она вроде у родственников в Марфино, поехала сюда в отпуск, а ей на работу пришла открытка на мебель, надо торопиться выкупать. Как раз незадолго до этого пошла такая идиотская мода, раздавать мебель на работе, не по надобности, а по заслугам. Для достоверности, чтобы не бил в нос дешёвый альтруизм, объясню, что на мебельную стенку записалась она для меня, а получить, увы, можно только с её паспортом.

Покажу максимальному количеству марфинских жителей Верочкину фотографию, может, кто и вспомнит, она девушка заметная, большая и красивая.

Жаль, Сергей на даче, а то попросила бы его отвезти меня в Марфино, места там красивые, даже какой-то дворец имеется с парком.

Сереза бы погулял по окрестностям, а я хоть немного отдохнула бы от электричек, а то впопугу покупать сезонку по всем направлениям. Домой я явилась в полной темноте, вдоволь надышавшись целебным подмосковным воздухом.

Однако, только я стала располагаться ко сну, как раздался залиvistый телефонный звонок. Таискин голос я узнала не сразу, поскольку никогда с ней посредством телефона не общалась. Тем не менее это была она, не совсем трезвая, но горевшая желанием сообщить нечто очень важное.

Таиска перезванивала мне раза три, добиваясь со своей стороны хотя бы относительного комфорта и тишины, а ей всё время кто-то мешал. Наконец она заперлась в ванной, включила воду и под шум с плеском поведала мне примерно следующее.

Во-первых, что телефон мой она достала у Виктора, он очень злился, но она настояла, потому что кажется, дело того стоит, чтобы пренебречь условностями, и за ночной звонок просила прощения, но удержаться не могла по тем же причинам.

Во-вторых, и главных, ей кажется, что дело с Верочкой обстоит совсем, ну, гораздо хуже, серьезнее, чем она думала. (Сердце у меня упало...) Раньше-то она думала, что Верка просто загуляла, с таким быдлом, как Витек, немудрено, все мы живые люди, чем она хуже, чем мы с тобой...

(Параллель – будь здоров; вот вернется Верка, оторву ей голову за утечку информации о моей личной жизни, да ещё кому – Таиске!)

...Но теперь, понимаешь, Катя, ею занимаются, честное слово! Около неё (Таиски) вдруг появился мужик, интересный такой, одет хорошо, явно культурный, деньги есть, ну это неважно... Он прицепился и всё время расспрашивает. Не прямо, не в лоб, а всё вокруг да около, но явно интересуется. Она (Таиска) уж и не помнит, с чего начала рассказывать про Верочку, что она пропала, а он выспрашивает, то так, то эдак, очень знаешь, подозрительно мне всё это...

Наверное, он из МУРа, а почему там интересуются Веркой? Ведь она ничего не натворила, просто пропала, кто им мешал меня вызвать и спросить, я бы ответила, а тут какая-то секретность. И мужик этот не простой милицейский Ваня, а явно... Ну, не похож он на простого мента (Таиске, надо понимать виднее, кто похож, а кто нет, мне как-то с милицией в любых чинах сталкиваться особо не приходилось, кроме Серёгина из розыска пропавших.)

Я слушала, поддакивала, уверяла Таиску, что меня никто не спрашивал, никого подозрительного не видела, и про себя ругалась последними словами.

Помощничек хренов! Это ж надо, за оперативного сотрудника сошёл, потомственный русский дворянин! За мои кровные денежки только и сумел, что взбудоражить бедняжку Таиску, поселить в её воображении фантастические бредни и дурацкие подозрения.

Воспользовавшись случаем, я попыталась расспросить Таиску, не знает ли она что про Марфино и Веркино отчаянное письмо, не сообщая факта, разумеется. Однако Таиска уверяла, что Верочки не видела и не слышала давно, с момента получения денег, потому что Верка давала в долг на две недели и очень обиделась, когда Таиска отдать не сумела, она, оказывается, брала из семейных фондов, а Витюша, он такой жлоб, зимой снега не выпросишь...

Наверное, устроил Верке скандал, он за копейку удавится, а она (Таиска) ну никак не могла достать, ей обещали в одном месте, но прокололось, и она не смогла отдать. А Верка, конечно, обиделась.

Я долго слушала бессвязный монолог, пытаюсь извлечь крупинцы информации, но тщетно. Кроме разоблачения Отче Валентина разговор с Таиской не дал ничего. Но и этого было вполне достаточно.

Я сильно пожалела, что оставила письменные распоряжения насчет Марфино, не дай Бог, поторопится мой детектив и там напортит!

Поэтому я решила не терять времени и отправиться в Марфино немедленно, буквально назавтра, благо, что воскресенье, со службы отпрашиваться не надо.

Налиествовало и другое преимущество: марфинских жителей (сколько их там – Бог весть) можно застать за семейным самоваром, включая глазастых бабушек, вездесущих детишек, наблюдательных матрон и основательных отцов семейств.

Если поторопиться, то можно уловить по домам народ помоложе. Может быть, кто-то из парней остановил взгляд на эффектной Верочке, или одна из девушек обратила внимание – одевается Верка со вкусом.

С этими детективными соображениями я уснула, сон был бестревожен, сновидения не посещали или не запомнились.

Проснулась я поздним утром под аккомпанемент дождевых капель – хорошая погода, увы, приказала себя долго ждать.

Оперативную задачу погодное обстоятельство облегчало, потенциальные свидетели должны сидеть по домам, однако, мою, личную осложняло на порядок.

В дождь, в слякоть, за город, по раскисшим поселковым улочкам: грязь, глина внизу, вода сверху, и я прошусь в чужие дома, отряхивая на каждом крыльце намокший зонт!

Сразу пришли мысли о нецелесообразности идеи в принципе. Известно, что когда человек хочет, то ищет средств к исполнению, а когда не хочет, то объективных причин, чтобы не...

Я произвела над собою волевое усилие (Стыдно ведь, не правда ли? Но из песни слова не выкинешь, пусть Верочка меня простит.) и стала решительно собираться.

Облачилась в соответствии с погодой, взяла зонт, захватила несколько Верочкиных фотографий, её письмо на всякий случай и отбыла на станцию. На выходе из квартиры меня чуть было не остановил телефонный звонок, но я возилась с ключами у дверей и добежать в комнату не успела. ну и ладно, подумалось мне, не дай Бог, задержал бы кто-нибудь ненужным разговором.

Еще вечером я выяснила, что мне несказанно повезло по железнодорожной части: через станцию Тестовскую, в двух шагах от моего дома несколько электричек шли прямо до Марфино без пересадок, примерно раз в час. И то хлеб.

Правда обратного билета мне в Тестовской не продали, долго объясняли, что там уже другая дорога, поэтому обратный билет надлежит приобретать на месте, непосредственно в Марфино.

Дождь упорно лил, проворные капли ползли одна за другой по невымытым вагонным стеклам в направлении обратном движению поезда, а я летела навстречу неведомым приключениям, сидя на жестком диванчике в полупустом вагоне.

Никакого плана действий у меня не было и в помине. Я лелеяла в воображении лишь первый отправной пункт: я выхожу в Марфино, иду в кассу, покупаю обратный билет и пробую в процессе расспросить кассиршу, не помнит ли она Верочку, затем показываю фотографии. А там как Бог пошлет, что подскажут обстоятельства и интуиция.

В кассах станции Марфино с первым пунктом я управилась, как по-писанному, только кассирша, конечно, ничего подобного не помнила. Всё равно я сказала ей спасибо и бросилась интервьюировать другую железнодорожную тётеньку, чья заметная форма мелькнула сбоку моего поля зрения. Женщину в форме я поймала за рукав, исправно изложила легенду, показала фотографии и почти слезно попросила напрямч память. Однако и в этом случае успеха я не добилась, хотя женщина, (ее звали тетя Поля) очень мне сочувствовала.

Тем не менее её сострадание к моим житейским мукам привело на непредвиденные пути, направило по иным дорогам вглубь подмосковных просторов, «навстречу испытаниям и открытиям», как было принято обозначать во второсортной школьной литературе, которой нас в детстве пичкали до тошноты.

После недолгого размышления тетя Поля произнесла речь, а мне запомнилось дословно, почти как «Памятник нерукотворный».

– Послушай, дочка, знаешь, что... Говоришь, в выходной день твоя подружка поехала сюда? Тут по выходным на платформе сидят бабки: вон баба Нина Родионова, баба Груша Гречухина и Лысенковых старуха. Цветочки продают, редиску там, укропчик, ягоды какие... Мы их не гоняем, и Костя, милиционер, не трогает. Старые они, а бойкие и глазастые, видят, чего надо и чего не надо. Все про всех знают, кто с кем пошел, кто к кому приехал. Может, тебе и подскажут. А девушки твоей, нет, здесь не видела, может, она в Нефтеналивном поселке? Так это на автобусе, ты туда поедь, если здесь не отыщешь, или в санаторию... Там, правда, мало кто живет, зато место тихое, сразу все тебе скажут, есть ли, нет ли. Стройка там, в санатории уж который год, всё строят и строят, берег испоганили, а какие места были – усадьба, богатая. Всё никак не выстроят. Ну да ладно, ты пока по старушкам пройдишь. Не пропадать же открытке, когда её потом достанешь, мебелью эту, всё тебе было-было, ан вдруг пропадать стало, что ни год, то всё больше. Дела...

Далее тетя Поля показала на пальцах, где живут указанные старухи. Ещё она разрешила сослаться на неё, чтобы бабушки от порога не погнали взашей – мало ли кто тут бродит, а не всем вера есть.

Окрыленная хоть небольшим, но все-таки успехом, я истово поблагодарила тетю Полю и отправилась на розыски бабы Груши, бабы Нины и старухи Лысенковых (имя тетя Поля запаматовала).

Успех, хоть и маленький, я чувствовала в том, что нужно стучаться не ко всем подряд, а можно вежливо опросить старушек, потом перейти к членам их семей, может статься, они что-то присоветуют, и ходить по людям я буду не просто так, а заручившись рекомендацией соседей.

Только вот старуха Лысенковых без имени на первых порах меня беспокоила, как прикажете обращаться к ней? Бабуля, извините пожалуйста, как Вас звать? Оказалось, что тревожилась я напрасно. Визит к бабе Нине обернулся пустым номером, старушка лишь напоила меня чаем с необычайно вкусным, хотя и прошлогодним вареньем.

Но вот баба Груша Гречухина не только сообщила, что старуха Лысенковых оказалась моей тезкой, но и смутно припомнила Верочку.

Я разложила на кухонном столе пасьянс из Веркиных фотографий, и баба Груша начала вспоминать.

– Что вроде бы, не берусь точно сказать, стара стала, а барышню эту, может, и видела. Не то в клубе, не то у колонки с ведром, да нет, тогда бы знала уж, у кого она. На станции, говоришь, может и на станции, да нет, не путай меня, дочка, я сама лучше вспомню... У старых людей голова дырявая, нужно ниточку найти, за неё и потянуть, свою ниточку, особенную, глядишь, что и вытянется. Не на станции, у автобуса дело было, у автобуса я её видела, высокая она такая, в штанах ходит, в длинной кофте, серьги большие до плечей – нет?

– Да, баба Груша, да! – закричала я. – Я ей эти серьги прошлым летом из Пицунды привезла, белые такие, как тарелки, с зеркальцем посередине!

– Оно и заметно, по сережкам запомнила, больно чудные, – согласилась баба Груша. – Дак вот что я тебе скажу... У автобуса я твою кралю видела, ещё мы с Катюхой Лысенковой что-то про неё говорили, вроде Катюха заметила, с кем она поехала. Не буду врать, я не помню, но Катя вроде назвала, сказала: гляди, какую фрю подцепил, но вот про кого это она – не вспомню, она-то здесь всех знает, въедливая она Катька-то, мне не угнаться.

На том мы с бабой Грушей распрощались, не считая бесчисленных моих благодарностей.

Спасибо тете Поле, спасибо бабе Груше – хоть какой-то след Верочкин в Марфино отыскался. Есть всё-таки женщины в русских селеньях!

Излишне говорить, что к бабе Кате Лысенковой я неслась рысью, разбрызгивая грязь, как танк, и только твердила про себя: «Слава Богу, что дождь, хоть бы старушка никуда не ушла, пускай сидит дома, куда ей идти, старенькой, в такую ужасную погоду!»

Баба Катя Лысенкова встретила меня на застекленной верандочке, у обширного деревянного стола, она перебирала сухие травы. Вид у бабули соответствовал занятию, назвать её ведьмой я бы постеснялась, но на сельскую колдунью старушка походила сполна. Имелись в наличии и следы былой красоты, и общая опалённость облика, и пронзительный, без приветливости взгляд.

Я всё рассказала ещё раз, напомнила, что они с бабой Грушей что-то заметили, и разложила Верочкины фотографии среди пахучих трав. Бабушка Катя вроде признала Веру на фото, но без гарантии, сослалась на плохие глаза и неважную память, проявила достойную осторожность, однако открыла тайну личности.

– Мебель, говоришь, открытка какая-то, ну, тебе виднее, девушка, – без улыбки, но и без вражды сообщила баба Катя. – Мне скрывать нечего, с Лешкой Лисицыных она поехала. Точно, с Лешкой, он это дело любит. Девки у него всякие, и наши, и чужие, всех не переберёшь, я потому заметила, что новая у него. Так что не к родным твоя-то поехала, а к Лексею... Я ведь что подумала тогда, грешным делом, кольцо у неё на руке, значит замужняя, а вон к Лешке... Гляди, муж-то разыщет, да как начнутся дела, не ровен час, до беды дойдет. Военный муж у неё, нет?

– Нет, не военный – потерянно отозвалась я. – Он в техникуме про электричество преподает.

Неожиданный поворот разговора несколько выбил меня из колеи.

– Ну вот, знала я ведь, что замужняя она, мы ещё с Грушаткой поспорили, про кольцо я наврала, хотела правду узнать, – призналась баба Катя. – Ты уж не обессудь, старые люди, они хоть и хитрые, а безвредные. Ещё знаю, что не за мебелью ты ищешь, волнуешься очень, история твоя нескладная, Бог тебе судья. Сама-то замужем?

– Нет уже, развелась давно, да вы не думайте, подруга она мне! – совсем уж нескладно выпалила я, старуха меня явно подавляла.

– Я-то не настырничая, дело твое, – без удивления отозвалась баба Катя. – Вижу, что зла не держишь. Я-то сразу поняла, что не к добру Лексей барышню чужую к себе повёз, что у них там, не знаю, но не к добру. И ждала всё чего-то, а как ты пришла с открыткой своей, поняла, что врешь, что неладно там совсем... Ты смотри, девушка, поосторожнее.

Как отвечать на такие речи, я не знала совсем, поэтому молчала в, только зачем-то кивала головой.

– А Лешка у санатории живет» – продолжила баба Катя. – Две остановки это, так и спроси, где санатория, стройку он там наблюдает, при ней в караулке и живет, небольшая караулка и сараюшка при ней, на отшибе, ото всех домов отдельные, в другую сторону пойти надо. Я деревушку ту знаю немного, золовка там живет, бывала я у ней, и Лексея знаю, пустой он парень, зря ейный Коляня с ним водится, я уж ей говорила, Зинаиде-то, золовке. Ну да ладно, дело не мое, дело ваше, молодое, вы и разбирайтесь, как знаете. Только ты уж меня не выдавай, девушка, не говори, что бабка Катя направила, ладно? А то ведь мало что, а языки-то без костей... И так говорят, что у бабки Кати глаз плохой, такую, милая, напраслину болтают, что просто тьфу. Ну уж ты ступай, Бог о тобой, а старуху не выдавай.

С таким веселеньким напутствием я от бабули Лысенковых и выкатилась, даже благодарность несколько скомкала. Но, по-моему, бабуля Катя была не внакладе: сумела меня ошарашить, полностью расколоть и малость напугать, что, как я понимаю, доставило ей удовольствие. А любой талант более ценит оторопевших поклонников, чем бурные аплодисменты.

«Теперь в санаторию,» – твердила я себе, «теперь в санаторию...»

Тем временем ноги несли меня сами к автобусной остановке при станции. Мелькнула мыслишка, признаюсь, приостановить расследование, съездить в Москву и вернуться к Лешке назавтра или чуть позже, и не одной, а с Виктором, или ещё лучше, с Сережей на его тачке, а уж совсем на худой конец хоть с Валькой.

Мелькнула и пропала, потому что слишком близки казались «санатория» с таинственной «караулкой, да и глупо возвращаться с полпути несолоно хлебавши, когда разгадка так близка.

Уже не помню, как в нескончаемый дождь автобус довез меня до вожделенной остановки «Санаторий «Прожектор», бывшее Пересветово».

Поселка как такового практически не оказалось: только где-то у края обширного парка (в девичестве санаторий был известным подмосковным поместьем) стояли несколько деревянных домов, явственно возведенных в бытность имения санаторием.

Роскошная липовая аллея приоткрывала в перспективе фасад белокаменного классического строения, везде сквозь зелень мелькали бывшие флигеля, а с краю парка, подалее от меня, деревеньки и автобусной остановки за плотным забором обосновалась застройка.

Судя по виду недосооруженных строений, к основанию санатория была задумана модернизированная прививка для особо заслуженных отдыхающих. Над дощатым забором возвышались псевдоготические, вернее, псевдобалтийские башенки, крытые ярко-красной черепицей, ещё одно здание – размером поболее, так и осталось в стадии трех этажей на сваях, а остальное вообще не построилось.

Удивляясь самой себе, я, пересекала мокрый, как болото, парк по аллеям и как Бог пошлет, а думала почему-то не о таинственном Алексее, но упорно об охраняемой им стройке.

Символический, долгострой никак не хотел уходить из моего сознания. Скорее всего, дело происходило так: богатое ведомство, владеющее санаторием «Прожектор» в лучшие времена, лет эдак 5-7 тому назад начало пристраивать к историческому комплексу престижную добавку для руководящих сил среднего звена (высшее отдыхает в других местах), но задули свежие ветры перемен, ведомство вышло из фавора и решило на время законсервировать строительные амбиции, чтобы не дразнить гусей.

К тому времени кое-что успели возвести, а что-то просто бросили на полдороге. Строители ушли, увезли технику, а санаторное начальство наняло местного жителя Лешку присматривать за оставленной стройкой, добра, как я понимаю, там осталось немало.

Не успела я додумать суетных мыслей, как оказалась на пороге Лешкиной караулки, благо, баба Катя хорошо описала местность.

Дверь домика оказалась открытой, но заходить я не стала, поскольку услышала, что из близкого сарая доносятся звуки известного жанра «в лесу раздавался топор дровосека». Я сделала вывод, что обитатель находится в сарае и направилась туда.

Очень деликатно я постучала в дверь и почти сразу в дверном проеме появилась затемнённая мужская фигура.

– Мне хотелось бы видеть Алексея,» – с ненужной официальной официальностью произнесла я.

– Я – Алексей,» – ответила фигура и выдвинулась из сарая под дождь.

На свету Алексей оказался парнем лет за 25, высокого роста, с худым, непримечательным лицом. Из толпы его выделила бы, пожалуй, лишь замкнутость выражения.

Несколько секунд мы стояли и смотрели друг на друга, потому что я панически искала и не могла найти хотя бы приблизительно подходящего стиля общения. К таким разговорам надо готовиться заранее, как к публичным выступлениям! Лешка был явно непрест, а я его совсем не знала, и так много от него зависело.

Молчание длилось непозволительно долго, пока я не решилась выговорить невнятное начало.

– У меня к вам дело, довольно деликатное...

– Кто вы? – неожиданно опросил Алексей. – И что вам нужно?

Однако интонация в Лешкином голосе прозвучала довольно сложная, и, отталкиваясь от неё, я вдруг обнаружила в его лице некоторую замученность.

Такие выражения лиц, страдальческие и почти потусторонние, характерны для редактора перед сдачей рукописи в набор. Состояние продолжительного стресса и полнейшей реактивности, готовности ко всему.

Далее следовал один мой сплошной позор. Кое-как я представилась и потащила Алексея в дом (на улице всё еще шел дождь), а хозяин вяло сопротивлялся, не желая впускать подозрительную гостью. Тем не менее я настояла, но под крышей дела пошли еще хуже.

Алексей демонстративно смотрел в окно, пока я, запинаясь, излагала дело, нехотя, краем глаза покосился на Верочкины фотографии.

– Ничего не знаю, – лаконично ответил Алексей, когда я закончила. – Все это бред, никогда не видел вашей девушки.

Тогда я расстроилась окончательно и неожиданно для себя перешла к угрозам. Объяснила, что путь рассуждений и свидетельских показаний, приведший к нему, я могу повторить не одна, а в обществе специалиста из уголовного розыска.

Однако, вместо того чтобы испугаться, сторож Алексей разозлился.

– Обратились бы вы лучше, барышня, к доктору по психической части, – не сдерживая ярости, выговорил он. – Явились к незнакомому человеку и плетете небылицы! Я, что, под кроватью вашу подружку держу? Посмотрите, и шкаф открою, и сундук, может, в сарае поищите?

Я сидела перед ним дура-дура и действительно чувствовала себя психопаткой, плетущей незнакомому человеку немислимую и оскорбительную ахиною.

– У меня письмо есть от Веры, там всё написано, – я решила на последнее средство, вернее, на предпоследнее, все-таки выдавать бабушку Лысенкову я бы не стала, моя благодарность не успела испариться.

– Про меня прямо так и сказано? – глумливо осведомился Алексей и потребовал. – Покажите это письмо!

– Разумеется, письмо дома, – впрямую солгала я. – А что там написано, прочтут в милиции, они вам и сообщат.

– Хорошо, – произнес Алексей с угрозой в голосе. – Пойдемте, посмотрим, а то потом окажете, что я успел замести следы. Лечиться надо, девушка, и очень серьезно.

Он поднялся, быстро вышел из дому (я побежала за ним), направился к сараю и распахнул передо мной дверь.

– Ищите! – потребовал он.

– Что искать? – растерялась я.

– Что хотите, то и ищите! – напутствовал Алексей.

Я подавленно покрутилась в сарае, но ничего, кроме рухляди и инструментов не обнаружила.

– Не нашли, отлично! – резюмировал хозяин. – Идёмте дальше!

В дальнейших поисках Алексей заставил осмотреть яму для мотоцикла, небольшую землянку с прошлогодней картошкой и дренажную канаву у забора.

Я ощущала себя полной идиоткой и шла за ним. Зачем? Не знаю. Но шла. Таким образом мы обследовали прилегающую к стройке территорию и оказались непосредственно перед ограждением, в котором я с усилием рассмотрела калитку. Как с остальным строительством, я не знаю, но забор был сооружен на совесть.

Алексей открыл ключом калитку и повел меня по стройке, время от времени советуя заглянуть то под грудой кирпичей, то под лежащую балку.

– Я отопру корпус, – указал он на почти готовое здание под черепицей. – Можете его смотреть, а вот это (он простер руку к недостроенному объекту) обследуете сами, мне неохота голову сломать, я вас рядом подожду.

Сказать, что ничего я не буду смотреть, у меня не было сил, и для порядка хотелось довести конца идиотское мероприятие. Идиотизм происходящего нарастал катастрофически, но противодействовать я отчего-то не могла. Ни идиотизму, ни сторожу Алексею, такая выяснилась психологическая дилемма.

Я чуть-чуть попробовала над ней поразмышлять, пока Алексей открывал дверь подъезда виллы (он называл строение корпусом), тщательно от кого-то запертой.

– Теперь вниз, – не слишком вежливо, пригласил он. – Сначала в подвал, самое подходящее место.

Как последняя дура я пошла за ним по крутой лестнице вниз. Спустившись, Алексей зажег свет и бесшумно открыл другим ключом еще одну массивную дверь у противоположной стены.

– Входите, ищите! – недружелюбно скомандовал он вполголоса. – Я сейчас свет зажгу.

Я послушно, как сомнамбула, двинулась к двери. В тот же момент сильный удар в спину толкнул меня в отворившийся проём. Я грохнулась в темноту и услышала за собою звук запираемой двери. Получились два отдельные впечатления, и оба отчасти не со мной, поскольку совершенно несуразные.

На этом я позволю себе прервать повествование и предоставляю слово другому участнику событий.

Часть вторая

Вместо введения позвольте уведомить Вас дорогие сэры, а также милые леди, что не имею никакого представления, в каких целях были задуманы данные ученые записки.

Знает одна лишь идейная вдохновительница сего начинания, она убила достаточно много своего драгоценного времени, излагая бумажному листу странные перипетии истории, в которую ей удалось вовлечь и меня. Мало того, теперь же сия прелестная дама ждет от меня такой же преданности мемуарному делу.

Бог ей судья, я не сомневаюсь в полной невинности её намерений. Оставляя на её же усмотрение дальнейшую судьбу нашей общей летописи, я, по мере своих несовершенных беллетристических возможностей постараюсь соответствовать принятой на себя задаче.

Перед тем, как обогатить архив будущих историков своими избранными воспоминаниями я позволил себе, с санкции автора, разумеется, ознакомиться с плодами литературных усилий работодателя и предшественницы. Сии плоды позабавили, в особенности та их часть, что была посвящена моей скромной персоне.

Неисчислимы заблуждения человеческого ума, особенно занимательны они, когда речь идет о половине рода людского, каковая справедливо полагается лучшей.

Со своей стороны, однако, я не имею претензий, напротив, даже польщен. Сознательно или бессознательно прелестная авторесса обозначила Вашего покорного слугу, как фигуру романтическую, во всяком случае таким видится восприятие ею моей скромной особы.

Во всяком случае, знакомство с данной рукописью сильно облегчило задачу и избавило от умственных усилий и сомнений, к тому же разрешило сакраментальный вопрос любого автора: с чего следует начать?

Пожалуй, целесообразнее всего начать отсчет с моего, если так возможно выразиться, вступления в должность платного частного осведомителя.

Не стану утомлять будущего читателя излишними подробностями моего знакомства с очаровательной, легкомысленной, хотя и не столь юной особой, в предшествующем повествовании именуемой Таиской. (Я же в свою очередь желал бы остановиться на более благозвучном варианте и упоминать о ней, как о Тае.)

Не будет преувеличением, если я сообщу, что знакомство с Таей не составило особого труда, а удачный стиль общения (я заимствую сомнительное выражение у милой предшественницы) снизошел на меня велением вдохновения.

Почти с самого начала общения я без ненужной аффектации позволил Тае предположить, что моя любознательность и нескромное любопытство, относящиеся к истории жизни и внезапному исчезновению её приятельницы Веры Согдеевой, имеют под собою профессиональную основу.

При первом же взгляде на милейшую Таю я осознал, что духовное родство, дружеские узы и безграничное доверие, между нами, вряд ли осуществимы; а также, что нить взаимного сродства и нежных чувств не сможет соединить наши души, чтобы, затем став нитью Ариадны, вывести жаждущую мысль из мрака таинственного лабиринта.

(По-моему, все уже предельно устали, и можно перейти к доступному стилю изложения, прошу великодушно меня простить, не сумел удержаться на высоте стиля, мною же опрометчиво избранного.)

Так вот, взглянув на Таю, я понял сразу, что даже встань я на уши (а желания такого не имелось вовсе), она не полюбит меня, как Эвридика Орфея, а Суламифь – царя Соломона, из чего следует, что возни о нею будет много, а её откровенность встанет чрезмерно дорого, если я выберу традиционные пути общения.

Поэтому я слегка прикинулся любопытным из органов, зная, что дамы указанной профессии ссориться в казенных домах не любят, и на конфликт с сотрудником, будь он даже инкогнито, без особенной нужды не пойдут. Так оно и случилось.

На второй вечер знакомства (ночь была дана на размышление) я оказался счастливым обладателем всей информации, которой Тая располагала.

А именно: кратким жизнеописанием Веры Согдеевой до пропажи, всеми координатами, включая адрес и телефон мамы, нелестной характеристикой Вериного мужа, также телефонами и краткими описаниями двух ближайших подруг искомой Веры.

По вполне понятным причинам у меня не возникло желания заниматься личностью Кати Малышевой, и я решил сосредоточить внимание на второй упомянутой девице, тем более что по счастливому стечению обстоятельств она оказалась сослуживицей пропавшей Веры.

Во времена своей беззаботной юности эта троица граций: Вера, Тая и Марина произрастала и цвела под сенью заведения, славного многочисленными иностранными языками.

Вступив во владение своими сокровищами (я имею в виду информацию, собранную для меня заботливыми, хотя и не безгрешными руками милой Таи), любуясь ими и перебирая, я неожиданно обнаружил некое упущение совершенное многомудрой моей заказчицей. В своих трудах на ниве расследования она совершенно игнорировала место трудовой деятельности пропавшей подруги.

Мой личный опыт по части клерковской службы весьма невелик, ибо терпение вышестоящих товарищей истощалось достаточно быстро, тем не менее памяты изощренные формальности и процедуры, обставляющие пребывание личности на казенной службе.

Вряд ли кто-либо из состоящих в штате любого учреждения может себе позволить отсутствовать более 1-2 дней, не объясняя причины, тут же придет в движение неумолимая машина учета человеко-дней.

Не может такого случиться, сказал я себе, что Вера Согдева без предупреждения бросила ходить на службу, а там никто не заинтересовался и мер не принял.

Ещё муж мог теряться в догадках и ощупывать свою бедную голову на предмет появления рогов, а славный сектор учета и контроля должен был забить тревогу в телефонные колокола вплоть до заявления в милицию о непредвиденном исчезновении одной из опекаемых сотрудниц.

Меня, во всяком случае, они доставали буквально из-под земли и радостно требовали либо оправдательных документов, либо публичного покаяния. Ввиду моего упорного нежелания удовлетворить ни одно из требований, мои конторские службы оказывались крайне непродолжительными.

Исходя из вышеизложенных причин, я живо заинтересовался тем, что думает по этому поводу Верочкина сослуживица и, что гораздо важнее – приятельница.

Мариночку Головинскую легче было разыскать, чем расколоть. Девушкой она оказалась очень чистенькой, подтянутой и, судя по всем признакам, крайне добропорядочной во всех отношениях. Краткая характеристика, данная Таей, моих наблюдений не опровергала.

Хоть одета Мариночка была совсем по-другому в момент нашей достопамятной встречи, но стоит перед моим внутренним взором до сих пор в беленькой блузке с кружевами, (идеально отстиранной и выглаженной) и в строгой черной юбке, такой уж сложился образ. И темненькая головка, гладко причесанная, волосок к волоску. В молодые годы мне чрезвычайно нравилось толкать подобных чистеньких девушек на пагубный путь разврата, там-то, поверьте, они показывали класс!

Однако, как я понял, в юности Марины богатые возможности остались нереализованными, и теперь ей открывались лишь два четких и параллельных пути в будущее. Либо скучный и пристойный поздний брак с первым более или менее достойным претендентом, либо

печальное бесконечное стародевичество. Жаль, что мне не двадцать пять! Однако, вернемся к нашим баранам.

Вопреки всяческому являвшимся соблазнам (об этом как-нибудь после), деньги я решил отработать честно, поэтому сначала звонил Марине домой, далее, мало чего добившись в разговоре, явился в присутственное место, чем сильно смутил девушку, хотя и постарался по случаю визита выглядеть презентабельно.

Уловив в её прекрасных серых глазах некое тайное знание, касательно интересующего предмета, а также приняв во внимание замешательство и неточные, уклончивые ответы, я понял, что след мною найден. Пришлось пустить в ход свои несколько потрепанные чары, на ходу придумать надлежащую историю, лишь тогда Мариночка согласилась на randevu в ближайшем кафетерии после работы.

Однако тем вечером не случилось. Явившись в назначенный час к дверям храма науки, я узнал, что нашему свиданию не суждено состояться из-за внеочередного собрания трудового коллектива, обещавшего затянуться до неопределенного времени.

Увы, ждать моего обаятельного информатора я был не в состоянии, поскольку неуклонное течение времени влекло меня в места проживания, где мне предстояло заступить на охрану вверенного объекта, предварительно накормив моих четвероногих сотрудников псовой породы.

Чувство долга, а также сострадание к братьям и сестрам меньшим в количестве четырех голов пересилило желание дождаться Марину, насладиться ее обществом и проникнуть в чужую тайну.

Мучимый сожалением, я отбыл на вокзал, условившись перенести свидание на следующий день.

У меня не хватило духу представиться Марине в качестве казённого соглядатая, поэтому туманно рекомендовался ей, как отдаленный родич Веры Согдеевой, обеспокоенный странным происшествием с троюродной кухней. Так себе легенда, надо признаться прямо.

Оставалось надеяться, что остатки бывшего мужского очарования хоть как-то снивелируют неуклюжесть доморощенных выдумок.

Необходимо добавить, впоследствии это окажется важным, что моя первая встреча о Мариной под сенью служебных пальм состоялась в пятницу, посему второе randevu было отложено на субботу.

Находясь во власти очарования девушки Марины, я в свою очередь совершил серьезное упущение. А именно, не проинформировал моего прелестного друга Катю Малышеву о предстоящем свидании о Мариной.

Мысль о том, что Катя может ждать моего звонка, более того, уверенность, что позвонить ей необходимо, раз у меня имеется толика информации, не говоря о смутном предчувствии, что дальнейшее знание сможет рассеять её печали. Короче, вспомнил, что заказчице следует позвонить... Ну, словом, мысль сия посетила уже на месте, во время кормления зверей, а городскими телефонами ни охраняемый объект, ни мое скромное жилище отнюдь не располагали в те времена, да и сейчас ситуация не изменилась.

Поэтому я решил оставить бедняжку Катю в неизвестности до утра, когда, прибыв на столичный вокзал для последующего свидания о Мариной, я смогу воспользоваться услугами любого телефона-автомата, в последнее время почему-то именуемого таксофоном. (Марина обещала ждать меня в заранее условленном месте в 11.30 утра.)

Как выяснилось впоследствии, именно эта моя небрежность привела к последствиям, коих многие участники сей драмы предпочли бы избежать.

Рассматривая предмет с другой точки зрения, я должен отметить, что менее драматическое развитие событий, боюсь, не изменило бы плачевного статус-кво, и данная история имела бы иное продолжение.

Как подчас случается на самых сложных отрезках любого жизненного пути, именно нагромождение нелепостей, случайностей и недоразумений оказывается заветным клубочком, из коего неумолимые старухи Парки тянут нити нашей судьбы.

Я продолжаю повествование и прошу запомнить, что, по приезде в столичный город неоднократно пытался наладить телефонный контакт с моей прелестной работодательницей, однако тщетно звали её мои телефонные трели. Ее номер не отвечал с упорством, достойным лучшего применения.

Совість моя была чище чистого, и я не без удовольствия стал настраиваться на свидание с очаровательной феей Мариночкой Головинской.

Рискну, не боясь показаться лгуном, отметить, что результаты общения с Мариной превзошли ожидания, причем во всех мыслимых отношениях.

Во-первых, мы с прелестной феей отлично провели длинный летний день, романтически бродили по улицам, пили кофе и ели мороженое на всех углах, самым приятным образом беседовали о бездне посторонних, но всегда приятных предметов.

Легко догадаться, что возвышенные, предельно чистые пасторальные мгновенья явились заслугой моей спутницы, чья, изысканная невинность доставляла мне подлинно эстетическое наслаждение.

Однако, постараюсь держаться ближе к делу. Когда взаимное понимание было окончательно достигнуто, Марина откинула прочь сомнения и поведала свою и Верочкину тайну.

Истина оказалась до обидного простой. Моя прелесть Катенька могла бы сберечь некоторую сумму денег и массу душевных сил, если догадалась бы разыскать Марину сама, причем ей информация досталась бы совершенно задаром и без труда.

Марина охотно призналась, что в соответствии с канцелярскими формальностями Вера Дмитриевна Согдеева находится в очередном, заслуженном и предусмотренном трудовым законодательством отпуске, о чем имеется изданный приказ.

Предысторию неожиданного для меня поворота событий Марина изложила с милым смущением, но достаточно связно.

В один не лучший для себя день Вера попросила Марину о деликатной услуге и не поленилась изложить грустные обстоятельства.

Вера поведала старинной приятельнице, что в её (Веринной) семейной жизни предполагается кризис.

Некто, не пожелавший назваться, сообщил Вере по телефону, что, оказавшись в условленном месте в обозначенный час, она сможет убедиться, что её муж живет двойной жизнью, причем не просто содержит любовницу, а имеет на стороне семью с дочерью-подростком.

Особенно неприятно поразило Веру то, что неизвестный уверял, будто параллельный брак оформлен в соответствии с законом, причем ранее, следовательно, подвергал сомнению законность её супружества.

Вера, хоть и находилась во власти расстроенных чувств, была настроена более чем решительно. Само собой разумелось, что она желала ознакомиться с документами и обстоятельствами дела, а в случае разоблачения коварного двоеженца намеревалась немедленно начать бракоразводное дело.

(О прекрасная половина человечества! Как высоко вы цените мужскую верность, и как мало для вас значит семья, хотя здравый смысл подсказывает иные пропорции духовных ценностей!)

Правда, ожесточение бедной Верочки подогрел факт, что неизвестные доброжелатели подчеркивали всячески: та, другая, семья – настоящая, а брак с Верой заключен из сугубо меркантильных соображений. Имелись в виду валюта из Буэнос-Айреса и московская прописка.

– Если это правда, – заявила Верочка подруге Марине. – То я и дня не останусь с ним под одной крышей. Дам три недели на сборы, потом пусть катится ко всем чертям. Я у мамы

поживу, а ещё лучше, не стану маму волновать, а возьму отпуск, еще не была в этом году, поеду в Юрмалу, у меня там Малышева отдыхает. Поживу у нее, отдохну, нервы приведу в порядок, наконец поищу себе нового мужа. И разговаривать не стану, уеду и все, скажу «убирайся», и уеду. И ты никому не говори, не хочу, чтобы все кругом болтали и смеялись.

Прискорбный разговор имел место в конце рабочей недели, а неизвестные ждали Веру в субботу, она даже не уточняла, где именно.

Просьба Веры была легко исполнима и заключалась в следующем: в случае, если она в понедельник не объявится на службе и не отменит распоряжений, передать написанное её заранее заявление об отпуске по инстанциям, придумать экстренную причину типа болезни родственников, мешающую самой оформить отпускные бумаги. Дабы к разбитому сердцу не добавлять канцелярских формальностей. Ей это было бы тяжело.

Будучи хорошей подругой, Марина поступила в точном соответствии с данными инструкциями. Не обнаружив Верочку на рабочем месте в понедельник, дала ход заявлению об отпуске, потом получила по доверенности отпускные деньги и стала терпеливо поджидать подругу, готовясь врачевать её душевные раны, когда служебные обязанности отзовут страдалицу с берегов Балтики.

Когда деловая часть общения с очаровательной Мариной закончилась, мы предались неформальному времяпровождению, каковое продолжалось вплоть до моей последней электрички.

За полчаса до отбытия вышеуказанного экспресса я доставил Марину к дверям её дома и выразил надежду, что сегодняшний вечер станет началом серии грядущих, если не будет на то возражений.

Их не последовало, хотя, видит Бог, я бы не удивился в противном случае. Но, оказалось, милая Марина обладала кроме иных достоинств ещё и частицей хорошего вкуса, что в наше время является большой редкостью.

На вокзале я в очередной раз попытался дозвониться своей милейшей работодательнице, но всё так же безуспешно. Кто же мог предположить, что именно в это время она тщетно ждала меня у врат моей скромной обители!

По возвращении к местам обитания я нашел у себя под дверями первый из всех читанных мною образчиков Катюшиной прозы. (Смею заметить, что проза оказалась слегка сумбурной, что простительно для дамы в смятенных чувствах, но несколько странно, если знать, что дама именуется редактором.)

Продравшись сквозь девственные джунгли дамского почерка, я обнаружил, что буквально все непонятные, бесполовые и угрожающие факты сложились в четкую логическую картину.

Главная героиня данной мелодрамы, почти забытая мною Вера получает в один злосчастный день известия о муже, которые приводят её в состояние смятения. Она пишет письмо ближайшей подруге Кате с некоторой тайной мыслью, что, убедившись в худшем, сможет рассчитывать на гостеприимство в Прибалтике.

Далее едет в условленное место, к сожалению убеждается в справедливости доноса, возвращается домой, устраивает бедняге мужу заслуженную сцену, указывает на дверь, дав месяц на сборы и ждет звонка от любимой подруги Кати.

Но, увы, почта в наши дни бесконечно далека от идеала, письмо безбожно запаздывает (надо было дать телеграмму) и прелестная моя Катенька остается в неведении о печальной судьбе подруги.

Звонка всё нету и нету, а душа болит, требует какого-то действия, тем более что заявление об отпуске уже оставлено, и Верочка срывается с места, не договорившись ни с кем. Не исключена возможность, что она взяла и махнула не в Прибалтику к подруге, а скажем в Ялту. Вдруг ей случайно предложили билет?

Случайностей могло подвернуться неисчислимое множество, ибо женщина в расстроенных чувствах подобна былинке, ветром гонимой.

Могла она, конечно, приехать и в Прибалтику (не надо забывать про эффект последнего лета, кто знает, когда ещё придется!), но не застав подругу на месте, перепутав адрес или попросту передумавши, расположиться на любой курортной точке вдоль побережья Балтийского моря.

Как информировала меня бесценная Марина, срок Верочкиного отпуска истекал в течение ближайших четырех дней, так что в скором времени я могу стать свидетелем трогательной до слез сцены встречи любящих сердец, растерявшихся во времени и пространстве.

Бог ты мой, какими простыми кажутся разгаданные загадки, какими банальными!

Пребывая в уверенности, что полученные суммы денег мною отработаны, я позволял себе некоторые приятные размышления: следует ли брать обещанные 150 р. как окончательный гонорар или посчитать знакомство с Мариной достаточным вознаграждением и благородно отказаться. Признаться, честно, не совсем так я размышлял, но мои моральные колебания имели место где-то в этой области.

«Насколько приятно будет сообщить прелестной Катеньке новости, снимающие невыносимую тяжесть с ее любящего сердечка,» – думал Ваш покорный слуга, разгуливая в обществе четвероногих собеседников по территории вверенного ему объекта – «Настолько же затруднительными могут оказаться наши взаимные финансовые расчеты...»

Стоит ли говорить, что сумма, выделенная прелестной Катенькой на мои текущие ресторанные и другие неизбежные хлопоты, была исчерпана окончательно и бесповоротно.

Явившись к Кате с новостью, что дорогая её сердцу подруга жива, здорова и в скором времени, хотя и не в лучшем состоянии, появится на горизонте, я имел неоспоримое право рассчитывать на условленное заранее вознаграждение.

Однако некая мысль, которую я затруднялся в тот момент сформулировать, сомнение, подобное отдаленному облаку на чистейшем небосводе, каким-то неясным образом подтачивало мою уверенность.

Несомненно, порученная работа была выполнена, тем не менее, червь сомнения, появившись, не оставлял, отравляя приятность переживаемых мною минут и предвкушение заслуженного гонорара.

В старину это называли бы, пожалуй, предчувствием. Дабы отвлечь мысли и избежать излишнего копания в своей бессмертной душе, я обратил острие скальпеля психологического анализа на иной предмет, бывший ранее на периферии моих уединенных размышлений.

Я обозрел пространство житейской драмы и вдруг выявил остроумный, хотя и загадочный ход одного из партнеров этой игры. Изначально, по моему суждению, к подобным вещам не склонного. К ходам мысли...

Пейзаж, представший перед мысленным взором, выглядел так: жена Вера, убедившись в неверности мужа, даёт ему месяц на сборы и временно покидает семейный очаг, чтобы успокоить нервы, а также не ставить бывшего спутника жизни в скандальное положение. Однако уличенный супруг Виктор, недолго думая, во всеуслышание объявляет о её таинственном исчезновении. Крайне интересно было бы доискаться мотивов столь странного поведения!

Может быть, бедняга в отчаянии захотел отомстить и наказать беглянку, пусть сходят с ума её родные и близкие? Или у него оказались меркантильные мотивы странного поступка? А что, если он просто стесняется сознаться, и таким способом желает спасти лицо хоть на месяц, в глубине души надеясь на примирение?

Именно в этот фиксированный момент в начале беспредметных размышлений возникла идея, вполне блистательная, хотя и не лишённая некоторого оттенка материальной заинтересованности.

Мне вдруг захотелось узнать, насколько высоко ценит сей благородный джентльмен последние дни своего соломенного вдовства. Не совсем бескорыстное любопытство посетило меня; насколько дорого преступному мужу сохранение тайны?

Волею судеб я оказался обладателем информации, которую моя прелестная подруга Катя оценила в 150 рублей. Интересно было бы выслушать предложения другой стороны...

Я не стану далее отделяться иносказаниями, а признаюсь, что решился на попытку элементарного шантажа. Не вижу причин для этических дискуссий, просто продолжу свой рассказ.

А кто из читающих без греха, тот вправе осыпать меня любыми камнями на свой вкус и к полному своему удовольствию.

Слегка обдумав план действий, но не слишком, дабы оставить место для живительной импровизации, я понял, что необходимо торопиться, ибо безжалостный Хронос оставил в моем распоряжении всего три дня.

Разумеется, гарантий успеха не существовало, однако сделать скромную попытку обстоятельства не возбраняли.

Если вышеуказанный неверный муж заинтересован в сохранении тайны, то, думалось мне, его щедрость может поиметь границы около двух сотен рублей, не более того. В этом случае я мог бы благородно отказаться от ста пятидесяти, обещанных Катей, ибо чувствовал некоторую неловкость в предстоящей ситуации.

Посудите сами: я выяснил без особого труда, что разыскиваемая дама жива, здорова и через три дня упадет в объятия любящей подруги, так за что же брать условленную сумму? Не знаю, вполне может статься, что кого-нибудь другого подобные мелочи не смущали бы, но лично я отдавал себе отчет, что ожидание денег в данном случае было бы поступком неджентльменским, и честь вынудит меня отказаться от предложенной суммы.

С другой стороны, сделал бы я это не без сожаления, поскольку в глубине души уже свыкся с мыслью, что деньги у меня будут и успел найти им применение в скромных планах.

Не стану более злоупотреблять терпением возможного читателя и продолжу откровенное повествование. В конце концов Жан Жак Руссо тоже писал знаменитую «Исповедь» не без удовольствия.

На следующее утро (дождливое и воскресное) я поднялся рано и не мешкая направил свои стопы на станцию Хлебниково, где за ничтожную сумму в 15 копеек получил возможность оповестить о своих намерениях одного московского абонента.

Вынужден признаться, что звонок, способный пролить бальзам на Катину измученную душу, я решил по уважительным причинам отложить. В противном случае моя информированность, как можно представить, не стоила бы ни гроша, ни цента, ни сантима.

Не могу сказать, к кому благоволила девица Фортуна в то утро (как я отмечал, крайне неблагоприятно метеорологически), но злополучный Верочкин муж, предполагаемая жертва не слишком коварного замысла, волею судеб оказался дома.

Убедившись, что меня слушает необходимый абонент, я произнес в телефонную трубку продуманную фразу.

– Если вас интересует информация о вашей жене Вере, то жду через два часа на платформе Марфино. При себе имейте два номера одного журнала, или две газеты одного названия, скажем два «Огонька» или две «Правды», два «Советских спорта» тоже годятся.»

В ненужную дискуссию я вступать не стал и сразу повесил трубку. Платформу Марфино, как, наверное, все успели догадаться, я избрал местом встречи для того, чтобы собеседник имел представление о моей осведомленности по части его сложных семейных дел.

А детективный ход с двумя печатными изданиями предназначался для введения объекта в заблуждение. Он должен предположить, что я не знаю его в лицо, хотя дело обстояло как раз обратным образом, ибо Катюша, мое прелестное дитя, снабдила свадебной фотографией, на

коей интересующие меня лица были запечатлены в момент торжества. На втором плане я смог различить прелестные черты Мариночки Головинской.

Итак, следовало поторопиться к месту встречи, что я сделал весьма успешно, поскольку судьба в тот день благоволила. Приняв облик знакомого машиниста Игоря, девица Фортуна позволила совершить значительную часть пути в пустой электричке, волею случая, отправлявшейся в ремонтное депо, расположенное в двух станциях от искомого Марфино.

Таким волшебным образом я провел в пути всего минут сорок, вместо положенных полутора часов, и избежал суетной пересадки на одном из московских вокзалов.

Оказавшись на платформе Марфино, я, однако, недобрым словом помянул свою предусмотрительность и девицу Фортуну в придачу, ибо прибыл на целый час ранее условленного времени. Платформа же была открыта всем негативным явлениям природы. Одно из них, а именно дождь, мало способствовало приятным прогулкам и отдыху на скамейках.

Свидание было назначено на четыре часа пополудни, я стоически прохаживался вдоль платформы, без особого внимания изучал редких пассажиров, привозимых электричками каждые 15 минут, и размышлял о варианте, в результате которого ожидаемое лицо вовсе не пожелает встречаться со мной, что приведет к напрасным пробежкам под дождем и неминуемому насморку, как следствию. Зонтика я собой не захватил ввиду прискорбного неимения последнего.

Велико же, однако, было мое изумление, когда в негустой чередой пассажиров, извергнутых одной из электричек, я немедленно опознал персону, каковую я предполагал увидеть не ранее, чем через 45 минут.

Никакими печатными изданиями Виктор себя не обременял, а целенаправленно следовал к выходу с перрона, будто прибыл на станцию Марфино по своим делам, а вовсе не для встречи с неизвестным.

Подобное течение событий меня хоть удивило, но не обескуражило. Пребывая в полной уверенности, что моя личность ему неизвестна, я внедрился в шествие пассажиров и последовал за объектом.

Я не стал обременять себя излишними догадками, а плавно поплыл по течению, то бишь спокойно шел по платформе вместе с дачной публикой, имея в виду спину будущей жертвы. Чем больше я буду знать о нем, тем на большую сумму смогу рассчитывать, в ритме ходьбы подумалось мне.

Так, незаметно следуя за невольным провожатым, я очутился на автобусной остановке, сел вместе со всеми на подошедший автобус и устремился навстречу неизвестности.

Немного сложнее было выйти вместе с объектом наблюдения, но я успешно справился и с этой задачей. Когда я обнаружил, что объект продвигается к дверям, то мгновенно нашел себе собеседника в той же очереди. Вторым на выход направился некий дедуля, охотно вступивший со мной в пустячную беседу.

Мы благополучно оставили дилижанс, и если объект успел кого-то заметить за своей спиной, так разве что разновозрастную парочку местных жителей, занятых мирным разговором. Одеться для данной экскурсии я постарался попроще, в пригородном стиле.

Милейший дед, уже успевший отовариться по дороге в родные края, сослужил мне ещё одну службу. Как бы между прочим, глядя в спину удаляющегося объекта, я задал дедуле несложный вопросик.

– А это что за чучело? Куда его несет? Ваш что ли?

– Не... – охотно ответил дед, – Не наш. К Лешке, небось, прется, более некуда, там никто кроме Лешки и не живет, на отшибе-то. В санаторию по другой тропке ходят, а этот точно к Лешке. Опять гулять будут, да из мелкашки палить. Штрафовали его, Лешку-то один раз уже... Так мало ему. Небось и девки скоро приедут. Лексей стройку сторожит, ни фига не делает, а к нему народ гулять всё шастает.

Не без труда я отвязался от словоохотливого деда и поспешил в Лешкину сторону.

Как очень скоро выяснилось, торопился я абсолютно напрасно. У врат Лешкиной обители я застал лишь Верочкиного мужа в тот момент, когда он, фигурально выражаясь, целовал дверной пробой.

Судя по закрытым дверям и окнам, Лешки дома не случилось, а супруг сбежавшей жены потеряннно ходил вокруг оставленного жилья, как будто именно к Лешке он в Марфино и стремился.

Я начисто лишен комплекса неполноценности, но ситуация явно превосходила возможности моего понимания. В Марфино звал Виктора я, но вместо того, чтобы ждать на платформе сведений о сбежавшей жене, этот человек решительно направляется в гости к какому-то Лешке и сильно разочаровывается, не застав того дома. Мистика, да и только!

Стоя чуть поодаль под неверной защитой негустой растительности, я рискнул вынуть фотографию, ибо на миг заподозрил, что просто обознался и сгоряча уехал со станции вдогонку за похожим на Виктора местным жителем. Однако тождество жениха с фотографии и мужика, слоняющегося вокруг Лешкиного дома, было несомненным.

Некоторое время с товарищем по несчастью мы так и провели. Он кружил у запертой двери, присаживался на крыльцо, даже заглядывал в окна, а я наблюдал скорбную картину издали, стараясь остаться незамеченным.

Мысли мои текли бессистемно и вразброд. Положим, думал я, муж Виктор и так знает, что его жена прохлаждается у моря, набираясь сил для развода, поэтому свидания с неизвестными ему без надобности. Сохранение тайн его ни в коей степени не волнует, ибо через три дня беглянка вернется и обнаружит нелестные для него секреты – такой вариант был, конечно, мною предусмотрен. Однако, в этом случае Верочкин муж должен вооружиться философским спокойствием и сидеть дома, а не мчаться на скорости в ненастную погоду в отдалённое Марфино, чтобы явиться незваным гостем к черт знает какому Лешке, рискуя не застать того дома, как оно и случилось.

Поток моих быстротекущих размышлений вдруг наткнулся на некое имя собственное и, зацепившись за него, как за корявое бревно, плавно описал круг и резво побежал уже целенаправленно.

Итак Марфино... Место встречи с Виктором было избрано мною отнюдь не случайно, поскольку цепь последующих событий первым звеном имела поездку в Марфино его супруги Веры. Причем сие намерение означенной дамы, кстати, оказалось последним, о чем она успела оповестить двух близких к ней девушек: одну письмом, другую устно.

Что она узнала в Марфино, кто её туда звал, и какие шаги она предприняла далее, увы, относится к области догадок и предположений. Марина убеждена, что Вера уехала в отпуск, как и намеревалась, а Катюша до сих пор находится в уверенности, что её подруга Вера отправилась в Марфино и пропала.

Далее следует весьма пикантная ситуация: после моего провокационного звонка муж Веры, лишь услышав от неизвестного шантажиста слово «Марфино», мчится туда на всех парах, манкирует свиданием с вышеуказанным неизвестным, вместо того решительно направляется к марфинскому жителю Лешке и поникает в разочаровании, убедившись в отсутствии последнего.

Любезный читатель по всей видимости уже догадался вместе со мной, что предыдущие логические построения рухнули, и ситуация вышла из-под контроля доморощенного детектива, Вашего покорного слуги. Понятно, что простое совпадение столь разнородных случайностей представилось маловероятным.

Лишь одно стало кристально ясно: муж пропавшей Верочки играет в этой истории гораздо более активную роль, нежели предполагалось ранее. Знать бы ещё, какую именно? Сумма заслуженного вознаграждения могла бы тогда заметно округлиться.

Во всяком случае, даже при неполном знании цена тайны в моих глазах претерпела изменение в лучшую сторону. Поэтому я решился действовать немедленно, тем более что бесконечное ожидание неизвестно чего в мокрых и холодных кустах стало исподволь раздражать.

Осененный внезапным порывом, я стремительно приблизился к безутешному мужу и произнес следующие слова.

– Ну, я вижу, ты сам знаешь, дорогой, где твоя Вера! К тому же ни газет, ни журналов не читаешь. Так о чем же потолкуем?

Признаться, менее всего я ожидал той реакции, которая тут же последовала. Помнится, приходилось читать, что после нокаута один поверженный боксер не мог отделаться от впечатления, что потолок обвалился ему на голову.

Сознание возвратилось довольно скоро, но когда я ощутил в себе силы подняться с мокрой травы, злоумышленника не было и в помине. Окрестности Лешкиного дома были более чем безлюдны.

Убедившись, что все зубы целы, я стал припоминать, что соприкосновению их с кулаком Виктора предшествовало наблюдение, поразившее более, чем неспровоцированное нападение. Я отчетливо вспомнил выражение ужаса на его лице.

Вкупе со зверской ударом это сулило надежды на довольно крупную сумму. Однако для начала необходимо было рационально распорядиться преимуществами времени и места.

Поведение Верочкиного мужа окончательно убедило, что я нахожусь в самой горячей точке таинственной истории, поэтому надлежало незамедлительно воспользоваться отсутствием хозяина точки.

Хотя, признаюсь, мне и присутствие его уже не помешало бы, даже вернись они прямо сейчас с Виктором на пару.

Необходимо отметить, что среди моих скромных талантов имеется один довольно полезный: при помощи несложных приспособлений я могу открыть практически любой замок, не испытывая потребности в ключах. Этим я обязан знакомством с чрезвычайно юной и привлекательной особой с периферии. Она прожила у меня месяца два, совершая регулярные наезды в столицу, откуда неизменно возвращалась, предельно нагруженная предметами потребления, каковые очень скоро таинственно исчезали. Однажды бесследно исчезла она сама, и я как-то не выбрал времени поинтересоваться ее дальнейшей участью. Так вот, в благодарность за кров сильфическое создание раскрыло мне несколько секретов ремесла. Кстати, если я не ошибаюсь, ее тоже звали Мариной.

Мне уже довольно долго казалось, что ожидание некоего Алексея в чистом поле под проливным дождем вредно для здоровья, поэтому без всяких сомнений я решился посетить его жилище. Ничто так не характеризует человека, как его жилье, застигнутое врасплох... Впрочем, ничего особо интересного там не оказалось, кроме связки ключей на гвоздике за печкой.

Конечно же, я и без данной подсказки понимал, что жилое помещение никаких тайн не раскроет, наверняка мой коллега-сторож может хранить что-либо лишь на огороженной территории охраняемого объекта. Лично я поступил бы именно так.

Однако печалило меня другое, мне бы так не хотелось в своем рвении докопаться до уголовно наказуемого преступления, тем более до мокрого дела. Мало того, что сие неприятно чисто по-человечески, в этом случае вопрос об оплате частного расследования натурально отпадал и следовало лишь поскорее уносить ноги.

Усилием воли я заставил себя забыть о цели поисков и приступил к ним как бы из любви к искусству.

Как я уже упоминал, беглый осмотр дома и близлежащего сарая убедил, что искать надлежит в других сферах. Связка ключей, подобно нити Ариадны вела мысль в нужном направлении.

Условившись с собой, что я не стану даже отдаленно представлять, что именно ищу, я методично обследовал самодельный гараж с ямой для мотоцикла, небольшое овощехранилище и подобрался к границе охраняемого участка.

Не оставь хозяин ключей на гвоздике столь легкомысленно, моя задача оказалась бы сложнее, замки были сработаны на совесть.

Без труда я открыл калитку и вступил на охраняемое пространство. Два ключа из общей связки, оставшиеся неиспользованными, красноречиво свидетельствовали, что мне предстоит открыть ещё два замка.

После недолгого размышления я убедился, что две закрытые двери могут таиться лишь в одном здании. То было безвкусное подобие небольшой виллы, сиротливо вопрошавшее о своем назначении среди строительного хаоса. Остов недостроенного здания я положил осмотреть последним, ибо он мог укрывать только мертвое тело, о чем думать не хотелось совершенно.

Двустворчатая дверь маленькой виллы поддалась плавно и легко... Помещение всех трех этажей стояли раскрытые настежь и абсолютно пустые. Я бросил беглый взгляд на подернутую дождем природу из окошка миниатюрной башни на самом верху и, подобно сестрице Анне во время двух её первых попыток, не обнаружил ничего. Окрестности были печальны, мокры и безлюдны.

Оставалась всего одна дверь. По довольно крутой лестнице я спустился вниз и ещё вниз, и ещё раз вниз. Гулкое подземное помещение стояло, погруженное во мрак, рассеять который мне удалось не без труда, столь нелепо размещенным оказался выключатель потустороннего дневного электричества.

Последняя дверь оказалась прямо передо мной. Поворот ключа, ещё один, металлическое щелканье – и я открываю тяжелую, оббитую металлом дверь.

Я вступаю в совершенную черноту дверного проема, делаю шаг... И тысячи искр рассыпаются под сводом моей черепной коробки. Как бы фейерверк, однако далеко не умозрительный, а более чем реальный!

В полной тьме сие впечатлило особенно. Второй удар за столь непродолжительное время несколько исказил восприятие дальнейших событий.

Пощады, любезный читатель, лишь о ней я молю тебя! Позволь считать мой вклад в летопись завершённым и обрати свое благосклонное внимание на труд иного повествователя, чья голова пострадала менее.

Часть третья

Рассказ продолжает основной автор, Екатерина Малышева.

Господи, Боже мой, как все бесконечно запуталось в этой истории! Мне от души жаль писателей, они должны сводить концы с концами в изобретенных ими литературных построениях, но спасает опыт, иначе говоря профессионализм. А мне, злосчастному редактору, видит небо, почти не под силу управиться с бесформенной кучей реальных событий, свалившихся на мою голову в тот печально памятный день!

Кто мне подскажет, с какого момента продолжить рассказ: описывать хронологически свои приключения в подвале или сразу объяснить, каким образом бедный Отче Валентин получил доской по голове?

Да простит меня муза художественной литературы (не знаю, как её зовут и существует ли она в природе), но начну я, пожалуй, с конца. Вернее, с середины.

Ждать пришлось долго... Тихо, как в гробу, было в проклятом подвале и так же темно. Сколоченный на века деревянный стул удобством не отличался, а тяжелая, не ошкуренная доска впивалась в руку тысячей заноз. Но речь шла о спасении жизни. (Так мне думалось, по крайней мере!)

Шумы и шорохи за дверью я расслышала заблаговременно, неслышно влезла на стул, прислонилась спиной к двери и затаила дыхание.

Мелодично звякнул замок, медленно приоткрылась тяжелая створка, темная фигура нерешительно вступила в дверной проем и приблизилась вплотную.

«Ужас какой!» – слабо пискнуло мое цивилизованное сознание, но рука совершила взмах отдельно от него.

Ребро корявой доски очертило полукруг и, как нож гильотины, опустилось на чей-то череп. (Я была в полной уверенности, что это Лешка Лисицин!)

Человек вскрикнул и сел, схватившись за голову. Путь на свободу был открыт. Ну вот теперь я начну сначала, вернее с начала середины.

Я остановилась в предыдущей порции повествования на том, что два события произошли на диво одновременно: я грохнулась коленками на пол и, прежде чем это осознала, услышала, как ключ дважды повернулся в замке за моей спиной.

К своему величайшему теперешнему удивлению прежде всего я стала выяснять в темноте наощупь, целы ли джинсы. Все-таки Ливайсы, «made in USA» и стоили 170 р., вполне по-божески. Плотная материя оказалась в порядке, но под ней огнем горели ссадины.

«Он, наверное, сам сумасшедший. Или попугать меня решил, чтобы отвязалась,» – лениво просыпались мысли, пока я с трудом поднималась в вертикальное положение. – «Подержит тут в темноте, потом откроет и выпихнет вон. Странный парень какой-то...»

Темнота вокруг царилась непроглядная, но, как это неоднократно описано в художественной литературе, глаза постепенно стали привыкать.

Я поняла, что стою в обширном низком помещении без окон и источников света, а в дальнем конце его проглядывалось что-то вроде неосвещенного коридора – тьма там сгущалась особенно.

«Может, это подземный ход», – осенила детская догадка. – «И я выберусь наружу?»

Я сделала пару неуверенных шагов по направлению к черному коридору, и вдруг замерла на месте. Тьма в дальнем углу заколебалась, в отдалении замерцал тусклый дневной свет и нечто темное двинулось по проходу в мою сторону.

Страх как кипятком облил меня с головы до ног, я закричала: нет, не надо! ноги стали ватными и подогнулись.

Наверное, на секунду я упала в обморок, потому что дальнейшие впечатления воспринимала с пола. Пол был холодный, я лежала, растянувшись во всю длину, кто-то поднимал мне голову, а более чем знакомый голос уговаривал почему-то с потолка.

– Катька, да очнись же! Катерина, Малышева, Катька, – бормотал кто-то очень осведомленный.

Далее ко мне вернулось зрение и в дрожащем свете чиркнувшей спички я увидела Верочку, склонившуюся ко мне из темноты. Она была на удивление грязная и всклокоченная.

Я опять закрыла глаза, вжалась спиной в пол и обреченно подумала: «Точно, сошла с ума. Уже галлюцинации начались. А может, это кошмарный сон?»

– Малышева, умерла ты, что ли? – настойчиво продолжала бубнить призрачная Верочка. – Только этого мне не хватало, Малышева, очнись, девушка, у тебя курить есть что-нибудь?

– Есть, поищи в сумке, – ответила я, не раскрывая глаз, но почувствовала себя немного бодрее, поскольку о курящих галлюцинациях ни слышать, ни читать пока не приходилось.

Снова чиркнула спичка и надо мной поплыл приятный запах свежесжаренного табака. Тогда я села и глянула в лицо реальности.

В двух шагах от меня сидела живая Верка, и красноватый огонек сигареты мерцательно освещал её осунувшееся лицо. Прическа у бедняжки была, прямо скажем, дикая.

– И мне дай, пожалуйста, – слабым голосом попросила я.

Верочка отдала мою сумку, я достала сигареты и спички. Теперь мы обе сидели на полу и задумчиво курили.

– Малышева, что всё это значит? – наконец спросила Верочка и заплакала, сквозь слезы прорывался следующий текст. – Я сижу тут в гнусном подвале тысячу лет, на хлебе и воде. Помыться негде, один туалет грязный, сплю на ящиках, холодно, страшно... Мужик этот мерзкий втолкнул меня сюда и всё... Сквозь щелку гадостную буханку сует, и ни слова. Уже почти с ума спятила, читаю газеты день и ночь, ничего не понимаю, хожу наощупь, дверь царапаю, плачу, кричу – и ничего! Теперь ты вдруг влетела, завизжала и лежишь, как мертвая... Малышева, что это?

– Ты, Глинская, странная какая-то, – ответила я Верочке, у нас с детства осталась дурацкая привычка назвать друг дружку по фамилиям. – Человек только из обморока вышел, а ты каких-то объяснений требуешь. Ты, что, серьезно думаешь, что я хоть каплю понимаю? Не больше, чем ты... Я тебя искала, и милиция тебя, между прочим, тетя Аня с ума уже сошла. Виктор даже пропажу оформил и почти что считает себя вдовцом. Я только вчера письмо твое дурацкое получила, ты мне в Керулы такое написала, сам черт не разберет, а оттуда переслали с большим опозданием. И хорошо, что хоть так, а то бы до сих пор не знала, где тебя носит! Получила твою записку и помчалась в Марфино, на деревню к дедушке... Вернее к бабушкам, они меня до Лешки Лисицина довели. Я ему, гаду, твою фотографию показала, а он сказал, что ничего не знает, потом привел в твой подвал и втолкнул, все коленки, кстати, расшибла. А ты тут из темноты вылезла, как привидение... Кто хочешь, заорет и в обморок грохнется.

Из всей моей пространной речи Верка извлекла лишь одну информацию и очень ей подивилась.

– Как это милиция ищет? – возопила она с чувством. – И почему мама с ума сошла? Я ведь в отпуске, в отпуске я... Вы, что люди, совсем у вас крыша поехала? Почему на службу не зашли, не позвонили? Вам бы Маринка Головинская сказала, что я отпуск оформила с того самого числа! Я тут сто лет сижу в одиночестве, хуже, чем у Гарсии Маркеса, но хоть об одном голова не болела, думала, что никто не волнуется! Если бы я думала, что мама с Витькой меня потеряли, то давно сама бы спятила!

Вот это номер! Я совсем перестала понимать, что происходит и задала серию глупейших вопросов.

– Ты, что сама в подвал залезла? Отпуск здесь проводишь, или как? Оформила отпуск, денежки, получила и поехала к Лешке в подвал? Отпуск закончится, Лешка тебя выпустит, ты домой прикатишься: здравствуйте, я в подвале обалденно отдохнула и всем советую!?!

– Ты, Малышева, все-таки глуповата, – с грустью промолвила Верочка. – Я это всегда знала. И я тоже ничуть не умнее...

– Нашла чем удивить, – ответила я. – Были бы мы обе чуть умнее, то сидели бы не здесь, а у меня дома, чай пили бы с тортом. Хороший торт мне Сережа на днях привез, правда, половину, остальное в семью унес, у него девчонки сладкое любят...

– Ну вот здесь, конечно, только про торт и беседовать, – рассердилась Верочка. – Жестокая ты женщина, Малышева, все-таки...

Судя по последней фразе, Верочка начала понемногу приходить в себя, для того, собственно, мы и несли всякую чушь, чтобы побыстрее освоиться друг с дружкой во мраке подвала.

Еще немного побеседовавши о посторонних предметах, а именно: я поделилась с Верочкой соображением, что собралась коротко постричься, а она умоляла этого не делать – обе почти оправились от первоначального шока и оказались в состоянии рассказывать и слушать.

Верочка получила слово первая и поведала вот такую историю.

Через несколько дней после моего отъезда в Керулты ей домой позвонил неизвестный мужской голос и донес, что у Виктора давно имеется вторая семья. Вернее, что она, Вера, вторая, а первая проживает в городе Павлово-Посаде.

Верочка усомнилась, тогда ей предложили самой приехать в Марфино на следующий день и лично переговорить с другой женой. У той к Верочке оказалось безотлагательное дело.

Не стану описывать Верочкино ужасное душевное состояние после этого разговора, только им и может объясняться тот факт, что она послушно потащилась в чуждое ей Марфино, а не потребовала свидания в каком-либо менее отдаленном пункте. Виктору она не сказала ничего – сначала надо было убедиться в справедливости навета, а он (Витька), кстати, мог бы её туда не пустить.

Звонок случился утром, поэтому Вера успела съездить на работу, написала заявление об отпуске с понедельника и попросила некую Марину Головинскую, все оформить, если она (Верочка) в понедельник на службу не явится.

У моей бедной подружки сложился план, который я склонна объяснять омраченным состоянием души: если подозрения подтвердятся, то немедленно подавать на развод и гнать двоеженца в шею, но до этого съездить к нам с Сергеем в Керулты, чтобы успокоить нервы, собраться с духом, а главное, не видеть мерзавца в первые дни, иначе она за себя не поручилась бы.

Один Бог знает, чего ей стоил последующий вечер наедине с мужем. И утро тоже – врагу не пожелаешь! Однако кончились и эти муки, и в назначенное время Верочка приехала в Марфино. На платформе её встретил парень и повез куда-то на автобусе. По дороге он вводил бедняжку в курс дела относительно тайной жизни её супруга.

Примерно такой рассказ. Сестра этого парня, Нина, вышла замуж за Виктора 12 лет назад, у них родилась дочка Галя, они жили то в Павлово-Посаде, то ещё где-то, жить было негде, мать Виктора к себе их не пускала. Нина стояла на очереди у себя на комбинате, но ждать квартиры надо было долго. А Витька тогда уже устроился работать в Москве.

Вдруг однажды он приезжает в Павлово-Посад и говорит Нинке такую вещь. Что познакомился в Москве с девушкой, у той много денег, привезла из-за границы, давай вот что сделаем. Он будто бы потеряет паспорт, потом восстановит его без штампа о браке у себя в Шерстобитово, и будет, как холостой. Он женится, они построят кооперативную квартиру на женины деньги, а потом он с ней разведется и квартиру разменяет. И будут они все жить в Москве, чем плохо?

Сестра Нинка поплакала и согласилась, а куда деваться? Если Виктору что-то в голову зашло, то возражать бесполезно. Так и сделали.

(В процессе гнусного рассказа Верочка была уже на этом свете не жилица...)

Прошло шесть лет. Виктор жил в Москве, но к семье исправно приезжал, вроде бы навещал регулярно старушку-маму. Говорил, что сразу развестись нельзя, а то прописку аннулируют, надо ждать три года.

А тут у Нинки подошла на комбинате очередь на жилплощадь. Ей с Галкой дадут только однокомнатную квартиру, они однополые, хоть Галке и 11 лет, но это для них всё равно, считается, что женщина с ребенком. А если с Виктором вместе, то, конечно, две комнаты. Нинка и решила, что хватит ждать журавля в небе, надо хватать синицу.

(Верочка сильно плакала, но рассказывала дальше.)

Вот они с сестрой и решили, что надо всё рассказать Викторовой новой жене. Хватит в молчанку играть, она жена ненастоящая, пусть не думает, хотя и не виновата. И Виктору довольно жить на стороне и невесть чего ждать, надо возвращаться к семье, к дочери, получать двухкомнатную квартиру. Если не захочет, так его, голубчика, можно упечь за двоеженство, статья есть такая. А лучше всего решить дело миром, так сеструха Нинка думает. Затем они к ней и едут, она сейчас у него живет, приехала нарочно, чтобы с Верой, потолковать, ей документы показать.

Вся в слезах и соплях, Верочка не видела, куда её ведут. Только на лестнице в подвал она удивилась и спросила, зачем это...

Но тут Лешка (она так и не выяснила, как зовут его) церемониться не стал, просто завел ей руку за спину и впахнул в подвал. И дверь за ней закрыл на ключ.

Естественно, никакой сестры Нинки в подвале не оказалось, было темно, как в склепе, холодно и страшно.

Так, ничего не понимая, Верочка очутилась в подвале. Она кричала, стучала в дверь, но всё напрасно. Постепенно она освоила помещение, обнаружила в конце небольшого коридора исправный туалет с раковиной (вода шла только холодная), зато там оказался выключатель и мерзкая лампочка дневного света, хоть не всё в темноте.

Ещё в коридоре была кое-какая мебель, несколько деревянных и картонных ящиков и четыре плотных стопки газеты «Социалистическая индустрия» за 1985 год.

В первый же день заключения Вера забыла завести часы, они, конечно, встали, и бедняжка потеряла счет времени, даже перепутала день с ночью.

Далее жизнь у неё пошла вообще бредовая. Где-то раз в сутки Лешка бесшумно приоткрывал дверь и бросал на пол (вот скотина!) буханку серого сельского хлеба.

Сколько раз Верочка хотела подстеречь этот момент, но никак не получалось, потому что основное время она проводила в санузле, куда принесла старый венский стул, чтобы при тусклом свете читать проклятую «Социалистическую индустрию».

Она очень скоро поняла, что, если не читать, а просто сидеть и думать, то быстро спишь! И спала она там же, в конце коридора на ящиках, почему-то было у санузла не так холодно. Сколько дней прошло с начала заточения, Верочка уже и не представляла.

(Надо отметить: железный у девушки организм, другая бы давно в таких условиях отдала концы.)

Но вот в подвал триумфально ворвалась подруга Малышева и, увидев бедную Верочку, насмерть испугалась и грохнулась без памяти. То-то были для Веры несколько упоительных минут, ей показалось, что подруга умерла на месте.

В ответ я рассказала подробно свою историю, однако ситуация ни на йоту не прояснилась. За каким чертом и по чьему наущению Лешка заманил Верочку в подвал, так и осталось непонятным. С моим заключением туда же дело обстояло несколько яснее. По всей видимо-

сти, Алексей запер меня исключительно с перепугу, чтобы не болталась под ногами со своими слишком горячими догадками.

После продолжительной беседы с Верочкой во мраке подвала у меня начало складываться мнение, что подруга действительно малость тронулась умом, невзирая на «Социалистическую индустрию».

Более всего её почему-то занимал вопрос, существует ли сестра Нинка на самом деле и насколько правдивы Лешкины байки. Мысли у Верочки постоянно вращались вокруг этой темы, почти заслоняя всё остальное.

Я же с самого начала решила, что душераздирающая история ничто иное, как блеф, хорошая приманка для завлечения легковверной дурёхи в Лешкин подвал.

Правда, отменная осведомленность сочинителей о Верочкиной жизни наводила на неприятные выводы, которыми я с подругой делиться не стала, щадя её без того болезненное состояние.

Меня же занимали иные проблемы, более насущные. Прекрасно, конечно, что Верка жива, и я смогла её найти, браво, Малышева! Это очень мило и даже трогательно, но перспективы на будущее рисовались довольно туманные. Теперь нам только и оставалось, что читать «Социалистическую индустрию» вдвоем, но вот только как долго?

Не знаю, сколько времени мы в данных пещерах провели в бездействии, потому что и мои часы остановились после удара об пол. Мы сидели на ящиках, не помню, о чем говорили, а где-то в глубине подсознания стали скапливаться и оформляться неясные поначалу соображения.

На Верочку надежда была плохая, её размышления топтались, как привязанные, возле темы Витькиного возможного двоеженства.

Обдумывая наши злоключения, я припомнила детскую сказку, в которой персонажи по очереди отправляются искать друг друга и начисто пропадают.

Поехала Верочка в Марфино и оказалась в подвале, поехала я её искать и попала туда же. Очень, надо сказать, весело! Сказочные ассоциации далеко завели, я даже произнесла вслух хрестоматийную цитату.

«А кто их из бочки вынет? Бог неужто их покинет»

Потом сама себе и ответила словами другого канонического текста:

«Никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и не герой. Добьемся мы освобожденья...». Вер, как насчет «своею собственной рукой?»»

Верочка откликнулась без энтузиазма.

– Интересно, как ты это предполагаешь? Я уже сто раз думала, но всё глухо, как в танке...

Апатия в Верочкином голосе подхлестнула, и я стала излагать стремительно возникший план. Примерно следующий.

Мы сидим у двери не отходя день и ночь, для того устанавливаем дежурства. При первом шевелении у двери занимаем боевые посты. Как только дверь открывается, производим массированное нападение. Одна бьет подручными средствами по чему попало, другая незамедлительно бросается в дверной проем и заклинивает его своим телом.

Дверь открывается внутрь, ее сразу не захлопнешь. Далее, пользуясь численным превосходством, просачиваемся наружу. Непротивление злу насильем, это, разумеется, весьма достойная позиция, но кончить жизнь в подвале как-то не хотелось бы...

Перспектива активного противодействия злу нас воодушевила и даже подвигла на приготовления. Мы притащили из санузла венский стул и не без труда оторвали занозистую доску от одного из спальных ящиков.

Честно признаюсь, я не очень-то верила в успех доморощенной военной вылазки, но надо было как-то растормозить Верочку, мне совсем не нравилось её душевное состояние. Она тут стала какая-то странная, отчасти заторможенная, что, конечно, не мудрено.

Долго ли коротко ли, но мы собрались с терпением, распределили роли и стали ждать, расположившись походным бивуаком у двустворчатых дверей.

Вот только я не знала, какая из створок откроется. А стукнуть доской я непременно хотела сверху, не полагаясь на силу руки. Однако, эта проблема решалась просто. Верочка точно припомнила, что буханка всегда валялась слева от середины, следовательно, открывалась правая створка.

Мы установили стул вплотную к закрепленной части двери, несколько раз прорепетировали восхождение на него и стали ждать, положившись в основном на провидение. Верочке было назначено держать стул снизу, далее действовать по обстановке.

Сейчас я прекрасно понимаю, что наш план никакой критики не выдерживал, но не сидеть же покорно, как кроликам в капкане, ожидая неведомого конца. Моим девизом всегда было: лучше действовать опрометчиво, чем не действовать вовсе!

Что получилось в результате, я уже излагала. Дверь наконец открылась, я от души взмахнула доской, жертва вскрикнула и сползла на пол, схватившись за голову.

Дверной проем налился тусклым светом, Верочка сделала инстинктивное движение навстречу свободе, при этом венский стул закачался и накренился.

Происходили всё эти события в течение одной секунды. В следующую секунду все присутствующие барахтались в дверном проеме: окровавленный человек в самом низу, на нем непосредственно я с чертовой доской в руке, на мне венский стул, а на верху кучи малы оказалась Верочка.

Протискиваясь ко мне сквозь ножки стула, она шелестела зловещим шепотом.

– Малышева, мы его убили! Смотри, сколько крови! Что теперь будет?

– В тюрьму сядете, конечно, – раздался глухой голос из основания живой пирамиды. – Череп раскроили, феминистки хреновы, в десанте вам служить, а не в конторах!

Интонации голоса и построение фраз показались мне частично знакомыми.

– Слезать с меня будете или слегка повремените? – продолжал знакомый голос. – Удивительно очерствели в наши дни женские души! Сначала эти крошки голову человеку проломали, потом расселись на умирающем, как на диване.

Не без усилий мы избавились от стула, и друг за дружкой поднялись с пола. Насчет проломленного черепа, Валентин, конечно, заливал, мастерский удар только рассек ему кожу на темени. Но крови, действительно, было много.

– Отче, прости меня, – в раскаянье чуть не рыдала я. – Мы же не знали, что это ты, мы думали, Лешка нас убивать пришел.

И отчаянно рылась в сумке, надеясь найти чистый платок.

– И был бы совершенно прав, – ворчал Отче Валентин, зажимая моим платочком рану на голове. – Я, понимаете ли, как последний дурак, лечу на крыльях кого-то там вызволять, невзирая на воскресный Божий день, проявляю чудеса сообразительности и отваги, а милые дамы в благодарность за вызволение из темницы – хватать рыцаря-освободителя поленом по башке! Ты-то, прелестное дитя, как в заточении оказалась?

– Отче, давай все это на потом, а сейчас тебе рану промоем и духами продезинфицируем! Не то умрешь от заражения крови в благодарность за труды! – я продолжала каяться, вид окровавленного друга Вали смущал бесконечно.

Верочка смотрела на нас в полном ошарашивании, я ей не успела рассказать, что приобщила Валентина к её розыскам. Да и помнила она его плохо. Её бедный ум, подточенный многодневным заключением, не мог справиться со стремительной чередой необъяснимых событий. Она впала в ступор.

Первым её состояние заметил Валентин, не к моей чести будь сказано.

– Конечно, милые дамы, – мягко произнес он. – Давайте отложим счета и объяснение на будущее, а сейчас займемся неотложным. Там наверху имеется клозет в довольно пристойном

состоянии, пора заняться обработкой увечий, а кое-кому умыться и потом глянуть на себя в зеркало.

Мы забрали из подвала свои вещички, Валька замкнул двери, и все трое, по мере сил торопясь, поползли по лестнице вверх.

Прощальный взгляд, брошенный мною на покинутое узилище, зафиксировал картину, леденящую воображение и наводящую ужас. Светлая жёсть огромной двери была испятнана кровавыми следами пальцев, на полу обширные кровавые следы и, как последний штрих, окровавленная доска подле двери.

«Не завидую тому, кто заглянет сюда первым», – подумалось по пути из подвала. «– Это зрелище не для слаонервных.»

Валентин уверенно поднимался по лестницам, а мы с Верочкой, как цыплята за наседкой, волоклись за ним. Очень скоро мы пришли в чистенький уютный туалет в конце коридора второго этажа, и Валентин позволил мне заняться обработкой его раны.

Верочка тем временем начала приходить в чувство, поскольку на стене висело зеркало, сообщившее, что вид её ужасен и требует срочных реставрационных работ.

Валентин правильно вычислил: подруга деятельно занялась собою и стала мало-помалу выходить из шока.

Тем временем Валька сидел на подоконнике узкого, как бойница окошка, повернувшись спиной, а я смачивала духами «Дзинтарс» чистые островки на платке и дезинфицировала рану. Зрелище было жутковатое: края раны расходились, даже чуть заворачивались, и оттуда безостановочно сочилась кровь. Волосы на затылке промокли и слиплись.

Неожиданно пациент сделал резкое движение, сорвался с подоконника и оттолкнул меня к стене.

– Не двигаться! – скомандовал он. – К окну не подходить, ждать меня здесь!

И моментально исчез, только дверь за ним колыхнулась. Мы с Верочкой переглянулись в недоумении, но послушаться не посмели. Так и стояли по стеночкам, пожимая плечами. В окно, конечно, хотелось заглянуть дьявольски. Было интересно, что же там Валька усмотрел?

Но не успели мы поддаться искушению, как вернулся Валентин и шепотом произнес.

– Теперь тихо, молча – за мной! И побыстрее!

Мы опять повиновались и на цыпочках проследовали по коридору. Около лестницы Валентин знаком приказал остановиться и прислушался. В обморочной тишине мы все отчетливо уловили, как открылась наружная дверь, потом хлопнула, и кто-то двинулся по лестнице.

Ещё через секунду стало ясно, что посетитель направился не к нам наверх, а вниз, в подвал. Звук шагов становился глуше и отдалённое, один пролет, поворот, ещё глуше...

Валентин выразительно взмахнул рукой, втроём мы бесшумно слетели по лестнице вниз и осторожно просунулись сквозь наружную дверь на свет Божий!

Стараясь не шуметь, Валентин тщательно запер дверь ключом и ещё закрыл на железный засов снаружи.

– Стекол бить он, пожалуй, не станет, а если и станет, то не сразу, – туманно прокомментировал наш военачальник, принял из моих рук окровавленный платок, прижал его к ране на темени и повел нас к выходу с участка.

Последнее испытание подкосило и меня. Не говорю о мыслительных способностях или об усилиях воли, исчезли даже любопытство и элементарный дар речи. Моя пустая оболочка послушно двигалась от огороженного участка стройки рядом с Верочкой, она вообще шла, как сомнамбула.

Мы обе уже отрубались и двигались машинально. Без Валентина мы опустили бы на мокрый грунт и сидели под дождем до второго пришествия. Психические перегрузки превысили наши скромные возможности.

Так в бессознанке мы прошли еще немножко, затем Валентин свернул с тропы, миновал стороной санаторный поселок и вывел нас на шоссе. Там он долго болтался у проезжей части, а мы с Верочкой, как овечки, стояли на обочине.

Тем временем день уплывал, и серые сумерки спускались сверху, как бесшумные большие птицы. По шоссе пробегали быстрые разноцветные огни, это машины зажигали фары.

Сотканный из мрака силуэт притормозил у обочины, плохо видимый Валентин подошел к автомобилю и долго шептался с водителем. После переговоров он сделал нам рукой приглашающий жест, мы послушно приблизились. Одну за другой он втолкнул нас на заднее сидение и назидательно произнес.

– Сейчас поедете к Екатерине, расплатитесь на месте, я пустой, будете ждать меня там. Ты, душа моя, (это Верочке), не забудь позвонить маме и мужу, но сиди там, где я сказал. Сидите и ждите меня хоть до завтра, поняли?

Мы что-то пробормотали в знак согласия, и машина тронулась. По дороге водитель, молодой парень, попробовал развлечь нас приятной беседой, но его старания пропали втуне. Уже в полной темноте нас выгрузили у моего подъезда, я поднялась на лифте за деньгами, отдала их шоферу (сумму не помню...), и далее в памяти случился провал. После него мы сразу оказались в ванной комнате моей квартиры.

Я наскоро приняла душ и сижу на корзине с грязным бельем в пестром купальном халате, а Верочка лежит в ванне с телефоном и мокрою рукой тщетно пытается набрать номер.

Я даю ценные советы крайне утомленным голосом. – Не спи, Веруня, утонешь! Звони тете Ане, если Виктор не отвечает...

– Я ей и звоню,» – слабым голоском оправдывается Верочка. – А не получается, гудка вообще никакого нет...

Наконец, мы сообща набираем правильный номер, и я с расстояния слышу тети-Анечкин голос.

– Дочка, доченька, Веронька! – бедняжка ничего, кроме этого, так и не произнесла.

А потом суфлирую, не надеясь на Верочкино присутствие духа.

– Завтра все объяснишь, приехать не можешь, живая, живая, только сейчас усталая, голая и мокрая, с мокрой головой...

Сама говорю с тетей Аней, пылко клянусь, что Вера только что сюда приехала, даже мне пока ничего не рассказала, живая и совершенно здоровая, завтра с утрачкя прямо к маме, конечно, все объяснит.

Потом опять небольшой провальчик. Сразу после него мы обе в халатах с мокрыми головами сидим в креслах при уютном свете лампы, за окном полнейшая ночь, из маленьких рюмочек тянем коньяк, принесенный однажды Сергеем, в комнате слоями плавает серый дым, и я спрашиваю, вытянув ноги на диван.

– А почему, как ты думаешь, Валька с нами не поехал? Что ему там делать?

Верочка очень резонно, хотя и сонным голосом отвечает.

– Он, может, выяснить захотел, зачем нас заперли. Закрыл этого Лешку в подвале и не выпустит, пока тот всё не расскажет.

Сраженная блистательным объяснением, я не успокаиваюсь и формулирую следующий вопрос.

– А за каким чертом ему это надо? Он бы лучше милицию позвал, а то возьмет Лешка с перепугу да треснет его по башке, вдохновившись моим примером.

– Он, может, и позвал милицию, отправил нас от греха подальше и пошел к участковому, – предположила Верочка.

– Очень ему там поверили, – засомневалась я. – Пришел мужик с разбитой головой и такое стал рассказывать – я бы не поверила ни в жизнь. Не пошел Валентин в милицию, вот на десятку спорю, что не пошел.

– Ну, не пошел и не надо, – тактично соглашается Верочка и сворачивается в кресле клубочком.

– Давай лучше диван разложим, – предлагаю я.

– Давай, хоть поспим как люди, – зевая, говорит Верочка, и обе моментально проваливаемся в сон, забыв о диване.

Проснулись мы уже в белом и розовом дневном свете, разбуженные резким звонком. Нехитрая трель дверного колокольчика так и переливалась нетерпением.

– Я на службу опоздала! – радостно приветствовала я Верочкино пробуждение и как была в халате рванулась открывать Валентину.

В дверном проеме передо мной выросли две мужские фигуры, одна из них полностью заняла видимое пространство.

– Здравствуйтесь, сэры, сеньоры и мсье, – с запинкой выговорила я. – Милости просим, только у меня не совсем чтобы очень убрано...

Я лепила одну за другой пустые фразы для того, чтобы скрыть немалое удивление. Ну ладно, Валентин прибыл, как обещал, но где он раздобыл Виктора, Верочкиного мужа?

Верочкино изумление не уступало моему. Однако трогательная встреча супругов состоялась честь по чести, мы с Валькой посчитали своим долгом на минутку удалиться на кухню, поскольку Верочка почти пустила слезу.

Правда, пасторальная сцена не успела затянуться, поскольку Отче быстренько сориентировался и оживился.

– Полюбуйтесь, я делаю вывод, что наши дамы всю ночь провели в обществе доброго зеленого друга! – сообщил он, пристально глядя на бутылку.

– И накурено, как в конюшне! – без изысков отметил Виктор.

Пришлось срочно выгораживать любимую подругу, брать грех курения на себя, оправдываясь чрезвычайными обстоятельствами.

В ту же минуту стало стыдно за проявленное малодушие (зачем и перед кем я распинаюсь в конце концов, может, Верка с ним завтра разведется), и я покинула смешанную компанию гостей, с тем чтобы позвонить на службу. Рабочий день в нашей конторе уже давно начался.

Хорошо, что Вандочка, младший редактор, оказалась на месте. Я пожаловалась тоном умирающего лебедя на невыносимую головную боль и поклялась, что приду после обеда. В соответствии с неписанным кодексом, Ванда стала умолять побережь здоровье и отлежаться до завтра, она что-нибудь сообразит, если меня против ожидания хватятся. На том порешили, и я привычно порадовалась, как удачно сложились отношения в дружном редакторском коллективе.

Разделавшись со служебными делами, я вскипятила чай, сделала бутерброды, сервировала стол и засела в любимом кресле в надежде, что в течение получаса законное любопытство будет полностью удовлетворено.

Действительность превзошла все ожидания по части криминальной романтики. Дела обстояли гораздо хуже, чем мне, наивной девушке, показалось. Верка была похищена с целью выкупа!

Слово было предоставлено Виктору, рассказчиком он оказался не Бог весть каким, однако я попробую сперва передать смысл, потом переключусь на текст.

Вместо предисловия Витя сделал реверанс в сторону жены и заявил, что если бы она меньше мела языком в Таискиной компании, то ничего не случилось бы, хотя дальнейший рассказ данного предположения не подтверждал. Но это был личный стиль Виктора: громкие обличения, но шаткие для них основания.

Однако, не в том суть, я, а я воспроизвожу Витюшину речь далее почти во всей красе.

...А она, Верка, те-есть, как в всегда хвастается без памяти: заграница – то, видеоаппаратура – сё, кооперативная квартира одно, бывшая «Берёзка» – другое, как соберется куда,

хоть по делу – все бразильские опалы на себя – третье, ну, вот и доигралась, как Виктор всегда и предсказывал!

Кто-то очень умный решил, что они советские миллионеры. Вот этот кто-то и позвонил ей, наплёл с три короба про мужа, а она, видите ли – поверила!

С её же языка все сняли, наговорили на мужа небылиц, и она, конечно, побежала выяснять. Сказала бы ему: так и так, Витя, ничего бы не случилось, он бы сам с ней проехался в это Марфино, посмотрел, кто такие шутки шутит.

Так бедняжка Верочка очутилась в подвале. А ему, Виктору, очень скоро позвонили и поставили условие: пять тысяч – и жена на свободе, если всё останется в секрете. Стукнет кому, или не дай Бог в милицию заявит – прости прощай Верочка, и тела никто не найдет.

Виктору, естественно, пришлось тяжело. Во-первых, это бандиты думали, что у них денег много, а ты попробуй пять тысяч собери, да еще никому не слова...

А во-вторых, как всем объяснить, куда Верка подевалась? Знал бы, что она сдуру даже отпуск успела оформить, так всем и оказал бы: уехала поправлять здоровье.

Виктор этого не знал и прекрасно понимал, что скоро теща поднимет звон: где дочка? Потом Малышева приедет, и пока не подать ей Верку, с шеи не слезет – известно, что настырная девка (комплимент в мою сторону).

И когда они обе вдвоем, теща и Малышева за него взялись, пришлось идти в розыск пропавших и оформлять исчезновение жены. Но там он особенно не старался, чтобы не дай Бог не стали искать и не вспугнули похитителей, ведь явно кто-то из знакомых навел.

Поэтому он и дал понять, что жена могла сама куда-нибудь деться, мол, с нее станется. А сам тем временем лихорадочно собирал деньги. Взял у своей мамы, что отложенное на похороны, что-то продал и наскреб три тысячи.

Бандиты вскорости позвонили и назначили встречу где-то в темном углу, у подозрительного ресторана «Яхта».

Он какому-то типу деньги отдал, и даже не разглядел его в темноте. Остальное обещал отдать чуть позже. Те согласились. Он чуть с ума не сошел, пытаясь раздобыть денег, не продавая Верочкиных бразильских опалов. Ведь не скажешь же никому, он за Верку боялся. Так время и шло.

А тут ещё эти клушки (мы с тетей Аней, надо понимать) начали трепать ему нервы. Теща до того дошла, что стала его, Виктора, обвинять, грозила на него донести, хорошо хоть Екатерина её не поддержала, спасибо и на том. Тысячи собирались туго, сволочи эти торопили, говорили, что скоро им все надоест...

Так было до сегодняшнего утра. Но вот приехал сегодня товарищ, весь израненный (признательный кивок в сторону Валентина), рассказал, что вытащили Верку, и привез сюда. Спасибо, теперь вы нам дороже родных, век с Верой не забудем, наш дом – всегда ваш дом.

Приличествующими изъявлениями благодарности Витюша свой рассказ закончил.

В свою очередь Валентин всё сказанное кратко подтвердил: так оно и было, он Алексея запер в подвале, отправил нас домой и пригрозил тому милицией, если правду не расскажет.

Лешка раскололся, сказал, что это один его друг придумал, у него же, у друга и деньги, назвал адрес. Они ещё с Виктором к другу съездят, деньги, пожалуй, заберут, но тихо, без шума, нельзя таких людей доводить до крайности, может быть хуже. А Верочке надлежит рассказывать, как она отлично отдохнула, меньше разговоров, меньше забот.

Я попыталась заикнуться, а не лучше ли в целях безопасности подключить надлежащие органы, но мужики на меня дружно шикнули, в смысле, что не с дамскими мозгами решать такие дела, обойдутся они без моих ценных советов.

Дело, конечно, хозяйское, однако мои гражданские чувства были оскорблены: налицо преступление, рэкет в чистом виде, похищение с целью выкупа, а им бы только деньги вернуть.

Скорее всего и на Валькину долю отломится, за активное содействие. Тем не менее, я поняла, что мое дело – десятое, и спорить не стала.

Мы ещё малость посмаковали интересные подробности событий, и парочка нашедших друг друга голубков засобирались на выход.

Они хотели заехать к тете Ане, объяснить Верочкину пропажу невинными причинами, чтобы старушка успокоилась, а потом уже окончательно домой.

Итак, чета Согдеевых удалилась, а мы с Отче Валентином остались за трапезой. Я очень хорошо понимала, что помощничек, спаситель и пострадавший ни за какие коврижки не покинет мой дом, пока в бутылке на журнальном столе остается хоть капля коньяка. Зря мы с Верочкой оставили на столе, ну да ладно... Я только спросила с озабоченным видом, когда Отче потянулся к бутылке.

– А с травмой головы не вредно?

– «Хороший коньяк всегда полезен!» – веско заметил Валентин и смело налил нам по рюмке.

Надо сказать, что вид у моего детектива был слегка необычный: задумчиво-решительный. Рана на его темени была аккуратно заклеена пластырем, скорее всего Витюша постарался.

Некоторое, весьма непродолжительное время мы провели в полном молчании, Валенин наливал себе коньяк и быстро опрокидывал рюмку за рюмкой, а я делала вид, что медленно смакую. Недоговоренность между нами присутствовала отчетливо и имела почти осязаемую субстанцию. Тайны висели в воздухе плотно, как табачный дым.

– «Ну что прелестное дитя», – лениво произнес наконец Валентин. – Финита ля комедия, надо понимать, теперь приступим к нашим интимным денежным делам?

– Ещё чего! – нарочито неизысканно сформулировала я. – Тут вранья наполовину, если не больше. История ваша нескладная (заимствовано у бабы Кати Лысенковой). Ты уж прости меня, Отче, но я в подвале просидела недолго, у меня с головой пока всё в порядке.

– Значит, резюмирую, – без удивления ответил Валентин. – Остаток оговоренной суммы мне будет выдан лишь в случае чистосердечного признания. Правильно я тебя понял?

– Ты меня совершенно правильно понял, – решительно заявила я.

– Ну, прелестное дитя, ты быстро взрослеешь, – рассмеялся Отче Валентин. – Уже и до шантажа доросла! А ваше с подругой вызволение из подвала, а зверский удар по голове – это всё бесплатно?

– А как ты туда попал? Почему далее с Виктором на пару? – ответила я вопросом на вопрос и добавила. – Нашел дурочку, понимаете ли...

– Ладно, сдаюсь, – снисходительно согласился Отче. – Неси свои спиртные запасы, только честно, этого коньяка мне – на два слова, а уж в процессе дружеского застолья я кое-что тебе поведаю. Только с условием: сколько горючего, столько и текста – идет?

– Сам ты, Валька, шантажист, – согласилась я, роясь в стенке за стопками полотенец, там стояла у меня почти полная бутылка рижского бальзама. – И гонорар ему, и горючее, обнаглела публика вконец...

– Живут же люди! – обрадовался старый друг при виде редкостного напитка. – Я тебя, прелестное дитя, ещё в магазинчик планирую сгонять, вот только пусть откроется, у меня история, ох какая длинная...

Я согласилась, хотя, видит Бог, какое мне было дело до этой самой истины? Верочка жива, вернулась домой, Валентин действительно вызволил нас из подвала, так плати ему деньги и дело с концом!

Мало приключений на мою голову, так ещё и правду подавай! Вряд ли она будет приятнее, чем рассказанная Виктором страшная байка. «Ибо во многом знании есть много печали» – промелькнуло в голове, но намерений моих библейская цитата не изменила.

Тут я приостановлю плавное течение рассказа и попытаюсь кое-что объяснить. Я не могу назвать точно минуту, когда история, преподнесенная Виктором с Валькиного одобрения, перестала вызывать доверие. Я, конечно, удивилась, увидев их на своем пороге вдвоем, но потом слушала, как завороченная, безо внутреннего протеста.

Недоверие нарастало подспудно, вроде беспричинно, но фразу насчет вранья я произнесла хоть и неожиданно для себя, но с полной уверенностью. Я думала, что слегка преувеличиваю, но, когда сказала «вранье», поняла, что вещаю святую правду.

Всё, что они вдвоем излагали, эта история с похищением казалась логичной, правдоподобной, даже злободневной, но вот соединение двух столь разных характеров на почве данного рассказа выглядело неестественным и фальшивым до крайности.

Хоть застрелите, эти красавцы никак не совмещались в рамках рассказанной истории!

Верочка ещё могла обмануться, она практически не знала Валентина, но отнюдь не я. И приготовилась слушать, смутно догадываясь, как дела обстояли в действительности. Я залезла в кресло с ногами, взяла в зубы Бог знает какую сигарету за утро, и вся обратилась в слух.

Сначала Валентин кратко поведал свою часть истории вплоть до удара по голове (вполне может быть, что легкое сотрясение мозга, нераспознанное вовремя, придало ему творческие силы и определило неординарный подход к делу). Дальнейшие события развивались просто головокружительно.

В тот самый момент, когда я в меру медицинского невежества занималась обработкой раны, Отче Валя без видимой цели созерцал окрестности.

Неожиданно пред ним предстало любопытное зрелище: знакомая фигура приближалась к саκραментальному домику с явным намерением посетить доморощенное узилище. Валентину представилась блистательная возможность отмщенья за нанесенный ему первый удар, вернее за оба!

Со второго этажа он узрел, как Виктор, Верочкин муж подходит к вилле, в подвале которой недавно изнывала в заключении его жена!

Удачно рассчитав время, Валентин вывел из домика оторопевших клуш (это нас), с наслаждением закрыл Виктора в доме и унес ключи с собой.

План дальнейших действий пока смутно копошился в его бедной голове, он спровадил женщин с глаз долой и, торжествуя, направился обратно к месту происшедших и, главное, дальнейших событий.

Восхитительная картина разворачивалась перед Валькиным мысленным взором. Безмозглый бугай, ни о чем не подозревая, спускается в подвал, зажигает свет и видит...!

Он видит множественные следы крови, обагрённое той же субстанцией полено и закрытую дверь подвала. Что может подсказать Виктору воображение, Валентин даже не пытался представлять, сам факт доставлял ему немалое наслаждение.

Не меньшее блаженство охватывало Валентина в предвкушении момента, когда Виктор с воплем ужаса рванется по лестнице вверх, прочь из проклятого подвала и обнаружит, что заперт на месте предполагаемого кошмарного преступления!

– Ты, Отче, оказывается – монстр, – заметила я, выслушав любовное описание всех этих ужасов.

– На Вашей службе, милостивая государыня, невольно для себя преобразуешься, – не остался в долгу Отче, и не без удовольствия продолжил рассказ, полный неприкрытого самолюбования.

С другой стороны глядя, надо спросить: а кто из авторов от этого свободен?

Насладившись созерцанием своих беспримерных деяний, Валентин понял, что пора пожинать их плоды.

Ключи от виллы и от калитки позвякивали в его кармане, а вот ключи ко всем тайнам находились во владении одного человека, сторожа Алексея.

К нему-то и поспешил Валентин, намереваясь произвести обмен ценностей. Материальные на духовные, а впоследствии, может статься, и наоборот, как и везде, тут возможны были варианты.

Уже в полной беспросветной темноте Отче в очередной раз подошел к хибаре сторожа, предварительно слегка заплутавшись, темно стало, да и местность была малознакомая.

Обитель сторожа опять встретила его темнотой и безмолвием, Алексей по одному ему ведомым причинам длил несвоевременное отсутствие. Валентин вошел в дом и, не зажигая света, устроился со всем возможным комфортом.

Нельзя сказать, что ждать ему пришлось долго, но какое-то время прошло. Валентин не стал вводить меня в заблуждение, что провел это время приятно: его одолевали размышления разного рода. Во-первых, он осознавал, что очередной узник виллы может довольно просто вернуть себе свободу – достаточно было разбить любое из окон. А поручиться за его дальнейшее поведение, Отче ни в коем случае не мог.

Во-вторых, его волновала наша дальнейшая судьба в том аспекте, достаточно ли благополучно мы добрались и строго ли следовали его инструкциям. Валентину не хотелось столкнуться с парадоксальной ситуацией: Виктор вырвался на свободу, в отчаянье побрел к семейному очагу и неожиданно обнаружил там вышедшую из заточения супругу, это смешало бы заготовленные планы. Валька хотел владеть информацией монопольно, для чего постарался развести действующих лиц драмы во времени и пространстве.

Третьим предметом беспокойства являлся Алексей. Из наших с Верочкой невразумительных объяснений Валентин уловил, что Алексей был исполнителем, но явно с чьей-то подачи.

Валентин был уверен, что теперь правильно разгадал ситуацию. Валентин предположил, что Верочка была похищена неизвестными с целью выкупа, а муж запуган, находится в курсе дела, но боится за жену.

Бедняга собирает деньги на выкуп, ездит торговаться с похитителями, клянчит, но решительных действий не предпринимает, опасаясь навредить жене.

Когда же в эту затею неожиданно впутался ещё один неизвестный, т. е. Валентин, несчастный муж совершенно обезумел, поэтому и отреагировал неадекватно. Не стал разговаривать с очередным шантажистом, а свалил его мощным ударом кулака.

Потом взял себя в руки, решил вернуться и разобраться, но был заперт и теперь созерцает последствия кровавой драмы в подвале, ничего не зная о судьбе жены.

Немного жестоко, конечно, с ним поступлено, однако в другой раз не станет распускать руки; к тому же такой поворот событий, муж в подвале вместо жены, может пригодиться Валентину в дальнейших действиях. Пусть подождет, пока Валентин не закончит беседу с Алексеем, там будет ясно, что из этого можно извлечь.

Алексеем же деваться некуда, размышлял Отче, расколется, как миленький, и поделится нетрудовыми доходами, вряд ли можно думать, что он предпочтет отсидку.

Алексей Лисицин вошел в свой дом поздно вечером, мокрый и усталый, зажег свет и на диване узрел отогревшегося спокойного Валентина.

Сюрприз Алексею не понравился, тем более что Валентин, разыгрывая роль Мефистофеля, произнес с деланной доброжелательностью.

– Здравствуйте, друг мой. Я к Вам по безотлагательному делу.

– Как вы сюда попали? – злобно спросил ошарашенный Лешка.

– Замки для меня не существуют, – снисходительно пояснил Валентин. – Я рад, что наконец дождался вас, присаживайтесь.

– Кто вы такой, черт вас раздери, что вам нужно? – все более раздражался Алексей, но продолжал обращаться к незваному гостю официально, предполагая худшее, то есть, что мужик здесь по работе.

В отличие от меня, Валентин присутствия духа не терял и проговорил веско.

– Первое, друг мой, совершенно неважно, и должно быть вам безразлично, однако вторая часть вашего вопроса и будет предметом нашей беседы. Присядьте, у меня есть для вас иконографический материал.

Мудреное выражение добило Алексея окончательно, хотя означает не более, чем иллюстрации, фотографии, словом, картинки к тексту. Алексей послушно, хотя и без удовольствия присел к столу и выразил готовность вступить в диалог.

– Я полагаю, что вы не станете отрицать знакомство с некоторыми лицами, запечатленными здесь, – до тошноты церемонно (по моему мнению) начал Валентин, выкладывая на стол Верочкину свадебную фотографию. – Вглядитесь повнимательнее.

Однако, произошло непредвиденное. Алексей с неожиданным проворством выхватил фотографию, затем уставился на запечатлённые лица и вдруг стал невнятно бормотать, захлебываясь и глотая слова. При этом он с силой тыкал пальцем в изображение.

– Это он жених? Он, он... Она его жена? Это их свадьба? И сейчас жена? – в каком-то трансе вопрошал Алексей. Вид его был ужасен.

Валентин очень удивился, вследствие чего произнес небольшое нравоучение.

– На Вашем месте, сударь мой, я бы сначала прояснил семейные отношения интересующих вас людей, и лишь после этого пускался в столь рискованные предприятия. Небрежность в подобных делах неуместна и ведет к неприятным открытиям, как вы смогли убедиться.

Однако Валентин метал бисер обветшалого красноречия напрасно. Клиент пребывал в шоке, поскольку не мог переварить информацию, заключенную в показанной ему фотографии.

Что может быть банальнее свадебного фото? Тем не менее изображение жениха с невестой в положенной униформе и заданных позах поразило Алексея, как громом и молнией. Он перестал бормотать и всецело предался созерцанию, то отодвигая фотографию на вытянутой руке, по поднося её близко к глазам.

«Дельце все усложняется,» – подумал Валентин. «Опять какие-то загадки.»

Ждать пришлось довольно долго. Алексей никак не мог смириться с новым знанием и опять принялся бормотать невразумительный текст, типа: «что же это получается, неужели я всё перепутал, и нет его нигде, что же вышло-то, кошмар, рехнуться можно совсем», и прочую подобную чепуху.

Он даже забыл на минуту о присутствии постороннего лица и обращал свои речи в пространство. Затем рванулся с места и стал шарить за печкой, очевидно, в поисках ключей, но, разумеется, напрасно.

Вдруг Алексей осознал, что в комнате он не один, и совершенно резонно, хотя и полубессознательно, обратился к Валентину.

– Ключи где мои?

– Не надо так волноваться, друг мой, – посоветовал Отче. – Присядьте лучше. Я специально прибыл к вам, чтобы в мирной беседе рассеять все недоумения.

(Я очень сильно подозреваю, что в реальности речь Валентина звучала по-другому. Однако прихлебывая мой бальзам, он становился все красноречивее и невольно приукрашивал задним числом свою часть диалога. Тем не менее считаю своим долгом воспроизводить рассказ как можно ближе к тексту. Е.М.)

Дождавшись, когда в глазах собеседника затеплилась крохотная искорка мысли, Валентин сознался, что ключи от объекта находятся у него и предупредил, что попытка отобрать ключи силой приведет к ухудшению участи Алексея. Далее он объяснил, что в обмен на ключи ждёт полного и чистосердечного признания, детального рассказа о происшедшем, иначе он не замедлит передать ключи куда следует.

Естественно, что в таком случае Алексею тоже придется многое объяснить, но в другом месте, что повлечет за собой последствия, коих Алексей, по всей видимости, предпочел бы избежать.

(Нестерпимо длинными периодами изъяснялся Отче Валентин, но я не прерывала и терпеливо слушала. Е.М.)

Валентин запугивал Лешку по всем правилам, ему очень не хотелось ещё раз подвергнуться нападению, третьему за один злосчастный день.

Долго ли коротко ли, однако Лешка раскололся. У него, собственно говоря, другого выхода не было, потому что с его стороны ситуация запуталась до состояния полного бреда, ключи от подвала лежали в кармане у зловещего незнакомца с разбитой головой, а тот знал слишком много, чтобы от него можно было отвязаться.

Валентин настоятельно попросил меня заключить рассказ Алексея Лисицына в отдельную новеллу и назвать ее непременно следующим образом.

Главный дурак

Жил на свете молодой и глупый малый. Было ему от роду 26 лет, образование у него случилось среднетехническое, а на пропитание себе он зарабатывал, охраняя законсервированную стройку. Молодой человек любил пожить красиво, но возможности к тому имел редко.

Упорный труд ему был тошен, как одному известному литературному герою, однако, в отличие от Е.Онегина, никакие родные наследственных богатств ему оставлять не спешили.

И, как это иногда случается, непреодолимая пропасть между потребностями и реальными возможностями натолкнула юношу на криминальные мысли. Долгое время помыслы оставались мечтами, но, увы, подобные мечтания имеют вредное свойство развращать воображение, что, к сожалению, облегчает путь от пустых грёз к их уголовно наказуемому воплощению в действительность.

Так в свое время произошло нравственное падение еще одного литературного героя, однако, в отличие от Р. Раскольникова, самостоятельного продумавшего и в одиночку, осуществившего знаменитое преступление, А.Лисицын был вовлечен в криминальный замысел другим лицом.

Рассказчик почти уверен, что, не сделай ему некто зловещего предложения, Алексей всё продолжал бы мечтать о налете на сберкассу, ничего для этого не предпринимая, однако судьба распорядилась иначе.

В один весенний день наш юноша познакомился у пивной точки с человеком несколько постарше. Смакуя пиво, они обнаружили, что их взгляды на жизнь имеют много общего, и в дальнейшем продолжили приятельские отношения.

Старший друг пару раз побывал в гостях в Лешкиной загородной резиденции, они приятно проводили время, но тёмная точка неизменно присутствовала на безоблачном горизонте их мужской дружбы – они оба были стеснены в средствах.

И вот постепенно разговоры стали принимать особый оборот: как быстро и без чрезмерного напряжения поправить свои финансовые дела. Поначалу планы имели неясные очертания, но чем дальше, тем больше склонялись в криминальную сторону.

План относительно сберкассы был признан нереальным, но явился пробным камнем для решимости каждого из компаньонов. Стало понятно, что оба зашли в мыслях достаточно далеко и допустили для себя возможность преступить писанные и неписанные законы. Ещё немного они праздно помечтали, но отнюдь недолго.

Однажды старший друг явился к Алексею с реальным предложением. Он сообщил, что в их кооперативном доме проживает довольно любопытная супружеская пара.

В девичестве жена служила заведующей канцелярией в одном посольстве СССР за рубежом, привезла оттуда счет в валюте и всяческую аппаратуру, сейчас оба неплохо зарабатывают переводами с экзотических языков. С ним, т. е. со старшим другом они не знакомы, но одна из соседок по подъезду одинаково плотно общается и с той, богатой женщиной, и с его, друга, женой. Из этого источника взялись детали и подробности, женщины, как известно, болтливы.

План старшего товарища был прост: под любым предлогом привезти богатую соседку в Лешкины края, спрятать её надежно где-нибудь в погребе или в сарае, а у мужа потребовать выкуп, хорошенько ему пригрозив.

Можно было, конечно, проделать криминальные операции с ребенком, семилетним мальчиком, но это гораздо опаснее – его сложнее незаметно довести до Марфино. А во-вторых, в случае похищения сына эмоции мамы непредсказуемы, она может рвануться в милицию, не рассуждая.

К тому же похищение ребенка действительно жестокая штука и в любом случае строго наказуемо, а подобное мероприятие с женщиной может сойти за неудачную шутку или слож-

ность личной жизни. Пускай сначала докажут, что она не приехала к Алексею по доброй воле в результате пламенной любви или вследствие жестокого обращения мужа, тут можно наврать что хочешь с три короба.

Несколько дней друзья потратили на подготовку и шлифование легенды для приманки, пока не остановились на совершенно убойном варианте: со второй семьей. Надо признаться, история была мастерски рассчитана, вовек не придумаешь. Старший друг, однако, признался, что нечто подобное имело место в реальности с одним из его знакомых.

Жертва, естественно, клюнула, примчалась в Марфино, как ошпаренная, и была заперта Алексеем в подземную часть одного из зданий на объекте, кроме него, никому туда доступа не было.

Далее дела у похитителей пошли хуже. Друзья, они же сообщники думали, что операция займет не более недели, но ошиблись.

Старший друг, возложил на Алексея охрану похищенной женщины, а сам вызвался заняться мужем, но его преследовали неудачи.

Две недели подряд он приезжал к Алексею и, страшно бранясь, сообщал, что муж куда-то исчез вместе с ребенком, квартира закрыта днем и ночью, телефон не отвечает. Алексей начал нервничать, выразил желание подключиться к поискам мужа, но друг ему не позволил. Мол, чем меньше народу болтается под ногами, тем спокойнее.

Дни шли, муж не появлялся, несчастная жертва своего легковурия сидела в подвале на хлебе и воде, старший друг настоятельно рекомендовал с ней не общаться. Алексей нервничал всё более, его стали посещать нехорошие предчувствия.

Ещё одна сложность заключалась в том, что связь между сообщниками целиком зависела от старшего товарища. Он приезжал, когда хотел, а пару раз для экстренной встречи вызывал Алексея в столицу телеграммой.

Однажды Алексей с ужасом сообразил, что не располагает координатами друга-подельника, не знает даже его отчества и фамилии.

Женщина в подвале сидит у него, у Алексея, в лицо знает только его. В случае провала шишки автоматически достаются Алексею, а деньгами, если муж жертвы появится и заплатит, будет распоряжаться не он, а старший товарищ. Наш злоумышленник наконец понял, что сам загнал себя в ловушку.

Несколько раз ему приходило в голову выпустить дурочку, и черт с ними с деньгами, свобода дороже, но его останавливало недоверие.

Хорошо, окажет он ей: «иди, куда хочешь», а она возьмет и пойдет в милицию, даже если пообещает не ходить. Алексея она видела, дорогу к его дому найдет – и попробуй объясни, зачем держал женщину в подвале на хлебе и воде. В любом случае состав преступления отыщется. Бедняга Алексей горько пожалел, что ни разу в жизни не видел уголовного кодекса и не знает, чем может грозить разоблачение.

Все эти малоприятные соображения Алексей выложил старшему другу в ближайшее посещение. К Лешкиному отчаянно друг заявил с раздражением.

– Выпускай её, дело твоё, меня она не знает.

Но потом сменил гнев на милость, ухитрился Алексея обнадёжить, пообещал, что достанет мужа хоть из-под земли, вроде бы нашел к нему пути: выпросил через свою жену у соседки, где тот работает, но жена, естественно, не в курсе, поэтому нужно действовать крайне осторожно.

– Ну в конце концов, кому хуже от того, что посидит она в подвале? – спросил старший друг и добавил. – И зачем меня обижаешь? Знаешь ведь, где я живу, в гостях у меня был, коньячок с тобой пили, разве нет? Или ты мне не веришь?

Алексей согласился ждать ещё. Друг уехал и опять канул, а черные мысли к нашему юноше возвратились. В гостях-то он был, один раз вечером, но дома у друга никого не оказалось: ни жены, ни ребёнка, и вообще неизвестно, его ли это квартира.

Телефонов своих он Алексею так и не дал, увернулся. Теперь попробуй найди этот дом и эту квартиру! Шли долго от метро дворами, и в дома там как один – большие, широкие, многоэтажные. Только станцию метро и запомнил Алексей.

Опять потекли дни без новостей. Лешка стал плохо спать и почти потерял аппетит. Иногда вдруг прошибал страх, не дай Бог нагрянет на стройку какая комиссия – что будет тогда?

Потихоньку стала расти злоба, и обращалась против женщины в подвале, все ведь из-за нее, из-за дуры... И денег уже не хотел Алексей, лишь бы избавиться от гнетущего кошмара и зажить прежней беспечальной жизнью.

В черные бессонные ночи всё чаще приходила мысль: если друг обманет, то и Алексей никого жалеть не станет. Бросит кормить её, и дело с концом, а потом сообразит, куда спрятать мертвое тело, даже так.

Скажем, закопает ночью, места вокруг много, народу – мало, не станет он сидеть за чужую вину и свою глупую доверчивость.

(Я сильно сомневаюсь, что Алексей посвящал Отче Валю в секретные полубредовые планы, думается, что Валентин приукрашивал его признания исключительно для красоты слога.)

Однако старший друг-соучастник появился в последний раз сравнительно скоро, и, не заставляя себя упрасивать, сообщил, что дело вроде бы на мази.

Появился муж жертвы, и с ним состоялся разговор. Деньги будут, муж на всё согласен, обещает молчать, умоляет обращаться с женой получше, страшно кается, что так неудачно уехал, и бедняжке пришлось зря страдать. Одна загвоздка: денег наличных сейчас нету, надо продавать аппаратуру и брать займы. Придется подождать.

Дело вроде бы стронулось с мертвой точки, и Алексей проводил друга с легким сердцем. Тот опять исчез и не появлялся уже более недели, однако ждать стало не так тягостно: забрезжил свет в конце преступного туннеля.

Так продолжалось до сегодняшнего утра. Сегодня, часов в 12, едва Алексей пробудился и успел заняться хозяйством, как появилась ЭТА – Лешка ткнул пальцем в фотографию. Явилась и стала утверждать, что его, Алексея видели на станции в сопровождении вот её – он показал на невесту. Алексей сильно растерялся, но взял себя в руки и начисто всё отрицал. Пусть докажут, что видели, и не ошиблись, дело было не вчера. У ЭТОЙ тоже были фотографии, но все в одиночку, такой, со свадьбой, не было.

Алексей от знакомства с изображенной девушкой отказывался, тогда ЭТА начала угрожать, мол, пойдет, куда следует, заговорила про какое-то письмо.

Алексей испугался, затосковал, но ему удалось спровадить в подвал и ЭТУ, ума-то у них немного, известное дело.

Ну, посадил и ЭТУ под замок, чтобы первой было повеселее, теперь-то понимает, что сгоряча, надо было спрятать ЭТУ отдельно, ну, да сделанного не вернёшь. Посадил и горько задумался.

Раз черт принес ЭТУ, то значит, что где-то они прокололись, жди теперь ещё сюрпризов, а нервишки у Алексея Лисицина стали сдавать.

С новой проблемой Алексей сам совладать не смог и без мысли, без плана рванулся наугад в город, срочно искать старшего друга: поделиться новостями и обсудить их сообща. И потерпел сокрушительную неудачу – не нашёл.

Поначалу ему повезло, от станции метро ноги сами донесли его до нужного дома; он поплутал малость, заходил в соседний дом и ещё рядом, но там жили какие-то старушки. Кое-что он, как оказалось, смутно помнил, потом открыл мужик с бородой, и овчарка облаяла. Но

хозяин овчарки по Лешкиному описанию узнал друга, они вместе бегали по утрам, и указал квартиру.

С облегчением Алексей добрался до искомой квартиры, однако в его звонки были встречены мертвой тишиной, пусто было за толстою, солидной дверью.

Алексей потомился, подождал, не дождался и волей-неволей поехал к себе, чтобы угодить в объятия Отче Валентина.

Однако не Валькино появление стало последней каплей, переполнившей чашу его недоумения и ужаса.

Несмотря на все признаки нервного истощения, Алексей мог бы устоять и на этот раз, так что Валентин рисковал в очередной раз подвергнуться нападению, если бы не преподнесенная злоумышленнику свадебная фотография. Она-то Алексея и сразила.

– Понимаешь, – в каком-то трансе бормотал он. – Я не ту женщину привез, только сейчас понял, не ту, как случилось – не знаю, башка кругом идет, нужна была другая, почему никто не заметил, тоже не знаю, но это не она... Этот-то дурак куда смотрел, а у того жена куда же делась – ничего я не понимаю! Обе они, дуры, попропадали, что ли? Может у того с хахалем сбежала, а этот свою в отпуск отправил от греха подальше, и не знает? Или одна вместо другой приехала? Или позвонил я не туда?

Не скоро и с великими трудами ухитрился Валентин наконец добиться от растерянного Алексея, какую тайну раскрыла тому банальная свадебная фотография.

– Это его жена, – наконец признался Алексей и пояснил. – Вот он, Виктор, мой кореш, здесь он жених, а вот она (тут ткнул он пальцем в изображение невесты), она сидит у меня в подвале.

На этом признании надо, пожалуй закончить вставную новеллу, под условным названием «ГЛАВНЫЙ ДУРАК» и вернуться к рассказу Отче Валентина.

Такого оборота событий Валентин не ожидал и поначалу вслед за Лешкой подумал о роковых ошибках и дьявольской путанице...

«Ни хрена себе простенькая житейская история!» – пронеслось у Вальки в голове. – «Прямо пещеры Удольфи какие-то, тётя Аня Рэдклиф в чистом виде, ещё и с рэкетом вдобавок...»

Тем не менее время поджимало, очередной узник пещеры Удольфи мог в любой момент освободиться и наделать непредсказуемых дел, а он вдруг и оказался владельцем волшебного ключика ко всем тайнам, вовсе не бедный простофиля Алексей.

«А может, он давно сбежал,» – с тяжелым сердцем размышлял Валентин. – «Обезумел от приятных зрелищ, навоображал себе окровавленных трупов за дверью и рванул сквозь казенные стекла. Ищи-свищи его теперь...»

Валентин приказал Алексею ждать его в доме и в одиночку отправился на разведку. Алексей покорно согласился ждать, силы покинули его. От злоумышленника не осталось и следа, на Валентина глазами бездомной собаки смотрела недоумевающая жертва.

В наступившей темноте неустанно моросил дождь, по раскисшим осклизлым тропкам Валентин добрался до объекта, отомкнул калитку и, увязая в грязи, в очередной раз подошел к вилле. Тишина и темнота витали вокруг зловещего строения.

«Как бы еще разок по башке не схлопотать», – серьезно подумал Валентин. – «Определенно, это место навеивает на публику агрессивные мысли, каждый так и норовит нанести ближнему удар по черепу. А рука у мальчика тяжелая... Да и здесь ли он?»

Запоры оказались нетронутыми, дверь запертой на ключ. Отче отворил врата импровизированной темницы и, инстинктивно защищая рукой голову, стал наощупь спускаться вниз. На очередном повороте лестницы Валька уловил, что в предподвальнике (так он назвал помещение перед самым подвалом) брезжит свет.

Соблюдая меры предосторожности и по возможности скрытно, Валентин заглянул вниз. Сначала ему показалось, что там пусто – свет горел, запертая окровавленная дверь бросалась в глаза, и орудие преступления валялось всё там же...

Отче распрямился, перестал держаться за голову и по-хозяйски вступил в помещение. Только тогда он заметил в одном из углов сидящую на корточках фигуру. То был, разумеется, Виктор.

– Добрый вечер, мужик! – приветствовал его Отче, однако посчитал нужным слегка припугнуть. – Но предупреждаю – без рук, только без рук. Воронок уже на подъезде, пора о душе подумать.

– Кого убили?» – глухим голосом спросил Виктор, но позы не изменил.

– Вот об этом с тобой и потолкуем, – обнадежил собеседника Валентин и присел на корточки у стены, но не слишком близко к Виктору.

Да, на голове у него красовалась Лешкина кепка, даже это предусмотрел хитроумный Отче, он не хотел преждевременно демонстрировать свои раны.

Несколько секунд они провели молча, собираясь с мыслями, затем Валентин сделал первый выпад в словесной дуэли.

– Как считаешь, дорогой, что там за дверью? (Имелся в виду запертый подвал.)

Виктор промолчал, глядя на окровавленную доску.

– Правильно, не знаешь, но можешь предположить, – продолжал Валентин. – Кто – я, тоже не знаешь, но в данном случае и предположить ничего не можешь. Я прав?

Виктор продолжал угрюмо молчать.

– В отличие от тебя, я знаю достаточно много, – держал речь Отче. – Знаю даже, как тебе выйти из передраги с минимальным ущербом, может быть, даже без отсидки, но сам понимаешь, в наше время знания ценятся очень дорого.

– Что ты можешь сделать? – наконец отверзла уста жертва шантажа.

– За сумму в тысячу рублей мертвые исчезнут без следа, а живые замолчат навеки, оставаясь при этом живыми, – таинственно пообещал Отче и затем добавил. – Я продаю технологию, так называемое ноу-хау. В доступном переводе это знаю, что и как сделать. Уверяю тебя, я действительно знаю. Выбирай, или мы вместе едем к тебе, или я уйду и разбирайся сам.

– Ну хорошо, – тяжело ворочая слова, заговорил Виктор. – Мы едем ко мне, я плачу тебе деньги – а дальше что?

– Деньги ещё не всё, – пояснил Отче. – Плюс к деньгам полная, чистая сплошная правда, и ничего кроме неё. Чтобы вытащить тебя из статьи, на которую ты тянешь, мне нужно знать всё. Пойми, ты платишь мне за помощь, а вовсе не покупаешь мое молчание. А помощь, видит Бог, тебе требуется!

Сколько пришлось Валентину обламывать очумевшего от жутких событий Виктора, никто не помнит, но всё же они договорились. Напоследок, оставляя достопамятный подвал, Валентин не удержался и устроил небольшой сюрприз сторожу Алексею.

Виктор был уже у входной двери, когда Валентин движением фокусника незаметно вынул связку Лешкиных ключей и воткнул её в подвальную дверь.

Мальчику, заметил он, будет невредно обследовать помещение, пусть немного пошевелит мозгами. Если догадается, что окровавленная доска и поврежденная голова Валентина – звенья одной цепи – будет спать спокойно. Не догадается, дело хозяйское, в милицию он в любом случае не пойдет.

Далее они с Виктором, не заходя к Алексею, выбрались на шоссе, благополучно поймали попутный грузовик и приехали к Виктору в гости.

Сразу по приезде Валентин первым делом отключил все телефоны в квартире чтобы несвоевременный звонок не оторвал их от дальнейших переговоров.

На этом животрепещущем месте повествования мой бальзам полностью иссяк, и Валентин приостановил свой рассказ.

– Ты, итак, уже хорош, – я попыталась его отговорить. – Куда тебе ещё?

Но Отче, пьяный уже наполовину, был непоколебим.

– Старик Гомер нуждается в подкреплении сил, – упрямо твердил он. – Бутылка на столе, и я пою дальше; если нет, тайны будут навсегда погребены в измученной груди певца.

Пришлось мне идти в магазин, выстоять кое-какую очередь и отовариться грузинским коньяком за 10.80. – ассортимент в близлежащей точке был небогат.

«Господи, и сколько же в него влезает?» – печально думала я. Тем не менее, никто иной, как Валентин являлся героем дня, а тайны действительно жгли мне пятки.

По возвращении я на скорую руку смастерила обед, мы перекусили, и Отче под бутылку продолжил повествование. Временами казалось, что он просто бессовестно врет, отрабатывая коньяк, но других версий у меня не было, и приходилось довольствоваться единственной доступной. Её я, пожалуй, тоже изложу в виде отдельной новеллы.

Заплативши наглому вымогателю чудовищную сумму (я все-таки надеюсь, что это была его личная заначка, поскольку знаю состояние их семейных финансов. Е.М.), Виктор поведал Отче Валентину такую вот историю.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК НЕКИЙ МУЖ ОКАЗАЛСЯ В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Краеугольным камнем последующих злоключений сего достойного мужа оказалась привычная нам с рождения система прописки.

Никому не нужно объяснять, какую роль в жизни каждого отдельно взятого советского человека играет этот маленький штампик в паспорте, в иных случаях он способен определить жизнь и судьбу.

Родился человек в Москве, и всю жизнь будет полноправным жителем столицы, не прилагая к тому никаких усилий, разве что по собственной дурости утратит наследственную привилегию.

А если ему или ей довелось родиться в любом другом месте, то попасть в столичный город в качестве законного обитателя он (или она) сможет лишь путем трудным и окольным.

О номенклатуре я, естественно, умалчиваю, в тех сферах вершатся иные законы, и веду речь лишь о рядовых жителях огромного Союза.

Ну, что там рассказывать, каждый из сограждан может поведать десяток историй, связанных с пропиской, печальных, возмутительных и плутовских.

Вернемся, однако, к нашему герою. Злосчастная звезда Виктора Согдеева взошла в тот момент, когда волею судеб и родителей он появился на свет в поселке Шерстобитово Московской области.

(Чуть-чуть совсем дальней предыстории. До войны семья Согдеевых проживала в Москве, на Солянке, а в сорок первом, когда немцы подходили к Москве, вместе с родным заводом они эвакуировались на Урал, там Виктор и родился. Семейная история умалчивает, в силу каких причин вернуться в Москву они не сумели, несмотря на пламенное желание. Им пришлось осесть в Шерстобитово на подступах к столице. (Такая история произошла и с маминной двоюродной сестрой, их клан обитает ныне в Салтыковке. Надо понимать, подобные казусы случались в те времена сплошь и рядом. Е.М.)

Но разговоры о том, что они, дескать, природные москвичи, в семье Согдеевых бытовали наряду с мечтами о возвращении на родину предков. Так что к столичному гражданству у Виктора имелось особое отношение. Это, во-первых.

А вот насчет, во-вторых, уже гораздо хуже. Придется признать в сокрушении сердца, что Верочкины подвальные страхи отнюдь не были пустой игрою воображения. Виктор действительно оказался двоежцем.

В бездумные дни ранней юности он опрометчиво женился на девушке из города Павлово-Посада. Она работала на тамошнем текстильном комбинате и жила в общежитии, поскольку выбралась в уездный город из довольно глухой деревушки, где и поныне проживает её старенькая мама.

С жильем у молодой семьи, конечно, была катастрофа. Мать Виктора семью сына не привечала, считала ранний брак ненужной блажью, поэтому переехать к ней они не решались и мыкались то по частным углам, то по общежитиям.

Потом Виктор ушел в армию, жена ждала ребенка, родилась девочка и очень быстро была отправлена на воспитание к теще в деревню.

Когда Виктор демобилизовался, он увидел, что перспективы семейной жизни складываются совсем безотрадны. А у него к тому времени появились некие честолюбивые стремления и приличная специальность.

С устройством семейного гнезда было глухо, как в танке. Очередь на квартиру у жены на комбинате ожидалась лет через десять, не раньше. Дочка жила у бабушки в деревне, жена – в общежитии.

Виктору же чрезвычайно повезло: он устроился на работу в Москве, подмосковная прописка позволяла. Какое-то время они жили невероятным семейным укладом, жена в Павлово-Посаде, дочка в деревне, а Виктор курсировал по маршруту – Шерстобитово – Москва – Павлово-Посад. Естественно, что такая жизнь брачные узы не укрепляла.

А когда у Виктора вдруг появились перспективы с работой, замаячило хорошее место при техникуме в Москве, то он стал подумывать о разводе, семья показалась обузой.

Однако жена (её действительно звали Ниной) в разводе ему категорически отказала и предпочла считаться мужнею женой даже в отсутствии реального мужа. Виктор объяснил, что в связи с новой работой он будет появляться редко, а взять ему семью некуда.

Да и Нина не захотела бы покидать комбинат, где много лет проработала и стояла в очереди на квартиру.

Вот тогда-то, в поворотный момент судьбы Виктор Согдеев встретил Верочку. И понял, что такой шанс упустить невозможно. Эта балда влюбилась в него, как сумасшедшая, ещё бы, полное воплощение девичьих грез!

(Все мы в юности вполне довольствуемся декорацией, принимая её за самую настоящую реальность. Е.М.).

Первый шаг на пути порока Виктор совершил ещё тогда, сказался Верочке холостым. Я думаю, что на мужа некоей Антонины из Павлово-Посада юная, порядочная Верочка, пожалуй, и глядеть бы не стала, задушила бы нежные чувства в девственном сердце.

Но одно дело сказать, что неженат, доверчивой влюбленной дурочке, а совсем иное – действительно стать холостяком для скорейшего совершения брачной церемонии с нею!

Виктор догадывался, что для длительной процедуры развода времени у него нет. Нынче Верочка влюблена без памяти, но через полгода чувства могут остыть, а на горизонте того и гляди появятся другие претенденты. Что немудрено, невеста завидная по всем статьям. Красивая, образованная, с валютным счетом и, что, главное, с московской пропиской.

Пока Витюша был вне конкуренции, та самая любовь, что свободно мир чарует, давала ему преимущества, которые законов всех сильнее.

И, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства (в таком стиле приходится писать особо официальные бумаги), Виктор Согдеев решился на противоправный поступок.

Для начала он пошел в Шерстобитовское отделение милиции и заявил, что потерял паспорт. Его брак был заключен в Павлово-Посаде и особенно в родных краях не афишировался. Наш герой заплатил 25 р. штрафа и получил новый паспорт без штампа о браке.

(Не он первый, не он последний. Моя хорошая знакомая Света Петрухина таким же образом разделалась с брачными обязательствами, опрометчиво взятыми ею на себя в дни безмозглой юности в стройотряде. Партнер Светы по идиотизму скорее всего поступил так же, во всяком случае супружеских прав никогда не предъявлял с момента разлуки. Теперь Светка стала мамашей большого семейства, и обстоятельства первого брака являются ей лишь в кошмарных снах, о чем она меня регулярно уведомляет по телефону.

– Привет, Катюш,» – говорит она. – «Мне сегодня опять тот дурак снился, пришел с милицией и требовал отдать детей. К чему бы это?

На что я обычно отвечаю без особых изысков.

– Наверное, у тебя печень шалит, не увлекайся острым. А то отдала бы ему милых крошек, хоть во сне бы отдохнула.

– И то правда, – соглашается Светка. – А я-то плакала, больше не стану, отдам ему всех, кроме маленького, в следующий раз. Е.М.)

Вернувшись в исходное гражданское состояние, Виктор поспешил сделать Верочке предложение, и она ему не отказала. Счастливая влюбленная чета подала заявление во Дворец бракосочетания. Дело там чуть не сорвалось.

Виктора позвали в коридор и спросили строго, хотя и конфиденциально, с чего бы это ему срочно захотелось жениться о новеньким, едва полученным паспортом.

По всей видимости, такие прецеденты во Дворце случались. Виктор не стал искушать судьбу, вызволил из рук закона свой документ и был таков. Верочке он объяснил, что обнаружил во Дворце перепроизводство бракосочетаний, и ждать придется слишком долго.

Она в очередной раз поверила любимому, и они понесли свои документы в скромный районный ЗАГС города Москвы.

Там по счастливой случайности бракосочетаниями ведала Верочкина бывшая одноклассница, она не стала придираться и сократила срок официальной помолвки.

Далее Верочка с восторгом предвкушала свадебные хлопоты, а Виктор отнюдь без того объяснение с законной супругой в городе Павлово-Посаде.

(Увы, хоть рука и немеет, но придется открыть страницу повествования, где наш герой предстает в особо черном свете. Е.Н.)

Супругу Антонину Виктор бессовестно обманул. Ей он заявил, что намерен вступить в фиктивный брак, прописаться на площади жены, затем развестись с нею и отсудить часть жилплощади, чтобы вселить туда впоследствии Антонину с дочерью.

Никто не знает и не узнает, насколько Антонина супругу поверила, дело совершенно темное. Но она пообещала хранить тайну и ждать. Взамен Антонина потребовала на хранение его якобы потерянный паспорт и выговорила определенное денежное содержание для дочери.

– Нинка, она своего не упустит, – откомментировал Виктор. – Знала ведь, что, если упрется, то я просто разведусь с нею, и дело с концом.

Объяснение супругов было не из приятных, но своего Виктор добился. Маме он сказал, что с Ниной развелся, собирается жениться на москвичке, и запретил матери упоминать о первом браке, дескать, невеста не знает, и не надо.

(Вот так, в изложении Валентина и со слов Виктора выглядела постыдная и печальная предыстория Верочкиного брака.)

Супружеский союз был торжественно заключен, но не обошлось без капли дегтя, тетя Аня категорически отказалась прописывать Виктора на своей жилплощади. Имеется фольклорное выражение, исчерпывающее данную ситуацию: как в воду она глядела.

Сколько было из-за этого скандалов, слез и зубовного скрежета, но тетя Аня оставалась тверже алмаза. Её упорство впечатлило и Верочку, в кооперативной квартире, полученной на Верочкино имя, Виктор опять же прописан не был. Эта мелкая деталь сильно осложняла их семейную жизнь и служила очагом раздражения, но чем больше упорствовал Виктор, тем больше боялась Верочка. Ей начинало казаться, что в упорстве мужа кроется задняя мысль, а меньше всего на свете ей хотелось стать жертвой банального брачного надувательства с целью прописки. Мертвый узел.

(Естественно, ничего подобного Валентин не рассказывал, история в течение семи лет разворачивалась на моих глазах. Е.М.)

Здесь я, пожалуй, закончу первую часть вставной новеллы, но продолжение следует.

Пока рассказ Валентина о квартирных злоключениях Виктора дошел до указанной точки, день прошел и наступил вечер.

Отче успел вздремнуть на моем диване, потом, не слушая робких возражений, отправил меня за очередной бутылкой, но уже чего-нибудь попроще.

Хитроумный Отче сообразил, что мое любопытство станет неиссякаемым источником горячительных напитков, поэтому он мастерски приурочивал кульминационные моменты рассказов к концу очередной бутылки.

Я бесилась, но бегала в винную лавочку, благо, что недалеко, продавщица прониклась ко мне дружескими чувствами и только понимающе подмигивала, протягивая очередную бутылку, такова, мол, наша женская доля.

А тут еще объявился Сергей. Сначала он звонил, просился в гости, я говорила, что нездорова, потом, что занята. Тогда, на правах старинного друга дома, он прикатил собственной персоной, чтобы посмотреть, какие занятия мешают мне увидеться с любимым человеком.

Можете себе представить, что он увидел. Валька как раз спал... Тысяча и одна ночь!

Надо отдать Сергею должное, он не думал меня ни в чем подозревать, напротив, посочувствовал.

– Открыла сыскную контору на дому? – осведомился он.

Конечно, я похвасталась, что вот, представь себе, нашла-таки Верочку, но нечаянно при этом задела невинного человека доской по голове, теперь искупаю вину. И объяснила, что Валентин не какая-нибудь подзаборная пьянь, а отпрыск известной дворянской фамилии.

Наследник дворянской фамилии тем временем продрал глазки, срочно познакомился с Сергеем, а меня как раз послал прогуляться за чем-нибудь попроще.

Сергей хотел съездить сам, но Валька объяснил ему, что мне необходимо пройтись для моциона. Хамство, все-таки.

Любые мои возражения он отметал фразой тщательно продуманной фразой.

– Раны, нанесенные прелестной рукой, ещё кровоточат...

Когда я вернулась из магазина, Валентин в сжатой форме излагал Сергею историю наших приключений, по-моему, совершенно зря. Мне лично казалось, что данная история вовсе не нуждается в коллегиальном обсуждении.

Но надо знать Рыжего Вальку. Ещё со времен юности у него осталась прескверная привычка автоматически превращать любое место своего пребывания в некое подобие гусарского бивуака: толпятся люди, льется спиртное, роятся и текут неправдоподобные истории, все приходящие включаются и вносят лепту в развеселый стиль бытия. Сергей, конечно же, подпал под чары.

Они сидели, пили, курили, обсуждали события со всех сторон, а я бегала на кухню, меняла приборы, готовила закуску, вытряхивала пепельницы, и само собой кипела от злости.

Выдавать информацию Валентин, разумеется, прекратил, вместо этого красочно описывал, как я с дьявольской жестокостью раскроила поленом ему голову и бровью не повела. Рассказ был рассчитан на аудиторию, а именно на Сергея со следующим подтекстом: вот тебе

кажется, что это нежное трепетное существо, а на самом деле – совершеннейший крокодил. (Смутно помнится, что примерно так выражался один из чеховских героев раннего периода творчества, когда классик звался Антоша Чехонте.)

Ещё немного и я попросила бы джентльменов покинуть помещение и продолжать беседу в другом месте. Бог с ним, с Валькиным рассказом, ему уже не до того, а я не согласна на его постоянное присутствие, и кошелек у меня не бездонный.

Однако, как ни пьян был Валентин, но ситуацию он вычислил и заявил, что в гостях хорошо, а его ждет служебный долг, к тому же бедные четвероногие друзья со вчерашнего утра не кормлены, что надрыгает его любящее сердце.

Отче поцеловал мне ручку на прощание (жест явно был спровоцирован присутствием Сергея, за Валькой отроду такой галантности не водилось, во всяком случае по отношению ко мне) и сказал проникновенно.

– Прости меня, прелестное дитя, я тебе потом дорасскажу, заодно и рассчитаемся, не правда ли? Не страдай, наша разлука ненадолго.

Загоревшийся пламенной дружбой Сережа вызвался довезти Валентина до вокзала. Они отбыли, а мне хватило работы до ночи: мыть, чистить, прибираться.

Звонила Верочка из дому, звонила тётя Аня, явно неудовлетворенная объяснением, а я в процессе уборки всё мучилась сомнениями: в какой мере любимой подруге нужно знать правду, и нужно ли вообще?

К тому же Валентин не открыл самой главной тайны: зачем всё-таки бедняжку заперли в подвал и держали так долго? И кто, собственно, это сделал?

Ну, ладно, Виктор мерзкий двоеженец, но почему из того следует отсидка одной из жён в подвале и дальнейшие перипетии кровавой драмы? Может быть, первая жена Виктора посадила соперницу под замок? Но с какой целью?

Нет, явно не ко времени явился любимый человек Сережа и сбил Валентина с толку! Без него я бы вытянула из Отче всю правду, даже если бы пришлось прогулять ещё день и влить в Вальку запасы винного магазина!

Наконец я завершила тяжкие праведные труды, квартира приняла более или менее пристойный вид, а я с чувством исполненного долга полезла под душ, намереваясь после него отбыть в объятия Морфея. Но не тут-то было...

Прямо из-под прохладных струй меня вытащил Сергей. Понимаете ли, он посадил новоиспеченного друга на электричку и осознал, что в таком виде ехать домой опасно для жизни. Ко мне, конечно, не опасно.

Он ещё звонил от меня домой и многословно лгал Регине, что заехал к другу за город, там они немножко посидели, и не ехать же ему теперь по темноте. Слушая его бестолковое вранье, я проникалась сознанием преимущества своего незамужнего положения и сочувствием к Регине. Мне не надо делать вид, что я ему верю.

А Регина мне потом сообщит, что, знаешь, Родичев опять загулял, звонил неизвестно откуда посередине ночи, лыка не вязал, допрыгается как-нибудь, отберут у него права или что похуже.

Наутро мы, конечно, опять проспали, и на службу я явилась с опозданием, причем спонтанно угодила в самый эпицентр редсовета. С ходу пришлось ещё и выступать.

Правда, меня выручил профессионализм, по делу я могу прилично говорить из гроба, не то, что спросонья. Пришлось срочно включиться в работу, и я пошла вкалывать, как бульдозер, потерявший управление.

К вечеру мои невероятные приключения стали экзотическим воспоминанием, и тайна Верочкиного заточения перестала терзать воображение.

На то, что Валентин скоро возникнет и разъяснит, я не очень надеялась, хотя знала, что рано или поздно он явится за гонораром, вот тогда я у выведаю тайны и секреты.

Любопытство впало в анабиоз, так бывает, когда читаешь в журналах (а не по долгу службы) захватывающий роман. Остановишься на самом интересном месте, законсервируешь эмоции и ждешь следующего номера.

Ждать мне пришлось целых две недели. На службе дела тем временем подвалили в солидном объеме, так что дни и недели прошли для незаметно.

В моем ведении появился новый автор, вскоре ставший для меня Ленечкой, тридцатилетний небожитель, сохранивший на грешной земле замашки идеального положительного героя, напроць не существующего не только в реальности, но и в литературе.

Его рукопись меня очаровала, а его стиль общения, изысканный, старинный и рыцарский – добил вконец.

Естественным следствием приятных эмоций стало то, что весь труд нелегкого прохождения рукописи по всевозможным инстанциям я взвалила на свои хрупкие плечи и волокла, как ломовая лошадь, сквозь зубодробительную издательскую машину.

Почему-то графоманы с именем (иногда довольно известным) в подобных трудах не нуждаются, они летят к финишу стремительно, как шары в кегельбане, и ещё огрызаются на дерзкого редактора, которому взбрет в голову внести крупицу логики или, скажем, вкуса в их бредовые писания.

Ленечкину рукопись, конечно, долбили и клевали со всех сторон, мне приходилось принимать удары на себя, чтобы уберечь нежную душу творца для грядущих свершений.

В виде последнего средства я взяла ответственность на себя, и дело пошло веселее. Если случится успех, то лавры достанутся издательству, в случае провала или даже незаметного отсутствия явного успеха, шишки посыплются на меня и будут больно колотить по неумной голове.

Правда, нужно заметить, что провалов у меня ещё не случалось, и вещи, за которые приходилось бросаться на амбразуру, того стоили, есть все-таки интуиция у этого редактора.

Прелестный Ленечка, конечно, ни о чем подобном не догадывался и пребывал в уверенности, что его дела идут естественным путем, а добродетель сама себе награда. Я его не разубеждала, и у нас сложились редкостные братские отношения, не только я, но и он смотрел на меня, как на брата.

И вот, в один уютный вечер пятницы, когда мы с Ленечкой по-родственному выясняли отношения вокруг его рукописи у меня на кухне, раздался неожиданный звонок в дверь.

Я думаю, что появление Валентина, даже и не совсем трезвого – ценный подарок любому литератору, тем более что Отче сидел тихо, как мышка, пока мы с Ленечкой наскоро доругивались, и возвысил голос лишь тогда, когда соглашение было достигнуто.

Валентин даже имел наглость ознакомить Ленечку со своей точкой зрения на предмет, объявив редакторов, в том числе присутствующих, мерзкими стервятниками, рвущими куски живой плоти, паразитами на белом теле отечественной словесности и т. д. и т. п.

Рыцарственный Ленечка безусловно ринулся на защиту лучшего в мире редактора, к тому же прелестнейшей дамы, которая...

Тогда Отче развернул орудия на 180 градусов и призвал меня не попадаться в сети грубой лести и корыстного подхалимажа, видного невооруженным глазом.

Ленечка видел Валентина впервые, поэтому испытал некоторое смущение. Когда же Валентин по привычке назвал меня «прелестное дитя», Ленечка засомневался в безгрешности наших отношений и бросился собирать раскиданные бумаги, бормоча, что ему, мол уже давно пора. Бедняга даже захотел оправдать свое присутствие деловыми причинами, чтобы не вызывать законной ревности Валентина.

Вот тут Отче и отколол последнее коленце. Он встал в третью позицию и произнес совершенно гнусным тоном чудовищную тираду.

– Полно, дружище! Ты глубоко заблуждаешься! Я эту фею знаю десять лет и хоть бы раз увидел в ней женщину, – тоном дружеского участия заявил Валька.

В действительности Отче выразился гораздо грубее, и в том же стиле присовокупил, что ничего не имеет против, даже готов приветствовать наши с Ленечкой взаимные чувства в любом их проявлении.

Впечатлительный Ленечка смутился до столбняка и пулей вылетел вон. Я еле успела извиниться за непристойное поведение старого друга и назначить следующее деловое свидание. Когда, разъяренная, я вернулась на кухню, Отче невозмутимо заметил, жуя бутерброд.

– Этот мне нравится больше, рекомендую. Тот тоже ничего, но больно уж зауряден, а в этом есть колорит...

– У тебя тоже колорит: слегка выбрит и пьян до синевы, – в сердцах я вспомнила анекдот о том, что джентльмен должен быть выбрит до синевы и слегка пьян, а кто-то перепутал. – Это автор, понимаешь ты, автор, мне, с ним работать...

– И я о том же, – согласился Отче Валя. – Надо совмещать приятное с полезным, к тому же один роман вовсе не исключает другого, в этом есть своя прелесть.

Я запустила в Вальку парадным блюдцем, и мы едва не подрались.

– Ладно, целомудренная весталка, – в конце концов успокоил меня Отче. – Живи с кем хочешь, хоть со всеми сразу, дело хозяйское, а я остаюсь у тебя ночевать. Завтра с утра придет твой основной друг, и мы совершим загородную прогулку в его авто. Кстати, мелкие фотографии, 6 на 4 у тебя имеются?

– За-зачем тебе? – заикаясь, пробормотала я, совершенно ошарашенная и залитая потоком информации.

– Надо, – лаконично ответил Отче. – Иди и ищи, а потом ставь чайник. Заварить свежий чаек тоже не возбраняется. Литератора, небось, кормила и поила, а я важнее, я – кредитор.

Мы покинули кухню, Валька развалился на диване, пока я рылась в секретере. Мелкие свои фотографии с чудовищным изображением я всё-таки нашла, отдала Отче Валентину и пошла на кухню, организовывать ужин кредитору.

«Совсем обнаглел Отче,» – размышляла я на кухне. – «Распоряжается, как у себя дома, договорился с Сергеем за моей спиной, куда-то нас повезет, зачем – неизвестно. И этот красавец – туда же... Я бы не допросилась, как же, бросит он семью в выходной, поедет жечь бензин к черту на рога, а для Вальки – пожалуйста! А я, собственно говоря, к родителям собиралась, сто лет у них уже не была, так нет же. Валька скомандовал – и все понеслись...»

Возмущаться я могла сколько угодно, но протестовать и не думала. Было ясно, что в поездке я докопаюсь до истоков всех тайн и преступлений против наших с Верочкой личностей.

И к тому же Отче... Я как-то не заметила, что он изменился. Месяц назад я нашла в Хлебникове занюханного, почти пожилого мужичка, даже испугалась, а сейчас в моем доме появился иной Отче – посвежевший, ядовитый, деятельный, обретший прежний блеск и диктаторские замашки.

«Ему бы настоящее дело,» – мысленно сокрушалась я. – «Все бы закачались, так нет же, такие способности пустить псам под хвосты!»

Наконец я торжественно сервировала чай на журнальном столике и пригласила кредитора отужинать.

– Гляди-ты, – глумился Валентин. – Сегодня нас принимают не хуже, чем беллетриста. Мои акции в этом доме сильно пошли вверх. Неужели нечистая совесть тому причиной, и душу хозяйки дома гложут угрызения по поводу едва не свершившегося убийства посредством доски? Или вдруг очнулись забытые чувства дружества; бывали ведь времена, когда громко рыдал на моей груди, оплакивая пустяковые девичьи горести. Было такое, а прелестное дитя?

– Было, до самой смерти не забуду, как ты меня утешал! – припомнила я. – У меня сердце разбилось на мелкие кусочки: любимый человек женился не на мне, белый свет стал не мил, а что ты советовал?

– Я, кстати, давал ценные житейские советы, а именно, поскорее найти себе другого, и даже предлагал кандидатуру, – отозвался бывший сводник. – Скажи спасибо, что не свою, такое благородство надо ценить.

Еще немного мы поплескались в глубинах бывшего и сплывшего, но вскоре вынырнули, чтобы пристать к топким берегам современности.

– Мы поедem завтра в достославный город Павлово-Посад, – объявил Отче, а я несколько не удивилась.

Методом исключения остальных вариантов я еще на кухне догадалась, что иных загородных маршрутов как-то не предвидится. Не к Алексею же нам, в самом деле ехать, он нас вроде бы не приглашал.

Непонятным казалось лишь одно, зачем в городе Павлово-Посаде потребовалось мое скромное присутствие? Я как-то не видела нитей, связующих меня с предшествующей супругой Виктора. Естественно, что я не утерпела и спросила.

– А я там зачем?

– Имей терпение, прелестное дитяtko, – осадил меня Отче и добавил для разъяснения. – Все учтено могучим ураганом, скоро догадаешься, я надеюсь.

Остаток вечера, на сон грядущий Валентин рассказывал, а я слушала вторую часть злоключений Виктора Согдеева, Верочкиного мужа.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О ДВОЕЖЕНЦЕ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Почти семь лет Витюша прожил, обремененный двумя семьями. К жене Антонине он приезжал изредка, привозил деньги, заначенные от Верочки, выслушивал нелестные суждения о себе и справедливые упреки касательно разбитой жизни, кое-как Антонину обнадеживал и с облегчением возвращался к столичной жизни и семье.

Насчет совести ничего не знаю, никто из рассказчиков о ней не упоминал.

Постепенно Виктор отвыкал от прежней семьи, видел дочь всё реже и от души пожелал бы Антонине нового замужества, не будь это связано с трудностями бракоразводной процедуры лично для него.

Однако, сколь веревочка не вейся, а конец должен обнаружиться. Он и всплыл весьма неожиданно этой весной.

Антонина наконец достоялась в жилищной очереди, и на горизонте показалась долгожданная квартира. В процессе сбора документов ей разъяснили, что им с дочкой дадут однокомнатную квартиру, но если приложить документы мужа и приложить заявление, что прописываешь и его, то возможно получить двухкомнатную квартиру в новом доме. А уж будет он жить там или нет, дело десятое, сообщила Антонина.

За семь лет фактической разлуки она поняла, что о семейной жизни с Виктором в Павлово-Посаде мечтать не приходится, а о разводе с фиктивной женой и переселении в Москву надо вовсе забыть.

Будучи женщиной весьма неглупой, Антонина желала лишь одного, двухкомнатной квартиры для себя и дочери, в чем была, конечно, совершенно права.

Она срочно вызвала Виктора в Павлово-Посад и потребовала, чтобы он собрал документы, выписался из Шерстобитово и шел с ней в местком оформлять двухкомнатную квартиру, где они якобы заживут настоящей семейной жизнью.

На свою беду Виктор как-то сознался ей, что в новой квартире новой жены он пока не прописан, вроде бы они хотят совершить обмен с чьей-то мамой, или что-то в этом роде.

Таким способом он отвергал претензии Антонины, что он, вопреки обещаниям не развязался с фиктивным браком и не перевез семью на отсуженную площадь.

(Виктор подозревал, что Антонина давно поняла, насколько лживым было обещание, но не упускала случая напомнить, что она ждет много лет.)

Но когда в видимости появилась реальная квартира из двух комнат, Антонина отложила шутки в сторону. В серьезном разговоре она заявила бывшему мужу, что он жизнь им с дочкой испортил, замуж она выйти по его вине не может, так пусть хоть что-то для семьи сделает, для начала соберет документы в Шестробиново и выразит принародно готовность прописаться в Павлово-Посаде.

Виктор отлично понимал справедливость отнюдь не чрезмерных требований, но для него это означало полное крушение мечты. Хоть паспортов он имел две штуки, но, увы, выписаться из Шерстобиново мог всего один раз.

И эту единственную возможность Виктор желал приберечь для московской прописки, надеялся в туманном будущем уломать Верочку. Поэтому притязания Антонины были неприятны, они шли вразрез с его личными планами.

Виктор попытался было увернуться, но дошедшая до крайности Антонина пригрозила немедленным разоблачением. Не перед законом, плевать ей на законы, да и материальной помощи ей лишаться не хотелось.

Однако на сей раз Антонина заявила, что разыщет новую жену Виктора и кое-что ей разъяснит, особенно насчет фиктивного брака, развода и судебного раздела площади. Виктор догадывался, как Верочка может отреагировать на такие новости, и ему было несладко.

Как мог, он успокоил Антонину, пообещал что-нибудь придумать, вроде бы согласился помочь. Валентин заметил, что в этом пункте рассказ Виктора стал невразумителен. Крутой, должно быть, состоялся разговор между бывшими супругами.

Как бы то ни было, Виктор оказался в отчаянном положении. Он сознавал свой долг по отношению к бывшей семье, однако не желал терять надежды на московскую прописку и отдавал предпочтение своим интересам.

Выход он видел для себя один, срочно оформить прописку в Москве с тем, чтобы Антонина не могла на него притязать. Известно, что на нет и суда нет.

Для начала Виктор в очередной раз попытался склонить Верочку. Приступал он к делу и по-хорошему, и по-плохому, становился в позу, пытался жену уговорить, что-то логически доказать, но все напрасно, нужных слов он не нашел, Верочка осталась при своем.

Она твердила давно отшлифованные временем доводы:

а) Чем тебе плохо так?

б) Зачем нам терять право на вашу двухкомнатную квартиру в Шерстобиново?

в) Со временем мы сможем обменять две квартиры на большую трехкомнатную в Москве!

Даже последний отчаянный аргумент Виктора: «А что будет, если ты завтра под машину попадешь? Разве оставят Сашку одного в двухкомнатном кооперативе?» – не возымел действия. Верочка попадать под машину не собиралась.

Именно в тот момент возникли контуры будущего криминала. Мозговые извилины Виктора Согдеева, непривычные к перегрузкам, вдруг заработали в аварийном режиме и выдали отчаянный, не лишенный остроумия план.

Вот Верочка исчезает, скажем, на месяц, что будет тогда? Убитый горем супруг оформляет пропажу жены в соответственной организации, затем идет в другие инстанции и пытается оформить себе прописку, чтобы сохранить за собой квартиру. Почему бы и нет?

Если ему идут навстречу, дело сделано. В отсутствии Верочки он прописывается в, далее едет к Антонине и говорит: «Извини, дорогая, ты не можешь требовать, чтобы я был прописан в двух местах!»

Антонина, конечно, рвет и мечет, но сделать ничего не сможет, даже заявлять и разоблачать не станет, сообразит, что дела не поправишь, а материальной поддержки можно запросто лишиться.

А случае, если ему в прописке откажут, Виктор сдержанно и с достоинством объясняет очень скоро вернувшейся Верочке: «Вот видишь, дорогая, как может обернуться твое глупое упрямство. Случись что с тобой, я и ребенок останемся без крыши над головой.»

Само собой, что Верочка не устоит и добровольно пропишет мужа, доказательство его правоты окажется вполне убедительным. Далее прописка оформляется, он едет к Антонине чуть позже и предъявляет ей паспорт с теми же последствиями (см. выше).

Понятное дело, что для воплощения в реальность паспортно-прописочных грёз требовалось как минимум исчезновение Верочки. Как долго складывался преступный план и какие имел варианты, история умалчивает, Виктор тоже не рассказывал.

Был ли он ранее знаком с Алексеем Лисицыным, или тот удачно подвернулся к почти готовым зловещим приготовлениям, науке неизвестно и не интересно.

Главное, что стовор состоялся, введенный в заблуждение Алексей Лисицын заманил Верочку в подвал и держал бы там уж не знаю сколько, не вмешайся мы с Отче Валентином.

Исполнение преступного замысла тормозила и тетя Аня, надеюсь, никто не забыл её намерение пойти в прокуратуру и заявить, что исчезновение дочери – дело рук её мужа.

(Правда, не получила бы я с опозданием сумбурного письма от Верочки, ещё не ясно, что могло произойти. Однако, к рассказу Виктора это не имеет отношения. Е.М.)

С точки зрения преступного мужа дело складывалось весьма удачно. До того момента, как в воскресенье ему позвонил неизвестный и заявил, что знает, где искать пропавшую жену. Когда инкогнито назначил свидание в Марфино, Виктор решил, что Лешка его продал с намерением или без оного.

Недолго думая, Витя рванулся в Марфино, чтобы выяснить у Алексея, что сей сон значит. Конспиратор из него вышел весьма так себе, и он привел Валентина к Лешкиному дому.

Хозяин прискорбно отсутствовал, бедолага перед этим спровадил в подвал следующую жертву и поехал к Виктору советовать. Вместо Лешки из мокрых кустов появился неизвестный (Валентин) и произнес фразу, означавшую, что Виктор разоблачен.

Рука у Вити сработала быстрее, чем соображение, он сшиб незнакомца с ног, затем скрылся в неизвестном направлении и в расстройстве чувств.

Виктор добежал пешком почти до станции, но, видно, свежий деревенский воздух просветлил его сознание и стимулировал мозговую деятельность. До него дошло, что не всё потеряно. Тогда он решил предпринять прогулку по окрестностям и в пути поразмышлять.

Вид поверженного незнакомца, его манера действовать и лексикон подсказали Виктору, что разоблачения носят частный, а не государственный характер. Проще говоря, что Виктор имеет дело не с милицией, а с Лешкиным дружком-собутельником, проникшим в тайну и пожелавшим примазаться.

После освежающей прогулки Виктор понял, что ему следует вернуться, вникнуть в ситуацию, попробовать договориться о неизвестном или дождаться Алексея, словом, не паниковать, а действовать.

Так он и поступил, но по возвращении к Лешкиному дому не застал там никого. Пусто и тихо было вокруг сторожки, ставшей средоточием тайн и зла!

Тогда Виктор задумал пойти и убедиться, хотя бы в том, что доморощенная тюрьма не пустует. Что-то делать ему было решительно необходимо, иначе рассудок не вынес бы напряженного ожидания. Виктор хотел пойти и убедиться, закрыты двери в подвал или открыты.

Причиной послужила внезапная догадка, что Алексей, стакнувшись с кем-то, предал его, перепрятал узницу в другое место, чтобы увеличить свою долю при дележе выкупа.

(Когда человек долго обманывает окружающих, не удивительно, что особого доверия он к обманутым не испытывает. А с беднягой Алексеем Виктор поступил, пожалуй, даже хуже, чем с женой Антониной. Не знаю, собирался ли он с соучастником расплачиваться, мог просто кинуть. Е.М.)

Виктор благополучно добрался до узилища, хотя бывал там всего один раз, обнаружил, что внешняя дверь открыта, и с дурными предчувствиями стал спускаться вниз.

Там его ожидало зрелище не для слабонервных: закрытая, заляпанная кровью подвальная дверь и окровавленная доска на полу.

Язык Верочкиного мужа никогда не отличался особым богатством, поэтому тщетно мы стали бы ждать описания его душевного состояния. Он кратко заметил, что охренел окончательно, взбежал вверх по лестнице и к своему ужасу выяснил, что в свою очередь оказался заперт.

После этого силы Витюше изменили, наступило сумеречное состояние души (лексика моя – Е.М.), он спустился в проклятый подвал и провел вечность в кошмарном созерцании кровавых улик неведомого ему преступления. Особенно мучительным оказалось неведение, кто и кем убит. В летальном исходе у Виктора сомнений не было.

Из ледящего оцепенения его вывело явление Отче Валентина на этот раз в роли посредника, но Вите был уже один хрен...

Валентин посулил свободу и помощь, поэтому Виктор пошел за ним, как овечка. По дороге и на квартире Отче выпотрошил Виктора окончательно, тот в смутном состоянии духа исповедался в деяниях и помыслах. Деньги Валентин взял недрогнувшей рукой причем с таким видом, будто благодеяние Витюше оказывал.

Утром, которое мудренее вечера, Валентин изложил клиенту ту часть информации, которую считал нужной, вдвоем они наскоро сформировали легенду и поехали морочить головы доверчивым курицам, нам с Верочкой.

Валентин поклялся Виктору, что клушки ничего не знают и проглотят любую дезинформацию. Тогда же Отче Валентин взялся уладить жилищные проблемы в нужном Виктору варианте, разумеется, за особую плату.

Виктор остался доволен тем, как практически безнаказанно выскочил из криминального тупика, оценил вклад Валентина и полностью ему доверился.

Правда, он не мог знать, что Отче, соблазнившись моим гостеприимством, за две бутылки коньяка продал клиента противной стороне. Другое дело, что противная сторона в моем лице не могла решить, что ей делать с полученной информацией. Делиться с подругой целиком или выборочно, или похоронить в глубине сокрушенного сердца, из опасения разбить Верочкино.

Как я понимаю, именно на это рассчитывал Валентин, он догадывался, что у меня не хватит духу рассказать подруге правду. Не смогу нанести такой удар, хоть застрелите меня!

Мрак таинственности по части прошедших событий развеялся, и теперь Валентин объяснил, что привело его в неурочный час к моему порогу.

Как бы там ни было, но Виктор, Верочкин и не только её преступный муж, пребывал в исходном отчаянном положении. Жена Антонина насадала, а жена Вера ни на йоту не изменила своего мнения по части прописки, наоборот, отнеслась с нескрываемым подозрением к попытке мужа прописаться, воспользовавшись её отсутствием.

За последнюю неделю терпение Антонины истощилось, и она выдвинула ультиматум: или Виктор срочно собирает в Шерстобитово нужные бумаги (справки о квадратных метрах и количестве проживающих), или она оповещает новую жену Виктора о факте двоеженства и требует через суд алиментов на дочь. Пускай Виктор выкручивается, как умеет!

Валентин, как поверенный Виктора, узнал о таком повороте дела незамедлительно и решил предпринять контрмеры.

На этом моменте рассказа мое терпение тоже истощилось, и я как можно более ядовито прервала Валькино повествование.

– Отче, я не ослышалась, ты теперь верой и правдой служишь другой стороне, или я чего-то недопоняла? – спросила я.

– Верой и правдой, дорогое мое дитя, дворянин служит царю и отечеству, – с достоинством ответил Валентин. – За неимением первого и за безразличием к моей особе последнего, я с твоей легкой руки работаю на частных лиц за денежное вознаграждение.

Поскольку возражений с моей стороны не последовало, Валька развил мысль далее.

– Другая, как ты удачно выразилась, сторона поторопилась щедро оплатить услуги, а ваша, т расплачивается пока весьма своеобразно, – тут Валентин выразительно постучал себя по черепу.

– «Ты неправ», – сухо произнесла я и выложила на стол заранее приготовленную сумму. – По первому требованию, согласно договоренности.

– Не суетись, прелестное дитя, – миролюбиво отвечал Отче. – И не вставай в позу. Я как раз хотел предложить занятную рокировку. Смотри, свою жалкую сумму ты берешь взад, но за это исполнишь просьбу, причем никоим образом не во вред подруге Вере, можно даже сказать, что наоборот.

– Мягко стелешь, Отче, – насторожилась я. – Не посчитай за труд объясниться.

– Смотри сюда, беспонятное дитяtko, – весело начал Валентин. – Я думаю, что твоя подруга Вера не обрадуется, если к ней заявится еще одна Викторова законная жена и устроит сцену, или я неправ? Ты ведь молчала, как маленькая прелестная рыбка, держу пари, ась? Я предлагаю побережь душевный покой твоей Верочки вместе. Смотри сюда, прелестное дитя!

С этими словами он протянул мне истрепанные корочки. Вглядевшись, я поняла, что Отче в гостях у меня времени не терял. Надо понимать, что пока я изготавливала для него парадный ужин, Валентин исправно трудился. Из старого служебного пропуска Веры Согдеевой (наверное, Виктор снабдил) и моей фотографии был состряпан довольно убедительный документ. Интересно, клей, ножницы и чернила он с собой принес?

– Годится? – спросил Отче и стал разворачивать передо мной далеко идущие планы. – Вот эту штучку ты предъявляешь сестре по несчастью Антонине Согдеевой и просишь её изложить претензии. Ты умная девочка, постарайся ради подружки, я думаю, что до драки у вас дело не дойдет. В случае чего пострадаешь, говорят, это возвышает душу. Антонина побеседует с тобой, изольет жалобы и настоящую Верочку искать не станет. Что и требуется моему клиенту, это раз. А во-вторых, если совсем худо разговор сложится, то отдашь ей Викторovy бумажки, но только в крайнем случае, поняла? От них большого вреда ему не будет, их собирают по многу раз, и они ничего не значат. Но лучше всего сказать, что пропишешь его сама и предложишь отступного.

– Ты, Отче, начитался плохих детективов, – съязвила я (надо знать, что Валентин гордился тем, что читает самые верхи классики, не то, что мы грешные). – Раскинул хитроумную сеть, и мы в ней барахтаемся, как маленькие прелестные рыбки. А тебе не кажется, что первая жена Антонина на минуточку права? Не хочется ей с дочерью до конца жизни ютиться в одной комнате. Я бы на твоём месте уговорила клиента прописаться к ней, получить эту квартиру, потом пусть разведется в местном суде и выпишется. Верочке это не повредит.

– Ты, дитяtko, действительно прелесть, печешься даже о жене Антонине. Не боишься, что ангелы заберут тебя живой на небо? – снисходительно осведомился Отче.

Далее объяснил свою точку зрения на предмет в обстоятельной речи. Цитирую буквально, потому что кредо врезалось в память, как «Отче наш». (Это вовсе не о друге Валечке... Е.М.)

«Лично я руководствуюсь желанием клиента, который, как известно, всегда прав. И чем веселее сумма оплаты, тем более он прав, смею заметить. На твою сумму я п исправно выпол-

нил заявленные поручения: нашел вас с подружкой в погребке, схлопотал за это по голове, притом бесплатно, осмелюсь напомнить. Затем проник во все тайны и добросовестно изложил их нанимателю.

По моему скромному рассуждению, перед тобой, прелестное дитя, обязательства исчерпаны. Теперь я взялся на более выгодных условиях помогать другому клиенту, какие могут быть претензии? Прости, дитяtko, но я дерзну напомнить, что ты ко мне прибежала не как к старому другу за помощью, а просила совершить определенные действия за оговоренную сумму денежных знаков. Я, как помнится, не задавал вопросов и не входил в дискуссии относительно моральной стороны твоих поручений, как ты считаешь? Поэтому теперь претензии морального порядка кажутся мне слегка неуместными. Извини, дорогая, я отнюдь не рыцарь прекрасных дам, и ты зываешь не к тем чувствам.»

Как всегда по-своему Валентин был прав и логичен, мне оставалось утереться, что я и сделала.

Прошло немного времени, эдак с полчаса, и указанный план действий перестал казаться бредовым. В конце концов, если поеду я к Антонине, посильно сыграю роль незнакомой ей Верочки, то никому от этого хуже не станет.

Удастся Виктору избежать ненавистной ему прописки в Павлово-Посаде или же нет, дело не мое, Верочка его к себе все равно не пропишет. С другой стороны, почему бы мне не исполнить просьбу старого друга Отче Валентина, он мне посильно помогал и пострадал от моей руки. К тому же он возвращает в этом случае полтораста рублей, тоже не фунт изюму.

Немножко для виду посомневавшись, я согласилась, и тут же Отче не преминул сыпануть соли на рану.

– Как трогательно, прелестное дитя, ты не находишь? Мы поменялись ролями: теперь я тебя нанимаю в целях частного сыска?

– Хоть горшком назови, только в печь не суй, а ты ведь непременно сунешь! – с обидой ответила я и зачем-то стала объясняться. – Я это для Верочки, а вовсе не за деньги...

– Не оправдывайся, прелестная крошка, – ласково издевался Валентин. – Все мы грешники не чужды земной скверне, и не замаравши крылышек, по этой юдоли скорби не пройдешь. А денежка всегда есть денежка, вещь полезная и приятная!

– Сам ты скверна и мерзость четыре раза, – я наконец развеселилась и перестала терзать себя понапрасну.

Зла я причинять не собиралась, а что заработанные деньги останутся у меня – тоже беда не большая. Время наступало ночное, пора было отправляться к Морфею, Сережа собирался заехать за нами следующим утром.

Рано утром, почти одновременно с первыми птичками явился любезный друг Серёжа, нимало не смущенный обстоятельством, что был привлечен в качестве перевозочного средства. Тут, конечно, имело место обаяние Валентина, я никогда не рисковала просить Сергея куда-либо сгонять по моей личной надобности.

Теплой веселой компанией мы наскоро позавтракали и солнечным, пронзительно-прохладным утром отбыли на чисто помытых «Жигулях» в достославный город Павлово-Посад.

Время в пути пролетело быстрее быстрого, мы оживленно щебетали и наслаждались острouмной беседой. Очень слаженное получилось трио, почему – не знаю.

Валентин указывал дорогу, выяснилось, что у Антонины он уже раз побывал в качестве посредника, поскольку их с Виктором супружеский диалог зашел в тупик по причинам эмоционального характера. А на сегодняшний день Отче обещал Антонине сюрприз, какого она не ждала и не чаяла.

Надо отметить, что город Павлово-Посад производил нерадостное впечатление даже солнечным утром, и нам пришлось поездить по тесным, неопрятным улочкам.

Наконец мы приехали, и Сережа, по знаку Валентина, притормозил экипаж около темного кирпичного здания невыносимо барачного вида. Наш славный водитель остался в машине читать журнал «Огонёк», а мы с Валентином двинулись в барак, построенный, как оказалось, еще при последнем императоре.

На первом этаже мрачного строения размещалась чудовищных размеров кухня, примерно 20×20 м, не менее. Густая волна застарелых и свежих запахов окатывала входящего, на двух гигантских плитах свободно можно было устроить велогонку мира. Правда, народу на кухне оказалось не так много, видно, час завтрака прошел, а час обеда даже не приближался.

Мы миновали кухню, срезали угол гулкого темного коридора и начали восхождение по самой удивительной лестнице, какую мне приходилось видеть.

Представьте себе эскалатор метро, той же ширины из похожего материала, только неподвижный и окантованный стёршимся металлом по гребням ступенек. Вот по такой невиданной лестнице мы с Отцом Валентином поднялись на четвертый этаж.

Пролеты круто уходили вверх и длились бесконечно, без лестничных площадок. Хотела бы я знать, как может женщина подниматься вверх по такому сооружению с кипящим чайником или с кастрюлей горячего супа в руках? А если сверху несётся парочка детишек? По моему, смертельный номер, первый приз на фестивале фестивалей!

Не без отдышки мы вскарабкались на последний этаж, прошли примерно половину полу-темного коридора и остановились у одной из дверей. Дверей этих, кстати, было неисчислимое множество, они шли по обеим сторонам коридора буквально вплотную друг к другу.

– Не пялся на жилплощадь, сразу ищи хозяйку и входи в образ! – прошептал Валентин и без стука толкнул дверь.

Но даже после предупреждения, я не смогла совладать с собой и сосредоточить внимание на Верочкиной сопернице, меня поразила комната, вернее, невероятная конфигурация помещения.

Жилище казалось вытянутым по вертикали, высота от пола до потолка превосходила длину и ширину, вместе взятые. Внизу пространство было заставлено предметами обихода, причем некоторые неожиданно громоздились один на другом. Освоение жилого пространства тоже шло по вертикали. Складывалось впечатление, что обитатели должны порхать в воздухе, над мебелью, потому что ближе к полу свободного места не было.

Тем не менее в кукольной комнатке царили чистота и порядок, радовали глаз веселенькие, гладью вышитые салфеточки и дорожки. Вышивки отлично смотрелись бы в модном интерьере, это подлинники, а не какой-то фабричный кич! Я представила одну из них, с анютиными глазками, на своем журнальном столике...

Валентин больно толкнул меня в бок, я вернулась к реальности и приветствовала хозяйку, в ту минуту вынырнувшую из-за пестрой занавески, висящей непосредственно на стене. Как она там поместилась, я не поняла, наверное, случился перебор впечатлений.

Солнце щедро освещало её, и Антонина предстала во всей красе. Лет десять назад она была хороша собой, не уступала красивой Верочке, да и сейчас смотрелась весьма недурно в своем роде. Крупная женщина в пристойных формах, южнорусского типа, темного с блеском. Блестели глаза, волосы и зубы, поэтому казалось, что искрится она вся, особенно когда улыбалась.

Не знаю, как бы она отнеслась к настоящей Верочке в случае их свидания, но мое появление вызвало у Антонины гамму неожиданных чувств.

– Она это, что ли? – спросила Антонина у Вальки, едва успев поздороваться.

– Да, твоя товарка по браку, – подтвердил Валентин. – Вер, предъяви документ, чтобы никто не сомневался.

И я послушно полезла копаться в сумке под пристальным взглядом первой жены милого Витюши, будь он трижды неладен, в страшном сне такого не увидишь!

Неловкою рукой я поднесла ей фальшивый документ, но Антонина глянула на него вскользь. Её занимала другая мысль.

– Да сколько же лет тебе, Вера Согдеева, младший научный сотрудник? – с насмешкой спросила она. – Двадцать пять-то есть? Баба ты или девчонка, или не кормит он тебя?

(Поясняю. В отличие от видной Верочки я выгляжу скромно, но изысканно, и основным достижением является иллюзия непреходящей юности. В возрасте восемнадцати я выглядела едва на четырнадцать, откуда взялось прозвище «прелестное дитя», а на подступах к тридцати могу сойти за старшую школьницу. Иногда бывают казусы.)

Мой девический вид, очевидно, спровоцировал гамму неожиданных чувств. Антонина ожидала увидеть соперницу, столичную штучку, а перед ней растерянно топталась на пороге тощая девчонка с конским хвостом вместо прически.

Она ведь не знала, каких трудов стоит мне образ милой, неискушенной юности, убойное оружие на службе и в личной жизни, я надеюсь пользоваться им вплоть до пенсии!

Сработало оно и с Антониной: вместо ненависти и злобы она прониклась чувством снисходительного покровительства, не без некоторого, правда, презрения. Разве это женщина, дитя малое, жертва коварного мерзавца Витьки! И еще один плюс выявился в мою пользу, Антонине стало ясно, что муж ушел от неё не к другой женщине, а к московской прописке, что польстило её самолюбию. Знал Отче, что делает, этот самозванный психолог без диплома высчитал все детали к выгоде для себя!

Насладившись произведенным эффектом, Валентин произнес заготовленный спич.

– Нин, я тут Вере всё рассказал, ей в конце концов надо знать, а то она одна в дурочках ходит, теперь вы потолкуйте, только, девочки, без драки, ладно? А я пойду, прогуляюсь, через часок вернусь, договорились?

Гнусный предатель получил согласие хозяйки и испарился, оставил меня расхлебывать малосъедобную кашу!

– Не промах у тебя брательник,» – одобрила его Антонина. – Веселый мужик, заводной, но шпана, скажу я тебе, жулик первостатейный, да так и надо, а то пропадешь.

Я не нашлась с ответом, только поулыбалась в знак согласия, не исключено, что Антонина приняла меня за слабоумную, что пошло всем на пользу.

– Садись, подружка, на кровать, чего мнешься, как не родная, – далее ободрила меня Антонина, поскольку я не вполне освоилась и прикидывала, каким же братом Валька придется Верочке – родным или двоюродным. – Тебе братишка рассказал всю нашу историю? Или тоже документ представить? Плакать не станешь? Или уже было дело? Так не робей, я по молодости тоже немало их пролила, слезок-то, а потом взяла и плюнула. Хотела я с тобой, девушка, Ваньку повалать, припугнуть, что не знаю, с кем ещё Витек жить будет, полаяться с тобой маленько, а потом поплакать, да его так и быть тебе уступить. А ты, смотрю, робкая какая-то, бессловесная, боишься меня что ли? Грех тебя обижать, давай договоримся с тобой по-хорошему.

– Всё так неожиданно, – бездарно забормотала я. – Я даже не знаю, как мне быть, он и Вас, и меня обманул...

– Не «выкай», небось не чужие, – весело перебила меня Антонина. – Что муженек наш стервец, это я и так знаю, но не он один виноват. Поженились мы с ним смолodu, сдуру, потом оглянулись и враз пожалели. Я тогда не такая была, сама бы замуж в Москву вышла, да ещё за богатого, конфетка-девочка была, да что там вспоминать. Чтобы ты знала, у нас с Витьком любовь давно кончилась, не нужен он мне совсем, бери его и держи. Мне от него одно нужно: чтобы квартиру получить двухкомнатную. Девка растёт, мы здесь с ней поютились друг у дружки на голове, хватит. Братишка твой неродной, Валентин, сказал, что мы договоримся. Так давай честно выкладывай, чего ты хочешь, дурочкой не прикидывайся.

(Узнав, что Валька приходится мне и Верочке сводным братом, я почувствовала некоторое облегчение. Е.М.)

Далее, в соответствии с продуманными заготовками (продумывал Отче, а я на ходу корректировала), мы с Антониной вступили в переговоры.

Сначала выработали протокол разногласий, выявили спорные пункты, убрали из них эмоции вместе с самолюбием и стали с противоположных сторон подходить к компромиссному решению. На уступки я пошла только при условии, что Виктор ничего не узнает о нашем свидании – моей главной задачей было сохранение Верочкиного неведения относительно ситуации двоеженства. Очень уж болезненно она на такую возможность реагировала, дурак Витька, что имел неосторожность вообще заронить ей в голову такую мысль!

Не прошло и полутора часов, как мы с Антониной пришли к принципиальному согласию, следует отдать должное её здравому смыслу и не запудренным мозгам. Она трезво смотрела на сложившуюся ситуацию: не с точки зрения абстрактной этики, правил или традиций, минуя административные и социальные институты, а «зрела в корень» по заветам Козьмы Пруткива. Случались моменты, когда я восхищалась прямоотой её суждений и свободой от догм, которые мы привыкли считать святынями.

Например, она упорно рассматривала брак, как добровольное совместное проживание мужчины и женщины. А условности типа печати в паспорте, общественного мнения и многое прочее считала пустяками, не стоящими внимания.

Под конец разговора возникла некоторая обоюдная симпатия, стыдно сказать, но поимевшая материальное выражение. Она посматривала на мои недорогие, но эффектные часики made in Japan, а я не сводила глаз с предметов художественной вышивки.

Женщина женщину всегда поймет, мы слегка помялись, но потом плюнули на предрассудки и совершили натуральный обмен. При этом я объяснила, что беру вышивки не для себя, а в подарок подружке Кате Малышевой на день рождения.

К Валькиному приходу мы с Антониной пили чай вокруг швейной машинки (сей предмет снимался со стола лишь в случае парадных обедов персон на пять, большее количество персон в комнату не помещалось при всем желании) и делились опытом по части воспитания детей.

– Ну, милые дамы, я смотрю, у вас всё как по маслу, только Витюши не хватает во главе стола! – приветствовал нас вошедший брат Отче. – Жили бы мы на Востоке, так горя не знали бы: Антонина – старшая жена, Верунчик – младшая, глядишь, Витюша себе бы и третью присмотрел.

– Типун тебе на язык, братец! – ответила исполняющая обязанности младшей жены, и мы стали собираться восвояси.

Расстались мы почти, как старые знакомые, Антонина приглашала всех на новоселье, понятно, что не всерьёз.

Наконец мы обрадовали Сергея своим возвращением, и с комфортом покатали обратно в столицу. По дороге к машине Валентин спросил, как бы между прочим.

– Справки держишь, или отдала?

– Пришлось отдать, – созналась я. – Иначе она ни в какую, грозила, что на работу Витьке сообщит, да и понятно, они ей позарез нужны.

– Вот это ты, конечно, зря, – заметил Валентин без одобрения. – Я их у Витюши достал посредством низкого обмана, сказал, что с твоей помощью попробую уговорить его супругу. Если он узнает, что бумаги все-таки у Антонины, его Кондратий хватит.

– Почему? – удивилась я.

– Знаешь, дитятко, – объяснил Валентин. – Тут мы с тобой малость напортачили, я надеялся, что ты и так обойдешься. Он бы и сам мог, собственно говоря, принести ей эти справки. А он очень не хотел...

– Ну, знаешь, Отче, – обиделась я. – Сначала говорил одно, а потом что я сделала неправильно. Ничего плохого от справок не будет. Антонина мне объяснила, что главное – жилищная комиссия. Она решает, сколько комнат дать, какую квартиру. Вот для комиссии нужны справки, они решат, что дают квартиру семье, раз приложены Викторовы бумаги. А когда выйдет решение, кто станет смотреть, сколько их прописывается: двое ли, трое ли. Дали квартиру и все.

– Бог с тобой, прелестное, но неразумное дитя. – великодушно простил меня Отче. – Дальнейшее – заботы дяди Вали, а ты можешь отдыхать.

И действительно, к моему большому облегчению это муторное дело совершенно заглохло. Канул и Валентин, у меня не появлялся и по телефону не звонил.

Только у нас с Верочкой появилось роскошное воспоминание. Не проходило ни одной встречи, чтобы мы на разные лады не перебирали подробностей приключений в подвале. Одно было неудобно, я всё время боялась нечаянно проговориться, и приходилось обдумывать свою часть диалога.

Но потом и это прошло, я тщательно отредактировала свою часть мемуаров, привыкла к адаптированному варианту, и мы с Верочкой могли бродить по лабиринту сногшибательных воспоминаний безбоязненно.

Так прошло два месяца. Лето давно кончилось, наступила прелестная осень, золотым листопадом, дождями и слякотью.

Что у меня, что у Верочки жизнь шла завидно монотонно: у неё продолжался сложный семейный роман, у меня привычно цвел роман несемейный.

По моим предварительным соображениям наших с Сергеем чувств должно было хватить ещё года на полтора, а там мне надо будет всерьез подумать о замужестве и детях... Однако мои дальнейшие жизненные планы к данной истории отношения не имеют.

Меня, кстати сказать, не удивляло, что Верочка быстро оправилась от пережитых потрясений, женщина, она существо крепкое, тем более что у нас вся жизнь – сплошное потрясение и ко всему выработан иммунитет.

Я поражалась другому обстоятельству, насколько быстро обо всем забыл Витюша! Судя по рассказам Верочки, его поведение не изменилось никоим образом. Очень скоро вернулись требовательность и капризы, однако добавились попытки продемонстрировать мужское превосходство, стремление унижить жену и уязвить её самым мелочным поведением.

Насколько я способна понять мужскую психологию, Виктор ни в малейшей степени не ощущал вины перед Верочкой и легко простил себе попытку её похищения в корыстных целях, а также долгое содержание в подвале на хлебе и воде.

Насчет прописки Витюша дальнейших поползновений не предпринимал, из чего я сделала вывод, что у них с женой Антониной всё как-то утряслось.

Приключенческая эпопея отодвинулась в область глубокого прошлого, осталось только недоумение по поводу Витюши. Надо же, человек столько натворил, так бессовестно со всеми обошелся, и ничего, живет, радуется и в ус себе не дует.

И я даже разоблачить его не могу, жалко Верочку. Такого удара она может и не перенести, ибо в народе говорится, что любовь зла. К тому же друг Сережа ни в коем случае не советовал просвещать Веру, никакой пользы от этого, сказал он, кроме вреда.

Тем не менее, мечты о наказании порока иногда меня посещали, подкрепленные, смутными надеждами.

Поэтому, в тот самый день и час, когда порок (Витюша собственной персоной) позвонил мне однажды вечером и крайне неприветливо спросил, где он может найти Валентина, я поняла, что не всё потеряно в смысле справедливого воздаяния.

Тоном, исполненным фальшивой любезности, я заверила Виктора, что, во-первых, давно потеряла Отче из виду, а, во-вторых, найти его могу исключительно эмпирически. А именно

сесть на электричку, доехать до Хлебниково, а далее идти по одной мне известным приметам. К вышеизложенному добавила, что такого желания сейчас у меня нету, и вряд ли оно в ближайшее время возникнет.

Возмущенные вопли Виктора не произвели на меня впечатления, я только сказала дежурную фразу.

– Прости, дорогой, ничем не могу помочь, – и сразу повесила трубку.

Представляю себе, в каких нелестных выражениях думал обо мне милый Витюша, однако сие меня не трогало. Наши отношения давно сложились, и ничто в мире не могло их ухудшить или, увы, поправить.

Еле дождавшись утра, я бегом прискакала на службу и стала упорно дозваниваться до Верочки, благо в нашей комнате народ ещё не собрался, и я могла на свободе обсуждать сугубо личные дела. Звонила я ей, конечно, тоже на службу.

Бедняга Витюша не подозревал, что вовсе не я, а его супруга располагает последними сведениями об Отче Валентине, к тому же видит его чаще, чем кто бы то ни было.

На протяжении двух месяцев, сначала изредка, затем всё чаще Верочка вспоминала о нем, и не просто, а в связи с событиями личной жизни своей сослуживицы Марины Головинской.

Там возник роман, исполненный напряжения и трагизма, чего я от пресыщенного Отче не ожидала, хотя, может быть, трагизм существовал лишь в воображении тридцатилетней девушки Марины.

Как я понимаю, суть рокового непонимания между влюбленными заключалась вот в чем: добропорядочная Марина напрямую связывала любовь с браком, а Отче, насколько я знаю, между этими явлениями причинно-следственной связи не усматривал.

Да и, честно скажем, какой из него муж и глава семьи? Такое только великовозрастной девушке без опыта может померещиться. Тем не менее, Валентин часто навещался в город, и Вера раз за разом встречала его в окрестностях службы.

Дозволившись наконец до Верочки, я попросила ее связаться с Валентином и передать, что я жду его звонка в ближайшее время. Я полагала, что как бы ни был Отче погружен в свой многотрудный роман, он найдет время выяснить, зачем мог понадобиться разъяренному работодателю. Отче позвонил в тот же вечер.

– Чем обязан, прелестная крошка? Неужели опять проблемы? – осведомился он.

– Не у меня проблемы, – сообщила я. – А у тебя. Звонил Виктор, злой, как черт, и спрашивал, где тебя можно найти.

– Вот только этого мне не хватало, – проворчал Отче. – Мало мне осложнений в личной жизни...

– А что у тебя в личной жизни? – я бестактно перебила его. – Как я слышала, тебя, мое солнышко, активно под венец тащат? Ну, я поздравляю.

– Ещё успеешь напоздравляться, – мрачно заметил Отче. – Так Витюша, говоришь, нервничает? Окей, спасибо, крошка, за информацию. Да, я на днях заеду, есть у меня одна проблемка, как бы приличнее выразиться, дамского плана.

На том и договорились. В чем заключается проблемка, я узнала раньше, чем Валентин успел появиться.

Однажды вечером заскочила Верочка в состоянии оживления и поделилась новостями. Оказалось, что чувства Марины и Отче давно перешли платонический рубеж вплоть до того, что у Валентина возникла перспектива обзавестись младенцем в ближайшие полгода. Будущий отец находился в недоумении, однако милая Мариночка, желала ребенка сохранить.

Героическая женщина, надо сказать. История, конечно, старая как мир, но для непосредственных участников злободневная и вечно болезненная.

Мы с Верочкой всласть почесали языки по поводу возникшей драмы. Все мы необычайно рассудительны, когда речь идет о чужих делах. Вот если бы свои проблемы решать с тем же блеском!

В скором времени Валентин явился, как повелось, без предупреждения. К счастью, я коротала вечер одна, и никаких моих гостей милейший Отче шокировать не смог, он бы не преминул.

Для разгона Валентин долго и нудно жаловался на безрассудное и безмозглое упрямство лучшей половины человечества. А за чаем вздохнул и признался, что не видит выхода из создавшегося положения, но я только над ним посмеивалась.

Оказалось, что Марина долго скрывала от него свою беременность и сообщила новость, когда все сроки прошли, и официальная медицина отказалась проводить оперативное вмешательство. Я поняла, что Марина немного разобралась в избраннике, но опять же, любовь зла, и девушка решила поставить его перед фактом, чтобы избежать неприятных сцен и ненужных требований.

Валентин не растерялся и нашел доктора, готового сделать аборт при любом сроке, разумеется, за хорошее вознаграждение, ибо дело это весьма противозаконное.

Однако Марина упорно отказывалась от услуг лихого хирурга. Валентин, тем не менее, не терял надежды её переубедить, с тем ко мне и приехал.

Он хотел, чтобы мы о Верочкой, (или одна Верочка с моей подачи) объяснили бедной Марине в доступных женских выражениях, что она собирается совершить величайшую глупость. Отче попросил, чтобы мы втолковали Марине следующее. Мало того, что он, Валентин, человек для супружества и отцовства малопригодный, существует опасность родить неполноценного ребенка, поскольку пьет будущий папаша много лет подряд весьма регулярно.

Валентин считал, что перед такими аргументами девочка из хорошей семьи не устоит, и он был прав, хочешь, не хочешь – задумаешься!

Я должна как бы по секрету Верочке эту информацию выдать, а та со слезами на глазах сообщить подруге из лучших побуждений.

– Я вас из смрадного подвала вывел на свет Божий, так что потрудитесь, пожалуйста, барышни, для дяди Вали, – торжественно заключил свою просьбу Отче.

На том мы и порешили, такую просьбу отклонить невозможно.

– Какие новости у Витюши? – затем любопытствовала я. – Зачем он тебя добивался?

– У Витюши дела сильно хреновые, – безучастно ответил Валентин.

Затем объяснился в длинном прочувствованном монологе. Чувства оказались смешанными.

– Ты его справочки Антонине отдала? Так она ими очень ловко распорядилась. Сначала выбила себе двухкомнатную квартиру, выписала ордера, всё честь по чести. К слову сказать, старый Витюшин паспорт со штампом браке у неё хранился, и свидетельство о браке тоже. Так она набралась наглости, поехала в поселение Шерстобитово и на основании документов и ордера выписала Витюшу из родного дома в его безмятежном отсутствии. Как она это сумела проверить, не знаю, она не объясняла, только хихикала: «Долго ли, умеючи?»

Я пытался спросить зачем, а она чуть слезу не пустила, бормотала, что иначе ордер считают недействительным и всё такое прочее. Я думаю, что факт коррупции имел место.

Так вот, она Витюшу к себе насильно прописала, въехала в новую квартиру, еле нашел красотку, а разговоры по Шерстобитову пошли и постепенно добрались до мамыши нашего героя. Та удивилась, сбегала в паспортный стол и в жилищную контору, а там ей показали бумаги. Дескать, выписался ваш ненаглядный в город Павлово-Посад к супружнице для проживания в новой квартире, мол, сами же, бабуся, его справки у нас брали, помните? Поленился наш красавец в свое время, стогнял за справками старенькую маму. Они там и решили, что все по-

семейному, по-хорошему, мама собрала оправки, жена получила квартиру и выписала благоверного, а он по отечественной традиции на диванчике полёживал.

Мамаша опечалилась, но виду не подала, только позвонила сынку в Москву. Витюша рванулся к Антонине, но дело было сделано, его в новой квартире как раз и прописали. Нина очень смешно рассказывала, как он заявился во гневе спрашивать у неё объяснений. Она так и не сказала, откуда взяла справки, повторяла «А ты, попробуй, угадай.»

Витюша, угадал, и стал меня искать. А ты умничка, что не выдала, он бы сгоряча натворил дел. Сейчас мы ему, бедняжке, позвоним, как сможем, утешим!

Валентин быстро дозвонился до Виктора, и я с удовольствием выслушала их беседу, вернее, доступную мне часть.

Сначала, как я поняла, Виктор выражался туманно, наверное, Верочка могла слышать, затем, надо думать, закрылся в санузле и выплеснул на Валентина крайнее неудовольствие.

Отче был с клиентом сух, предельно вежлив и пытался разъяснить, что улаживать паспортно-прописочные дела он брался за отдельную плату, каковой пока не получал. Само собой разумеется, что потерпев фиаско, он от готов от денег отказаться и более претензий к Виктору не имеет.

Претензии имел Виктор, судя по долгим паузам в беседе, но Валентин настаивал на том, что просто не получилось, а он ни в коем случае не переметнулся на сторону жены Антонины за очередное вознаграждение.

Я от нетерпения подпрыгивала в кресле и зловещим шепотом суфлировала насчет справедливого возмездия.

– Ладно, приятель, – Отче наскучил бесплодными пререканиями и произнес последний монолог.

– Ты со мной расплатился за сделанную работу. В тюрягу ты не сел, жена Вера к чертям не послала, хотя стоило бы, и моими стараниями находится в состоянии неведения. Будь доволен и не серди меня, не то могу заскочить в гости к Катюше Малышевой и повеселить девушку подробным рассказом. Сам знаешь, как долго информация у неё удержится. Замолкни и сиди тихо. Положение у тебя безвыходное, идти тебе некуда, кроме как в Павлово-Посад, по месту прописки. А я, так и быть, дам тебе один совет, причем бесплатно. Обожди год, разведись о Антониной потихоньку и пропишись обратно к маме. Иначе не оберешься хлопот, когда придет время менять паспорт. Если понадобится мое содействие, свистни, я не злопамятный. А теперь разреши пожелать всего наилучшего. Привет семье!

Валентин повесил трубку, и я предвкушала отчет о несбывшихся договорённостях с клиентом Витей, но не тут-то было!

– Сговор о Антониной имел место? – спросил Отче Валя без предисловий.

Я тяжело вздохнула, очень не хотелось признаваться.

– Отсутствие отрицания приравнивается к согласию. – резюмировал Отче. – Значит, сговорились за моей спиной две коварные лжесупруги...

Я опять вздохнула и с неохотой поведала, как, будучи у Антонины с деловой миссией, ясно дала понять, что не имею ничего против. Пускай Нина хлопочет о прописке нашего с ней красавца в Павлово-Посаде.

Именно в этот момент и были отстегнуты японские часики. Я объяснилась обвиняком, что сама прописывать его не хочу, потому что опасаюсь.

– Ты, девушка, вроде проста, а кое-что скумекала, – с уважением отозвалась Антонина. – Найдет он себе новую дурочку, и накрылась медным тазом твоя квартира в Москве. Отсудит и разменяет ее наш Витек! А мне бояться нечего, из нашего города в Москву работать не берут, он застрелится, а сюда жить не поедет.

В знак достигнутого согласия Антонина преподнесла мне вышитую дорожку с анютиными глазками, а я сказала, что себе, пожалуй, не возьму. Не ровен час, Виктор узнает предмет искусства, а подарю-ка лучше подруге Кате Малышевой, она обрадуется.

– Как я и предполагал, – пояснил Отче. – От вашей сестры дождешься благодарности! То поленом по темени, то продаст и глазом не моргнет, а ты говоришь – жениться? Да я лучше крокодила заведу, чем пушу женщину в свой дом, недаром древние говорили, что от вас зло и скверна.

– Правильно, от нас, – кротко согласилась я. – Это Верочка сразу за двоими замужем, и Витюшу в подвал посадила, чтобы выманить московскую прописку. А Марина тебя соблазнила и хочет бросить в интересном положении или заставить сделать поздний аборт с опасностью для жизни, потому что пила портвейн 20 лет и боится, что ребенок будет дефективный.

– Смотри-ка, – ничуть не обиделся Отче. – Ведь не впустую прошла жизнь. Пообщаешься с кем-то лет десять, поучишь уму-разуму, а она потом сможет достойно ответить, и не будет мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Счет: один – один, моё прелестное дитя!

Мы немного поразвлекли друг дружку приятной беседой, и Валентин откланялся, заранее принося благодарность за будущую поддержку.

Забегая вперед, скажу, что общие старания пропали втуне, Марина никого не послушала и родила прекрасную девочку. Даже отец Валентин доволен развитием младенца и утверждает, что дочка вся в него – то-то вырастет фруктик!

Незадолго перед рождением дочери они с Мариной вступили в брак, но семейную жизнь строят весьма своеобразно. Отче живет у себя на озере, Марина с дочкой в Москве, и ездят в гости по очереди, то он к жене, то она к мужу.

Верочка с Виктором живут там же и так же, а о себе как-нибудь в другой раз.

Конец самой первой истории

Гобелен с пастушкой Катей

История вторая из жизни Екатерины МАЛЬШЕВОЙ

Краткая справка

Первая история началась и закончилась тремя годами раньше. Жила такая одинокая разведенная девушка, звали ее Катя Малышева (это я), жила спокойно в своей однокомнатной квартире, работала в издательстве «Факел», редактировала в меру художественную прозу. Кроме отдельно живущих родителей, близких людей у Кати было: раз, два – и обчелся. Первой по счету шла Верочка, подруга детских и отроческих лет. Вторым числился Сергей, обворожительный, но женатый, роман с ним длился не первый год в лучших внебрачных традициях. И вот однажды подруга Верочка пропала без вести, сгинула в джунглях большого города.

В первой истории Катя Малышева Верочку искала и нашла. Где и какими путями нашла – неважно, важно, с чьей помощью. Гениальная идея осенила Катю (меня, то есть), на поиски Верочки мобилизовать своего то ли знакомого, то ли друга юности, некоего Валентина, человека весьма своеобразного. Их общение, Кати и Валентина, заключалось в том, что они 12 лет звали друг друга соответственно: «Прелестное дитя» и «Отче Валентин», ну, и все время старались придумать, как бы удачнее один другого поддеть и подразнить.

Хотя они мешали друг дружке взаимно, но Верочку ухитрились найти. В виде бесплатного приложения нашли Валентину жену и дочку, чему он был удивлен до степеней несказанных.

А у Кати жизнь пошла по-прежнему, нельзя сказать, чтобы она ею была недовольна, невзирая на исторические события, в те времена происходящие.

Тут и начинается вторая история. Год исполнения примерно 1992 от РХ или плюс-минус немного около того.

Часть первая

Глава 1

Дождь лил, как из ведра, тем поздне-весенним вечером, когда старый друг Отче Валентин объявился с целью меня стремительно навестить. Правда, надо отдать ему должное, впервые за многие годы знакомства Валентин оповестил о своем надвигающемся визите.

Телефонный звонок вынул меня из почти принятой ванны, и, натягивая (еще советских времен) махровый халат, я сняла мокрой рукою трубку, проворковала: «Алло...», и услышала знакомые интонации Валькиного голоса:

– Приветствую тебя, прелестное дитя! Я надеюсь, ты одна в сей поздний час?

– А что, – вскинулась я, – вышло запрещение на внебрачные связи? Или чем-то другим вызвана трогательная забота о моем целомудрии?

– Моя драгоценная прелесть, правила вежливости предписывают не отвечать на вопрос вопросом, тем более не тремя сразу. Так ты одна, дитячко, или нет? Я планирую тебя посетить и не хотел бы оказаться пятым колесом в твоей любовной телеге.

– С каких пор такие церемонии, уважаемый Отче? – вновь не удержалась я. – Однако спешу сообщить, что действительно одна и буду рада тебя видеть. Обозначь время, и я сменю халат на скромное домашнее платьице, стоимостью в пару-тройку тысяч.

– Оставайся в халате, свои люди, – разрешил Отче. – А буду я непосредственно сейчас.

И действительно, не успела я разобраться с мокрой головой, как раздался звонок в дверь. По всей видимости, Валентин оповещал о визите из ближнего автомата на углу, и я могла бы увидеть его из окна в процессе разговора, если бы догадалась глянуть.

Интересная могла состояться картина, кадр из авангардного фильма: девушка в халате смотрит сквозь влажное стекло и дождь на стеклянную будку, в центре дождевого пузыря туманная фигура держит у лица телефонную трубку и говорит слова, которые девушка слышит, прижимая к мокрым волосам трубку, глядя на улицу, сквозь залитое дождем стекло.

Повинуясь нетерпеливой трели звонка, я без опаски широко распахнула дверь. (По модной квантовой теории зловещее совпадение: ждёшь в назначенное время ночи друга, а вместо него импровизированно приходит бандит – равно 0,01 % вероятности. Однако, будет когда-нибудь и на старуху проруха, и отольются мне тогда теоретические кванты!).

Однако на сей раз вероятности не подвели, и в проеме театрально возник Валентин, мокрый до нитки. По всей видимости, никакая степень процветания не заставит друга Валу обзавестись тривиальным зонтиком. Вода лила с него ручьем, прямо на новенький палас в прихожей.

– Хорошо смотришься, детка, – приветствовал гость. – Сообрази-ка быстренько что-либо с градусом, кофе и полотенце.

– Мое гостеприимство, Отче Валя, отнюдь не безразмерно, – сухо предупредила я, обиженная утечкой вежливости и требованиями гостя. – В наше время тотального дефицита и всеобщего обнищания требовать с ходу таких редкостных вещей, как...

– Ну, полотенце у тебя наверняка есть, занудная крошка, – парировал Отче Валентин. – Небось еще с доперестроечных времен, так что не приbedняйся, неси, а то смотри, как я у тебя на пол натек.

Далее он снял хлюпающие ботинки, надел Сережины тапочки и уселся в самом центре дивана, вытирая голову принесенным мною полотенцем, пока я готовила на кухне кофе. Запас у меня был, как у всех столичных жителей, пожалуй, года на два, как раз до торжества рыноч-

ной экономики, если ее, конечно, не придется ждать, как ранее объявленного коммунизма, который должен был поспеть уже несколько лет как, но заплутал где-то в дороге.

Спиртного, увы, у меня не оказалось, так что пришлось Валентину общаться со мной на трезвую голову, к чему никто из нас не привык. Может быть, поэтому несколько первых минут прошли в досадной натянутости, которую растворимый кофе паче чаяния усугубил, вместо того, чтобы рассеять.

«Раз пришел он в столь неурочное время, – размышляла я между тем. – Значит, пускай самолично излагает дело, вряд ли Валечка взял и заскочил на огонек поболтать и выпить со мной кофейку».

Непохоже то было на Валентина, хотя после истории с исчезновением Верочки и его геркулесовых трудов по ее розыску, наши отношения перешли в иное качество. До наших совместных детективных усилий и моей не слишком удачной попытки проломить ему голову мы с Валентином были отдалёнными старыми приятелями, и редкие встречи с разговорами происходили на уровне вечной взаимной подначки.

Соединенные, хотя и разнонаправленные розыскные труды чудесным образом превратили наши нечастые общения в старинную дружбу драгоценной закалки. Подначка, правда, как была, так и осталась, на нее нанизывалось всё прочее, сохранилась как несущая конструкция упрочившейся духовной близости.

Именно желанием подразнить старого друга, а вовсе не хорошим воспитанием были подсказаны тем вечером мои вежливые вопросы, долженствующие вывести Валентина из состояния смущения непосредственно к цели позднего визита.

– Ну что нового, Отче? Как бизнес, процветает? А семья: Марина, дочка, теща – все в порядке? – осведомилась я, созерцая обновленный имидж ныне респектабельного Валентина.

Чашечка кофе слегка дымилась в его руке, и восходящий пар отчасти затуманивал черты. От подзаборного пьющего аристократа прежних лет, старого ненадежного друга юности в нынешнем облике Валентина сохранилось немного. Лишь сонный, полный презрения взгляд бледно-зеленых глаз да привычная кривая улыбка – один угол рта сильно опережал другой по дороге вниз. Всё остальное, от джинсового (в данный момент мокрого) костюма до цвета и выражения лица (никаких живых черепов, сплошная уверенность в себе, может быть, даже пробежки по утрам в костюме «Адидас») не просто говорило, а вещало в назидательном тоне об имеющем место не первый день преуспевании в современности владельца всех этих признаков жизни.

Преображение Валентина меня радовало и забавляло. От нищего и гордого потомка родовитых российских дворян, брезгливо презиравшего пошлую советскую действительность, до процветающего бизнесмена и примерного отца семейства, и всё за неполных три года! Вот что мы провернули с его супругой Мариной при небольшой поддержке дамы по имени Клио, музы истории, проще говоря.

Наши совместные приключения в процессе поисков пропавшей Верочки дали Валентину идею бизнеса и первоначальный капитал; Марина Головинская в темпе родила ему прелестную Алечку (то есть, конечно, Валечку) и незаметно обволокла семейными узами; а историческая спешка, смахнувшая коммунизм с глаз долой, позволила Вальке прыгнуть из сторожей в бурные воды свободного предпринимательства.

На деньги, полученные несправедным путем от Виктора, мужа Верочки, Валентин после краткого размышления открыл сыскную контору. Теперь он консультировал, охранял (с помощью служебных псов, точнее, сдавал их в аренду), кое-что расследовал, не брезгуя иногда особо наглую публику и припугнуть.

Двуногих помощников он не держал, предпочитал действовать не мускулами, а извилинами, как Эркюль Пуаро знаменитый сыщик у Агаты Кристи, поэтому вечно толковал о серых мозговых клеточках.

Надо отметить, что Валентин попал в струю времён, контора снабжала его средствами к существованию, чтобы не сказать большего. Не раз и не два, в виде особой язвительности, Валька предлагал мне бросить полузатонувшее издательство и идти к нему в секретари-ассистенты.

«Хватай, пока дают, – глумился Отче Валентин. – Не то, смотри, прелестное дитя, проворонишь свое счастье, возьму долгоногую красотку, и будет она носить мне чай, пока Прекрасная Дама не застрелит из конторского легального нагана нас обоих.»

Прекрасной Дамой и Вечной Женственностью Валька высокопарно именовал свою жену, бессовестно обкрадывая А. Блока и В. Соловьёва. Правда временами, чтобы развеселить скорее себя, чем собеседника, он круто снижал образ и превращал супругу в Таблицу Менделеева. (Цикл стихов о Прекрасной Даме был посвящен Блоком невесте, Любви Дмитриевне Менделеевой, дочери великого ученого, который явил миру всем известную таблицу периодических весов. Вечная Женственность по Гёте и В. Соловьёву, она же Блоковская Прекрасная Дама, она же Любовь Менделеева, она же Таблица Менделеева, в миру – Марина, Валькина жена.) В непочтительных устах Отче «Таблица Менделеева» звучало как «моя старая лоханка» или того похлеще. «Прекрасная Дама» существовала для светского разговора.

– Ты все-таки ведьмочка, прелестное дитя, – немного поразмыслив, Отче решил ответить. – Ведь в самую точку угодила, поразила точно в Ахиллесову пятку. Отвечая, я с ходу вынужден излагать просьбу, чему дворянская и мужская гордость противятся просто со страшной силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.